

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 07.00.02 – Отечественная история; 07.00.03 – Всеобщая история; 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 07.00.02 – Domestic history (historical sciences); 07.00.03 – Global history; 07.00.09 – Historiography, source-study and methods of historical research; 23.00.04 – Political problems of international relations, global and regional development.

ISSN 2072-8360 (print)

2021 / № 3

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 5 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д.и.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д.и.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — к. пол. наук, доцент, МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д.и.н., проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д.пол.н., к.ю.н., проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д.и.н., проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д.и.н., проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д.и.н., проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д.и.н., доцент, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д.пол.н., проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д.и.н., проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д.и.н., проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д.пол.н., проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д.и.н., проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д.пол.н., д.ф.-м.н., проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д.пол.н., проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д.и.н., проф., МГОУ

Штоль В. В. — д.пол.н., проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

Индекс серии «История и политические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40712

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2021. — № 3. — 204 с.

© МГОУ, 2021.

© ИИУ МГОУ, 2021.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

— Issued 5 times a year —

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU
Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Ph.D. in Politology, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Professor, Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Professor, Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Professor, University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Professor, Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Professor, University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K.A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Professor, MRSU

V.V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series « History and Political Sciences» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № ФС77-73347.

**Index of the series «History and Political Sciences»
according to the Union catalog «Press of Russia» 40712**

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. – 2021. – № 3. – 204 p.

© MRSU, 2021.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2021.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ: РОССИЯ И МИР. К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ

Багдасарян В. Э. История России в представлениях Ф. М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива	9
Блохин В. В. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский (к пониманию проблемы взаимоотношений народа и интеллигенции в пореформенной мысли России)	27
Джузеппе Астутто. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского: культурно-историческая проблематика цикла	38
Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Эволюция и идейные особенности социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского	45
Куренкова Е. А. Ф. М. Достоевский и XXI век: образы и пророчества в фокусе актуальных вызовов современности	59

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Фанталов А. Н., Малязина М. А. Царствование императора Александра I: от рассвета до заката. Анализ исторических обстоятельств	70
Медоваров М. В. Последний номер журнала «Русское обозрение» (1903 г.): подготовка, программа, содержание	81
Судзальцев И. А. Когда же состоялось подлинное основание Коминтерна?	91
Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы детства в советском плакате периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	100
Горлов В. Н. «Я покончил с культом Сталина, но полностью разделяю сталинскую позицию в области руководства культурой». Противоборство Н. С. Хрущёва с новыми направлениями в изобразительном искусстве	114
Ковалёв С. А. Донбасс: смысл традиции и современный системный анализ	127

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор)	131
Прохватилов И. В. Причины и мотивация участников Вендского крестового похода 1147 г.	146
Шелудченко Н. П. Взаимоотношения между ФРГ и Россией в политической и экономической сферах в 2017–2020 гг.	159

ИСТОРИОГРАФИЯ

Черемных О. А. Анализ Г. В. Вернадским терминологии в книге «Монголы и Русь»	170
---	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Филяева А. И.** Пропорциональная избирательная система как один из институтов урегулирования этнических конфликтов 177
- Костючков А. Н.** Кинофильм как инструмент формирования международного образа страны (на примере художественного фильма «Невероятные приключения итальянцев в России»). . 184

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Уиллоуби В.** Глава 11. Место расположения суверенитета в организме государства. 195

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: FYODOR MIKHAILOVICH DOSTOEVSKY: RUSSIA AND THE WORLD. TO THE 200TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE WRITER

V. Bagdasaryan. History of Russia in the Views of F. M. Dostoevsky: the Historiosophy of Russian Messianism in the Projection of Historical Narrative	9
V. Blokhin. N. K. Mikhailovsky and F. M. Dostoevsky (to Understand the Problem of Relations Between the People and the Intelligentsia in the Post-Reform Thought of Russia)	27
Giuseppe Astuto. «Winter Notes about Summer Impressions» of Fyodor Dostoevsky: Cultural and Historical Problems of the Cycle.	38
S. Vititnev, A. Shmeleva. The Evolution and Ideological Peculiarities of F.M. Dostoevsky's Sociopolitical Beliefs	45
E. Kurenkova. F.M. Dostoevsky and the 21st Century: Images and Prophecies in the Light of the Relevant Challenges of Our Time	59

NATIVE HISTORY

A. Fantalov, M. Malyazina. Emperor Alexander I' Secrets: Ascension and Death. Analysis of Historical Circumstances	70
M. Medovarov. The Last Issue of the "Russkoye Obozreniye" Journal (1903): Preparation, Program, Content	81
I. Suzdaltsev. When Was Comintern Actually Founded?	91
A. Larionov, M. Dvorcovaya. Images of Childhood on the Soviet Poster in the Period of the Great Patriotic War (1941–1945)	100
V. Gorlov. "I Have Done Away With Stalin's Cult of Personality, But I Fully Share Stalin's Stand Concerning Cultural Governance". N.S. Khrushchev's Antagonism to New Trends in the Visual Arts. ...	114
S. Kovalev. Donbass: the Meaning of Tradition and a Modern Systemic Analysis.	126

GENERAL HISTORY

K. Alekseev. The Areal-Dialect Divergence of the Eastern Branch of the Indo-European Family (an Integrative Review)	131
I. Prokhvatilov. Reasons and Motivation for the Wendish Crusade of 1147.	146
N. Sheludchenko. Relations Between Germany and Russia in the Political and Economic Spheres in 2017–2020	159

HISTORIOGRAPHY

O. Cheremnykh. G. V. Vernadsky's Analysis of Terminology in the Book "The Mongols and Russia" ...	170
--	-----

POLITOLOGY

- A. Filyaeva.** Proportional Electoral System as an Institute for Resolving Ethnic Conflicts 177
- A. Kostiuchkov.** A Motion Picture as a Tool for Shaping the International Image of a Country
(a Case Study of the Feature Film "Unbelievable Adventures of Italians in Russia") 184

**MONUMENTS OF THE WORLD THOUGHT:
FIRST PUBLICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

- W. Willoughby.** Chapter XI. Location of Sovereignty in the Body Politic. 195

ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ: РОССИЯ И МИР.

К 200-летию со дня рождения писателя

Фёдор Михайлович Достоевский больше, чем кто-либо из великих отечественных писателей, выражал в своём творчестве особенности русского национального, того, что определяется как диалектика русской души. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей», – говорил один из героев «Братьев Карамазовых». Вот эта борьба дьявола с Богом в сердце каждого человека и являлась интегральной темой творчества писателя. И более того, она переносилась им и на осмысление мирового исторического развития и мировой политики. По Достоевскому в мире изучают русский менталитет. От его творчества отталкивались и сторонники христианского гуманизма, и приверженцы психоанализа, и Фридрих Ницше, и экзистенциалисты – Сартр и Камю.

В России к идеям писателя обращались и христианские консерваторы, и националисты, и даже обличаемые им либералы, видящие в нем противника тоталитаризма, и столь же обличаемые им революционеры, считавшие того борцом с самодержавно-крепостной системой. Достоевский в этом отношении парадоксально интегрален. Так, Сократ в своё время оказал влияние на генезис самых различных, оппонировавших друг другу направлений в греческой философии. И Достоевского по оказанному им влия-

нию можно назвать русским Сократом. В 2008 г. писатель вошёл в финал конкурса «Имя России».

Достоевский – прежде всего великий русский писатель, и потому естественно, что его творческое наследие изучалось преимущественно через призму литературоведения. В представляемом тематическом выпуске журнала делается акцентировка на его обществоведческих взглядах. Достоевский в предлагаемых вниманию статьях рассматривается как историк, социальный философ, футуролог. Показывается значимое место, занимаемое писателем не только в истории русской литературы, но и российской общественной мысли. Поднимаемые Достоевским темы, связанные с самоопределением России, отношениях с Западом, ходом и направленностью мирового исторического развития сегодня вновь оказываются в фокусе общественного внимания.

Существует мнение, что XX век представил сценарные проекции представленных Достоевским идей. Действительно, его творчество оказалось во многом пророческим. Но наступает XXI век, и Достоевский вновь, особенно через призму событий последних лет, обретает актуальность. Такая актуализация позволяет говорить о вечности поднимаемых писателем проблем, фундаментальном значении предъявленных им открытий.

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26

ИСТОРИЯ РОССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ИСТОРИОСОФИЯ РУССКОГО МЕССИАНСТВА В ПРОЕКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

Багдасарян В. Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Восстановить целостное видение истории России по основным периодам и событиям в воззрениях Ф. М. Достоевского и в соотнесении с его историософской концепцией.

Процедура и методы. Статья подготовлена сообразно с подходами, сложившимися в рамках направления интеллектуальной истории. Российский исторический процесс излагается в хронологической последовательности в соответствии с теми событиями и явлениями, которые получили отражение в творчестве писателя. Источниковой основой исследования послужили, главным образом, публицистические работы Достоевского и черновые материалы к ним. Одним из ключевых применяемых методов явилась контекстуализация воззрений писателя с актуальной повесткой развития России и мира в XIX столетии.

Результаты. Были раскрыты историософские воззрения Достоевского в проекции структурированной по периодам российской истории. Сделан вывод о близости воззрений писателя на историю России к славянофильскому направлению историографии. Основу понимания Достоевским исторического процесса составляла концепция реализации через события истории русского христианского мессианизма. Реконструированы взгляды писателя на вопросы становления древнерусской государственности, модели общественного устройства России XVII в., преобразований Петра I, истории внешней политики XIX в. и др.

Теоретическая и/или практическая значимость. Целостное изложение историософских и исторических воззрений Достоевского, акцентировавших особый путь развития России, опирающихся на ценности патриотизма и духовно-нравственного совершенствования человека, будут востребованы при формировании на государственном уровне единой концепции российской истории. Представленные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории, истории философии, истории российской общественно-политической мысли, историографии и др.

Ключевые слова: Достоевский, мессианство, славянофилы, восточный вопрос, православие, католицизм, Римская империя, Европа

HISTORY OF RUSSIA IN THE VIEWS OF F. M. DOSTOEVSKY: THE HISTORIOSOPHY OF RUSSIAN MESSIANISM IN THE PROJECTION OF HISTORICAL NARRATIVE

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To restore a holistic vision of Russian history in terms of its main periods and events both in the views of F. M. Dostoevsky and in relation to his historiosophical concept.

Methodology. The methods and approaches of intellectual history were used. The Russian historical process was presented in chronological sequence in accordance with the events and phenomena that are reflected in the writer's work. The research sources were Dostoevsky's journalistic works and the corresponding draft materials. The writer's views were considered in the context of the development of Russia and the world in the 19th century.

Results. Dostoevsky's historiosophical views were analysed in the projection of Russian history structured by periods. The writer's views on the history of Russia were found to be close to the Slavophil direction of historiography. The basis for Dostoevsky's understanding of the historical process was the concept of realization of Russian Christian messianism through historical events. The writer's views on the formation of ancient Russian statehood, social structure of Russia in the 17th century, reforms of Peter I, history of foreign policy of the 19th century, etc., were reconstructed.

Research implications. The developed holistic presentation of Dostoevsky's historiosophical and historical views, emphasizing a special path of Russian development, based on the values of patriotism and spiritual and moral development of a human being, can be used when forming a unified concept of Russian history at the state level. The materials presented in the article can also be used in courses on history, history of philosophy, history of Russian socio-political thought, historiography, etc.

Keywords: Dostoevsky, messianism, Slavophiles, Eastern Question, orthodoxy, Catholicism, Roman Empire, Europe

Введение

2021 г. является годом 200-летия одного из величайших российских писателей и мыслителей – Федора Михайловича Достоевского. Сама по себе эта дата служит дополнительным катализатором к осмыслению его творчества в проекции исторического опыта и актуальной повестки развития России. Новая фаза российской общественной дискуссии по вопросам национального самоопределения, эскалация напряженности в отношении с Западом, актуализация фактора Турции в мировой политике, радикализация действий оппозиции внутри страны – все это находит соотнесение с художественным творчеством и публицистикой Достоевского, а потому делает именно его фигуру особо востребованной в контексте обществоведческого дискурса.

Фигура Достоевского, относимая к ключевым фигурам в истории мировой литературы, обусловила многомерность проработки его творчества с позиций различных гуманитарных и обществоведческих дисциплин. Позиционируется

даже особое интегративное направление научного дискурса – достоевистика. Ряд исследований посвящён историческим воззрениям писателя. Преимущественно его взгляды на историю частично раскрывались в рамках литературоведческого и философско-обществоведческого (социальная философия) анализа [10; 13; 15; 18; 24; 31]. Уже в постсоветский период появляются отдельные разработки, включая диссертационные исследования, посвящённые историческим взглядам писателя [8; 21; 32]. Значимым вкладом этих разработок в изучение творчества Достоевского стало осмысление философии истории (историософии). Следующий необходимый шаг этого осмысления заключается в экстраполяции философско-исторических воззрений писателя на событийную развертку истории (исторический нарратив). Целевой установкой представляемого исследования является соответственно изложение взглядов Достоевского на историю России, выстроенной по хронологии курса российской истории.

Безусловно, при таком хронологическом изложении возможны разрывы, связанные с тем, что не по каждому из периодов российской истории писатель публично высказывал свою позицию. Но даже при таких разрывах соответствующих высказываний достаточно для того, чтобы выстроить целостную канву изложения прошлого России.

В основу данного исследования преимущественно легли публицистические работы Достоевского. Акцентировка именно на публицистике, а не художественном творчестве связана с тем, что позиция литературных героев не всегда соответствовала воззрениям самого писателя и вызывала домыслы интерпретаций. Такое искажение позиций самого Достоевского на основании того или иного прочтения семантики, созданных им персонажей известна в истории мировой литературы, получив, в частности, распространение на рубеже 80-х – начале 90-х гг. XX в. [14; 23; 27]. Публицистические работы Достоевского выглядят в этом отношении при реконструкции его взглядов более репрезентативно, что не отрицает самой целесообразности анализа и литературного творчества писателя.

Ценностно-смысловые основания русского исторического процесса

Базовые компоненты русского исторического процесса в понимании Достоевского соотносились с компонентами уваровской идеологической формулы. Непосредственно к ней писатель никогда не апеллировал, но она в целом соотносилась с мейнстримом консервативного направления отечественной историографии. Об имманентно присущих России характеристиках – православности, самодержавности и народности – заявляли не только представители официального властного дискурса, но и славянофилы, к которым, согласно собственным признакам, примыкал и Достоевский [6; 9].

Писатель не единожды заявлял, что в православии состоит суть бытия русского

народа, и вне его он не будет совершенно понят¹. Разные страны он рассматривал историческим воплощением духа различных конфессий: католицизма – Францию, протестантизма – Германию, православия – Россию². Только русский народ, полагал Достоевский, сумел сохранить в себе образ Христа. И в этом отношении он выступал альтер-эго западным христианам, которые не только его утратили, но и подчинили Христа государству, т. е. этактистскому духу Рима³.

Многие, например, поэт Яков Полонский, пытавшиеся разобраться в религиозных воззрениях Достоевского, отмечали, что хотя писатель и апеллирует к православию, от канонически православных они существенно отличались [7, с. 467–468]. Достоевский считал Богом – народный идеал, то, во что верит народ, а не трансцендентную сущность. Отсюда – обожествление народа в его высших, идеальных устремлениях, тезис о мессианстве России. В «Дневнике писателя» он смещал акценты от идеи мессианства Христа к идее мессианства русского народа, который уже нёс в себе Христа⁴. Достоевский, таким образом, оказывался в своих воззрениях между религиозной историософией и национализмом, сакрализацией этноса.

В соответствии со вторым компонентом уваровской формулы Достоевский полагал самодержавие важнейшей, даже единственной, движущей российской силой истории. Власть царя мыслилась им не сама по себе, а в духовной неразделённости с народом. В этом отождествлении с царём, по оценке Достоевского, состояло

¹ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 64; Достоевский Ф. М. Первый корень. Т. 27. С. 19.

² Достоевский Ф. М. Аксиома. Т. 24. С. 270; Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 128; Достоевский Ф. М. Германский мировой вопрос. Германия – страна протестующая. Т. 25. С. 151–154; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 8.

³ Достоевский Ф. М. Халаты и мыло. Т. 23. С. 47.

⁴ Достоевский Ф. М. О любви к народу. Необходимый контракт с народом. Т. 22. С. 42–45.

главное отличие русского от всех европейских народов. Отсюда – особая, в понимании писателя, этика «царёвого служения» в России¹. Выступления против царской власти оказывались, следуя этой логике, выступлениями против народа. От царя же требовалось не увлекаться европейскими концепциями, а принять отношение к народу как детям, а государственному устройству – как семье².

Достоевский писал о том, что русская царская идея была совершенно не понята Европой. Для неё самодержавие в России есть тирания, тогда как в российском осмыслении оно, напротив, является источником всех свобод³. Это не свобода от, а свобода во имя, свобода единения детей вокруг отца в семье.

Третий компонент уваровской триады – народность – раскрывался Достоевским, с одной стороны, через национальность, с другой – через общинность. Писатель был увлечён идеями влияния почвы на формирование национального характера, придерживался организменной теории нациогенеза [16; 35]. Русскую нацию он характеризовал как самое выдающееся явление в истории человечества. В противоположность первому посылу склонность к общинности русского народа Достоевский выводил на уровень общечеловечности как особой интегральной миссии России для мира. Применительно к самой России он говорил о чуждости для неё сословности, стремлению к преодолению сословных рамок, слиянию. Напротив, западные народы в противоположность русскому характеризовались склонностью к разделению, антихолистичностью. Особо замечательным явлением российской жизни оценивал писатель русскую артель, как объединение не по внешнему принуждению, а естественной привычке к совместному труду. И на-

оборот, кулачество рассматривалось им в качестве подрыва русского мира, а кулак определялся как внутренний враг⁴.

Но существовало и отличие в понимании Достоевским народности в сравнении с дискурсом официальной идеологии. Этим отличительным подходом являлась идея о русском народе как народе – Богоносце, о фактическом воплощении в нём Христа. Данное переосмысление выводило Достоевского на понимание истории России как телеологического раскрытия русского мессианства.

Другое отличие состояло в отношении к институту государства. Сторонники официального идеологического нарратива были в целом государственники, тогда как Достоевский видел в государственных институтах зло, антипод христианской онтологии.

Народовластие в Древней Руси

Достоевским идеализировалось жизнеустройство Древней Руси. Оно связывалось им с воспринятым в чистоте словом Христовым. В неразвитости государственных институций виделось им преимущество в сравнении с средневековой Европой, наследовавшей государственности Рима. Культ государства выхолостил там дух христианства как религии любви. Восточнославянский мир не входил в пространство Римской империи, а соответственно, и оказался исходно свободен от системы государственного культа и подавления. Достоевский писал о древнерусской традиции подлинной демократии, присущей России от самого её образования. Для Европы же, выстраиваемой не на основе римской государственности, по его оценке, народовластие не было присуще. Происхождение европейской демократии датировалось им Француз-

¹ Достоевский Ф. М. Критикам. Т. 27. Л.: Наука, 1984. С. 86.

² Достоевский Ф. М. Первый корень. Т. 27. С. 22; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 9.

³ Достоевский Ф. М. Лес. Т. 24. С. 291.

⁴ Достоевский Ф. М. Записи публицистического и литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. Т. 20. С. 179; Достоевский Ф. М. Книжность и грамотность. Статья первая. Т. 19. С. 19; Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе. Т. 18. С. 53–54.

ской революцией, и сама демократическая идея на Западе рассматривалась как подлог в отношении подлинного народовластия. В черновых записках Достоевский указывал, что мысль о том, что европейская демократия гораздо моложе русской была им заимствована у консервативного публициста В. П. Мещерского¹.

Крещение Руси – фундаментальность русского исторического выбора

Развёртывание истории России в понимании Достоевского начинается с Крещения Руси. Российский исторический процесс и определялся рефлексией христианского миропонимания, реализацией воспринятой с Крещением миссии. Крещение Руси сопрягалось им с происходящим расколом Церкви, исходным русским оппонированием Европе.

Достоевский полагал, что в фундаменте любой национальной общности лежит религия. Историю еврейской нации, рассуждал он, нельзя объяснить без иудаизма, а арабов – без ислама. Для французов религиозным фундаментом стало, в интерпретации писателя, католичество, а для немцев – протестантизм. Такой же основой для русских и в целом России Достоевский определял православие².

Завязка историософского конфликта, в который оказалась вплетена история России, явилось столкновение христианского учения и Римской империи, государства Кесарей. На время был достигнут компромисс: Церковь приняла рамки римского государства и права, а империя – христианство³.

Но, ввиду противоположности заложенных в них идей, конфликт должен был проявиться вновь. Он и нашёл своё проявление в столкновении западного и восточного христианства, Европы и России. Католическая церковь, и Европа в целом, исторически дрейфовала в сторону

усиления Римской государственной компоненты при минимизации компоненты христианской. Папство, прельстившись светской властью, фактически выхолостило в себе, в понимании Достоевского, дух христианства. «Легенда о Великом Инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» хотя и будет в дальнейшем использоваться против любой авторитарности, но первоначально имела преимущественно антикатолическую направленность. Иезуитство определялось Достоевским как свидетельство окончательной подмены христианства на Западе установками мирового господства⁴.

На Руси Церковь исходно не претендовала быть светской властью. Именно христианство было наиболее близким к тому, как его проповедовали апостолы. В результате сложилась альтернатива между государственным христианством господства в Европе и христианством любви и жертвенности в России. Эта альтернатива и лежала, по оценке Достоевского, в историческом европейско-русском противостоянии⁵.

Русь в татарской неволе

В стихах «На европейские события 1854 года» Достоевский апеллировал, как к наиболее тяжёлым страницам прошлого, к междоусобным войнам и татарскому игу («давил её татарин под пятой»). Но и при междоусобице, подчеркивал он, Русь не потеряла святости. Татарское же иго обернулось в итоге подчинением татар⁶. Татары (обсуждалась их возможная негативная реакция на вступление России

¹ Достоевский Ф. М. Записки к «Дневнику писателя» из рабочей тетради 1876–1877 гг. Т. 25. С. 229

² Достоевский Ф. М. Две половинки. Т. 26. С. 165.

³ Там же. С. 169.

⁴ Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 149–150; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 243; Достоевский Ф. М. Сила мертвая и сила грядущая. Т. 22. С. 88–89; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 7.

⁵ Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 149–150; Достоевский Ф. М. Две половинки. Т. 26. С. 169; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 243; Достоевский Ф. М. Сила мертвая и сила грядущая. Т. 22. С. 88–89; Достоевский Ф. М. Три идеи. Т. 25. С. 7.

⁶ Достоевский Ф. М. На европейские события 1854 года. Т. 2. С. 403.

в войну против Турции) назывались им «бывшими мучителями земли русской», что указывало на понимание им ордынского периода российской истории как периода мученического¹.

Завоевание Руси татарами Достоевский связывал с утратой авторитета единачалия. Крайне негативно, сообразно со своей апологией самодержавной модели власти, относился писатель к порядкам управления в Новгороде, характеризуя их как «новгородские безобразия». По его мнению, новгородский эксперимент показал нежизненность республики на славянской почве².

Рефлексия Голгофы оказала, по видимому, в целом сильное влияние на творчество Достоевского. Эта же рефлексия была отчасти заложена им и в осмысление исторического процесса. Татарское нашествие на Русь, так же как и турецкое завоевание стран православного Востока, безусловно, являлось трагедией и национальным унижением. Но в поражении православного мира видел он высшее благо. Татарское иго и туречина привели к христианскому очищению. С одной стороны, внешний погром национальных государственных институтов привёл к отделению христианства от осуществления властных функций. С другой, находясь под внешним управлением, государства на Руси и в странах православного Востока формировались через страдание, а не через господство. Страдальческие мотивы приводили неизбежно эти государства к Христу, тогда как Европа всё более отдалялась от него³

¹ Достоевский Ф. М. Кифомокиевщина. Т. 23. С. 126; Достоевский Ф. М. Продолжение предыдущего. Т. 23. С. 127.

² Достоевский Ф. М. Объяснения и показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. Т. 18. С. 123.

³ Достоевский Ф. М. Две половинки. Т. 26. С. 169–170; Достоевский Ф. М. Ещё раз о том, что Константинополь, рано ли, поздно ли, а должен быть наш. Т. 25. С. 67; Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине. Т. 26. С. 129–136; Достоевский Ф. М. Сбивчивость и неточность спорных пунктов. Т. 22. С. 111,

Аллюзии татарского нашествия проявлялись и в профетике Достоевского, как приём переноса трагедий прошлого в эсхатологическое будущее. Одно время он был увлечён идеей нового Тамерлана, который должен прийти с Востока. Достоевский рассуждал, что восточные нашествия происходят в истории с определённой периодичностью. Россия в силу своего географического положения первой примет этот удар, как она приняла его в XIII столетии⁴.

Не исключено, что тема панмонголизма в творчестве В. С. Соловьёва возникла не без влияния соответствующих идей Достоевского. Известно, что тот относился с большим пиететом к писателю, и идейная перекличка в данном случае, как минимум, вероятна [17; 22].

Взятие Казани как христианский реванш

Большое значение отводилось Достоевским историческим победам, одержанным Россией над внешними врагами. В «Дневнике писателя» он рассуждал о том, что война может быть действенным инструментом разрешения противоречий, и выступает как противник пацифизма. Можно говорить даже об апологии войны, что противоречит сложившимся представлениям о категорическом гуманизме, «розовом христианстве» Достоевского в определении К. Н. Леонтьева и Н. А. Бердяева [5; 19; 20]. Но вместе с тем, надо иметь в виду и политический контекст рассуждений Достоевского, его агитацию за вступление России в борьбу против Османской империи в защиту южных славян от турецких репрессий⁵.

113; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46.

⁴ Достоевский Ф. М. Записи к «Дневнику писателя» из рабочей тетради 1876–1877 гг. Т. 25. С. 229.

⁵ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 268–270; Достоевский Ф. М. Золотые фракы. Прямолинейные. Т. 25. С. 171; Достоевский Ф. М. Иностранские события. Т. 21. С. 180–248; Достоевский Ф. М. Любители ту-

Среди военных побед России Достоевский указывал, в частности, на взятие Казани Иваном Грозным в 1552 г. Эта победа рассматривалась им в широком историософском ракурсе как начало исторического ответа православного мира на прежнюю мусульманскую экспансию. Русское наступление на Восток он оправдывал именно в качестве ответного удара на внешнюю агрессию. Логическим завершением этого поворота, начавшегося со взятия Казани, Достоевский считал освобождение от турок Константинополя. Действия Ивана Грозного оправдывал теми угрозами, которое сулило совместное выступление Казанского и Крымского ханства Московской Руси: исходом борьбы могло стать обращение русских земель в ислам.

При этом писатель делал акцент на мягкости обращения русских с побеждённым татарским населением: не было ни массовых истреблений, ни депортаций. После взятия Новгорода Иван Грозный действовал гораздо более жестоко. Все это, считал Достоевский, является гарантией того, что и при взятии русскими войсками Константинополя трагедии не произойдет, и мусульманское население в скором времени установит добрососедские настроения с русскими¹.

Доромановские правители Московской Руси

Достоевский, по-видимому, испытывал симпатии к доромановскому периоду российской истории как аккумулятору русской святости и благочестия. Об этом его отношении можно сделать вывод по его сетованию на незнание народом этой эпохи. В народе, говорил писатель, известны только три доромановских правителя: Дмитрий Донской, Иван Грозный

и Борис Годунов. Но Бориса Годунова знают только в связи со строительством колокольни Ивана Великого, а представления о Дмитрие Донском и Иване Грозном – это собрание небылиц. Не знают также в народе и русских святителей – митрополитов Петра и Филиппа².

Внешней политике Московской Руси Достоевский отдавал предпочтение перед политикой Российской империи. Интегральная идея в её реализации виделась ему в реализации мессианского предназначения по освобождению Константинополя. Основоположником этого курса он называл Ивана III. Символически значимым было то, что московский государь поставил византийского двуглавого орла выше древнерусского символа, что отражало переход от решения задач национальных к задачам вселенским³.

Иван Грозный принадлежал к тому типу внутренне противоречивых личностей, которые привлекали Достоевского как писателя. В черновых записках к «Преступлению и наказанию» он психологически соотносил с царём своего литературного героя Свидригайлова. В соответствии с этой аналогией в личности монарха обнаруживалось клокотание страстей, порывы движения вверх и вниз, упоение преступлениями, сменяющееся упоением добрыми делами. Более развёрнутого раскрытия своего отношения к периоду правления Ивана Грозного Достоевский, к сожалению, не оставил⁴.

Ещё до публикации считающегося первым литературным произведением Достоевского романа «Бедные люди» он работал над тремя драмами: «Мария Стюарт», «Жид Янкель» и «Борис Годунов». Все эти драмы имели аналоги в истории литературы, соответственно, в творчестве Ф. Шиллера, Н. В. Гоголя и А. С. Пушкина. Все они связывались с

рок. Т. 25. С. 167–168; Достоевский Ф. М. Не всегда война бич, иногда и спасение. Т. 25. С. 98–100; Достоевский Ф. М. Спасет ли пролитая кровь? Т. 25. С. 101.

¹ Достоевский Ф. М. Халаты и мыло. Т. 23. С. 119–121.

² Достоевский Ф. М. Петербургская летопись. Т. 18. С. 25.

³ Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории Т. 23. С. 49.

⁴ Достоевский Ф. М. Заметки к роману. Т. 7. С. 156–157.

определёнными историческими событиями – в Англии XVI в., Речи Посполитой и России XVII в. К сожалению, тексты исторических драм не сохранились, и сам Достоевский впоследствии отзывался о них, как о детских увлечениях. Писатель в драме «Борис Годунов», вероятно, переосмысливал образ, созданный Пушкиным, либо развивая его, либо пересматривая. Предполагается, что он противопоставлял в драме характеры Бориса и Лжедмитрия. Можно заключить, что Достоевский смотрел на историю не только как историкософ, но и писатель, ищущий в ней психологические образы, переносимые в художественное творчество.

Русская модель жизнеустройства XVII столетия: славянофильская историческая альтернатива

Для исторических воззрений Достоевского характерна общая для славянофилов апология допетровской системы жизнеустройства, приходящейся на XVII столетие. Правда, им отмечалось, что уже тогда начинается процесс её разложения, приведшего следующим шагом к петровской подмене¹. Но сами институты русского жизнеустройства XVII века – царь, патриарх, Земский собор, дворянство как служилое сословие – определялись Достоевским теми основаниями, на которых и должна выстраиваться Россия. Писатель ратовал за восстановление Земского собора в ходе реформ Александра II².

Дворянство, по его мнению, выступало связующим мостом между царём и народом. Он противопоставлял дворянство бюрократии, полагая их антиподами. Дворянская идея была противоположна чиновничьему культу государства. Роковой стратегической ошибкой царской власти в России Достоевский считал проведение политики разрушения дворянства при помощи бюрократии. В

этой политике самодержавие фактически поднимало руку на себя, становилось на путь саморазрушения, уничтожало через лучших служилых людей духовную связь с народом³.

С симпатией относился Достоевский к ориентирам внешней политики допетровской России, выражаемых доминантой православных воззрений царей. Его впечатлило, в частности, свидетельство архиерея Антиохийской церкви о горячем желании Алексея Михайловича Тишайшего освободить православных из-под власти турок. Царь будто бы лил слёзы ввиду невозможности, по тогдашнему состоянию российского государства, помочь единоверцам. Достоевский рассматривал этот пример как назидание для современной ему российской власти, призывая её взять на себя миссию освободителя⁴.

Русский религиозный раскол

Согласно воспоминаниям второй супруги писателя Анны Григорьевны Достоевской (Сниткиной), тот весьма интересовался темой русского религиозного раскола и имел в своей библиотеке книги по истории старообрядчества. Имеются сведения о покупке им в 1862 г. в книжном магазине А. Ф. Бабунова считающихся классическими книг по этой проблематике: Г. Есипова «Раскольничьи дела», «История Выговской старообрядческой пустыни», А. П. Шапова «Раскол», С. В. Максимова «Рассказы из истории старообрядцев» [30; 31].

В том же 1862 г. выходит статья Достоевского «Два лагеря теоретиков», в которой он частично касается темы раскола в связи с дискуссией между славянофилами и западниками. И славянофилы, и западники предлагали, с его точки зрения,

¹ Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46–47.

² Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 82.

³ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 53; Достоевский Ф. М. Записки литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 265–266.

⁴ Достоевский Ф. М. Мнение «тишайшего» царя о Восточном вопросе. Т. 25. С. 103–104.

поверхностный и, в сущности, ошибочный взгляд на раскол [29]. Славянофилы, по мнению Достоевского, отвергали раскольников за их отступление от официального православия. Западники видели в старообрядцах обскурантов, приверженцев архаики, всего отсталого. Ни те, ни другие не увидели в расколе неприятия действительности, стремления к обретению истины¹. То, что фамилия главного героя «Преступления и наказания» была взята не случайно и связывалась именно с расколом, литературными критиками высказывалась не единожды. Из рассуждений Достоевского, стремившего реабилитировать старообрядчество, в то же время следовало, что это именно раскольники подвергли ревизии церковную традицию, а вовсе не никониане.

Антинародность правления Петра I

Достоевского принято считать петербургским писателем, контекстуализировать его творчество с северной столицей. Но с этой контекстуализацией вступала в противоречие резкая критика им традиционно апологизируемой деятельности Петра I – основателя города. Сам писатель осуждал петровский перенос столицы из православной Москвы, воспринимаемой народом стольным городом, в Петербург – «чухонское болото»².

Достоевский по степени радикальности негативных характеристик императора превосходил большинство антипетровски настроенных славянофилов. По пафосности выдвигаемых против Петра обвинений в наибольшей степени с ним может быть сопоставлен только К. С. Аксаков [1].

К негативной оценке деятельности Петра Достоевский приходит не сразу. Ещё в 1861 г., разбирая рецензию

М. И. Семевского книги Устрялова «Царевич Алексей Петрович», писатель солидаризируется с устряловской позицией. Семевский, как известно, развивал идею о том, что Алексей был умерщвлён по приказу Петра [28]. Историк был даже причастен к появлению считающегося подложным документом, показывающим преднамеренное убийство [34]. Достоевский считал более обоснованной позицию, что царевич умер после пыток, но приказа его умерщвления не было [33]. Он оправдывал Петра и осуждал Алексея за то, что тот пошёл против его дела. Приход Алексея Петровича к власти означал бы, по оценке Достоевского, отмену петровских преобразований. Петра в 1861 г. он характеризовал как гения³.

Пройдет некоторое время, и оценки Достоевским личности Петра изменятся принципиально. Пересмотрит Достоевский и свои взгляды на обстоятельства дела царевича Алексея, о чём свидетельствует использование им в отношении Петра маркера «сыноубийца».

Уже в 1862 г. Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков» писал об антинародности Петра, о негативных последствиях его деятельности для России. Можно считать, что именно с 1862 г. писатель во взглядах на историю встал преимущественно на позиции славянофильского «Дня»⁴.

Пётр I в дальнейшем предстаёт у Достоевского в качестве главного извратителя русской национальной истории, искусителя европейскостью, источника всех основных противоречий в существовании Российской империи. Писатель так и формулировал главную претензию к императору – его презрение к исторической России. Он не любил и не понимал народ, смотрел на него как на расходный материал, поставщика солдат и платель-

¹ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). Т. 20. С. 12.

² Достоевский Ф. М. Забыть текущее ради оздоровления корней. По неумению владаю в нечто духовное. Т. 27. С. 15; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 48.

³ Достоевский Ф. М. Замечания на статью Семевского о книге Устрялова «Царевич Алексей Петрович». Т. 18. С. 104–107.

⁴ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). Т. 20. С. 15.

щика налогов. Достоевский отрицал за царём наличие широты взглядов, писал о мелочности и второстепенности интересующих его вопросов. Форма реализации петровских преобразований характеризовалась писателем как «голландский метод». Сами преобразования были для России нужны, но формы их осуществления оказывались не национальными и зачастую противоречили духу русского народа¹.

Критиковал писатель и петровскую экономическую политику. По его мнению, у Петра напрочь отсутствовало экономическое чутьё. По стилю принимаемых решений он уподоблял действия Петра в экономике действиям персидского шаха. Достоевский во взглядах на экономическую политику придерживался подхода, который можно было бы квалифицировать как вариант, близкий к физиократии. Отсюда меркантилизм петровской экономической политики не мог быть оценён им положительно.

Пётр I не только подрывал народные идеалы, но и московские представления о чести. Московское понимание чести, во имя которой русские люди были готовы пожертвовать жизнью, он заменил совершенно не воспринятым в России европейским этикетом шпаги². Среди адресуемых ему обвинений была и претензия отлучения общества от всякого дела, при том, что было принято считать, что Пётр привнёс в жизнь россиян европейскую деловитость³.

¹ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 265; Достоевский Ф. М. Мой парадокс. Т. 23. С. 38–42; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46.

² Достоевский Ф. М. Авсеенке. Т. 24. С. 183; Достоевский Ф. М. Стена на стену. Т. 21. С. 145.

³ Достоевский Ф. М. Война. Т. 24. С. 149; Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 256, 272; Достоевский Ф. М. Мечты и грезы. Т. 21. С. 313; Достоевский Ф. М. Мой парадокс. Т. 23. С. 39; Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 46–47.

Сообразно с общей традицией антипетровской критики особо акцентировались претензии к Петру в связи с его религиозной политикой. Достоевский писал о непонимании императором православия и религии в целом. Он позволил себе вторгнуться в сферу юрисдикции Церкви. Фактически, как и в Легенде о Великом Инквизиторе, Пётр осуществил попытку подчинить Христа Империи⁴.

Вызывала отвращение у писателя и личность императора, которую он награждал такими, в частности, характеристиками, как «развратник нигилятина» или «изверг-сыноубийца»⁵.

Вне критики писателя оставалась внешняя политика Петра, ведомые им войны. То, что военные успехи не могли быть достигнуты без соответствующей внутренней базы – к раскрытию данного противоречия Достоевский не приступил.

Из всего того, что связывалось с Петром, одна идея представлялась Достоевскому народной – концепция достижения «всеобщего блага». Но загнанная в бюрократические, рациональные формы, она в петровской реализации превратилась в свою противоположность, став идеей антинародной.

Важнейшим социальным последствием Петровских реформ Достоевский считал раскол между народом и образованным классом⁶. Отколовшись от народа и национальной культуры, образованное общество оказалось фактически отдельной общностью, государством в государстве. В дальнейшем эта идея об «отщепенстве» интеллигенции будет, в т. ч. с отсылкой к Достоевскому, раскрыта в сборнике «Вехи» [3].

Но всё-таки Достоевским обнаружилось и опосредованное позитивное

⁴ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 255, 272.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Достоевский Ф. М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год. Т. 18. С. 36; Достоевский Ф. М. Первый корень. Т. 27. С. 20.

значение петровских преобразований – осознание русскими своего всемирного значения. Замкнутость Московской Руси не могла дать такого осмысления. Потенциалы всемирной отзывчивости России были раскрыты только в период Империи, когда русские предъявила Европе свои возможности быть европейцами, равно как они могли бы быть в Азии – азиатами.

Политика Александра I: европейские ориентиры вместо национальных интересов

Судя по отдельным высказываниям, Достоевский имел скептическое отношение к заграничному походу русской армии 1813–1814 гг., рассматривая его в общем ракурсе петербургской политики поиска союзников в Европе. Свою позицию писатель обосновывал таким образом, что России следует надеяться не на союз с Европой, а на свой меч. Эти слова Достоевского предвосхитили знаменитую фразу Александра III о «двух союзниках России», отражая общее направление скепсиса части общественной мысли в отношении европейского вектора российской дипломатии. От заграничного похода русской армии и низложения Наполеона, полагал Достоевский, выиграла не Россия, а Европа. Также писатель считал ошибкой и освобождение Александром I поляков, дарование Польше Конституции. Все эти шаги, с точки зрения Достоевского, Московская Русь, ориентированная на национальные интересы, совершить не могла. Но петербургская политика действовала не сообразно интересам России, а стремлением понравиться Европе, что и приводило к холостому расходованию сил нации¹.

¹ Достоевский Ф. М. Аксиома. Т. 24. С. 270; Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 268–269; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 242.

Реформы Александра II в славянофильской интерпретации

По оценке Достоевского, при Александре II закончился Петровский период российской истории. Основания для такого вывода усматривались им в начавшемся процессе демократизации общественной жизни, вступающем в противоречие с петровской бюрократизацией.

Фактически на реформы Александра II Достоевский переносил, сообразно со своими чаяниями, славянофильские представления о должном устройении России. Писатель полагал, что в результате этих преобразований будет преодолен возникший вследствие реформ Петра социальный раскол русского народа. Реформа отмены крепостного права оценивалась им как падение двухвековой стены, отделявший народ от образованной части общества. Произойдёт слияние сословий в духовном плане. «Свои в первый раз узнают своих», – резюмировал писатель свои ожидания от проводимых преобразований².

Достоевский противопоставлял реформы Александра II реформам Петра I, видя в этом противопоставлении более глубинную альтернативу – между славянофильством и западничеством. Освобождение крестьян при Александре II – прямая противоположность петровскому закреплению, взгляду на народ исключительно через призму податей и повинностей. Развитие системы самоуправления противопоставлялось им чиновничьей, идущей сверху вниз регламентации. Земская реформа была воспринята Достоевским как возвращение к «древнерусскому быту», и в этом восприятии, по-видимому, не последнюю роль сыграло само слово «земство», звучавшее в диссонанс прежней немецкой управленческой фразеологии³. Классическое образование

² Достоевский Ф. М. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться. Т. 27. С. 25.

³ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 71–72; Достоевский Ф. М. Записи публицистического и

с его гуманитарной основой позиционировалось писателем в качестве противоположности образовательной политики Петра, ограниченной вопросами техники и полезности: «Задыхание России в тесных петровских рамках в царствование Александра II закончилось»¹. Итогом же происходящих трансформаций должно стать достижение высшей социальной гармонии, братского единения на основе евангельского закона любви².

Сегодня вполне очевидно, что к духовному объединению сословий реформа по отмене крепостного права не привела. Напротив, в результате усилилось социальное расслоение, ставшее фактором продвижения России по капиталистическому пути развития [12]. Надежды Достоевского на славянофильские перспективы, возникающие вследствие реформ, оказались иллюзией и в действительности не имели под собой реальных оснований. Но вместе с тем важна и фиксация того, что такие ожидания от реформ в российской общественности существовали, и они не воспринимались всеми исключительно в фокусе либеральной парадигмы.

Ещё большим злом, чем власть бюрократии, Достоевский считал утверждение в России системы власти капитала. Такая оценка противоречила его позитивному отношению к реформам Александра II, как раз и давшим зелёный свет развитию капитализма. Петр I, введя табель о рангах, привёл к замене представления о дворянстве (с его сословной честью и этикой воинского служения) как о лучших на представление в качестве лучших чиновников. Но в связи с развитием капитализма лучшими становят-

ся обладатели капитала, представители буржуазии. Культ циркуляра заменяется культом денег³. Капитал, рассуждал писатель, по природе своей антинационален. Буржуазия не может быть патриотичной и готова ради барыша вступить в союз с любыми врагами России⁴.

Россия и Европа в фокусе войн и союзов XIX столетия

Реперными точками взглядов Достоевского на европейскую историю XIX века являлись: Отечественная война 1812 г., Крымская война и Франко-прусская война [2]. Такая акцентировка привела к рассмотрению именно Франции в качестве главного соперника России⁵. Одновременно Франция оценивалась в качестве предводителя Европы и оплота католицизма. Вероятно, представление об имманентности католической идеи для французской нации было связано с соответствующим курсом политики Наполеона III. Этот курс был воспринят Достоевским как выражение национальной идеи Франции. И Людовик-Филипп, и Наполеон III, и Тьер, рассуждал Достоевский, стояли за католицизм, а соответственно, за светское владычество папства⁶. В рассмотрении Франции, а не Британии, в качестве главного врага России на Западе позиция Достоевского отличалась от доминирующей среди публицистов консервативного направления российской общественной мысли точки зрения.

Внутри Европы роль главного противника Франции Достоевский отводил Германии. Франция стремится не допустить политического единства немцев, тогда как Германия бросает вызов французскому лидерству⁷. Кроме того, во

литературно-критического характера из записных книжек и тетрадей 1860–1865 гг. Т. 20. С. 179–188; Достоевский Ф. М. Неизданный Достоевский: Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М.: Наука, 1971. С. 201–242 с.

¹ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 268.

² Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк) Т. 26. С. 148.

³ Достоевский Ф. М. Записи литературно-критического и публицистического характера из записных тетрадей 1872–1875 гг. Т. 21. С. 271.

⁴ Достоевский Ф. М. О том же. Т. 23. С. 158.

⁵ Достоевский Ф. М. Самое последнее слово цивилизации. Т. 23. С. 61–63.

⁶ Достоевский Ф. М. Иностранцы события. Т. 21. С. 184.

⁷ Достоевский Ф. М. Германский мировой вопрос.

франко-германском соперничестве отражалось соперничество между католицизмом и лютеранством.

Немцы выиграли Франко-прусскую войну, но новая война с французами неизбежна. И далее писателем рисуется, как кажется сегодня, совершенно невероятная картина: новое поражение Франции станет и поражением папства, и тогда Римский Папа обратится к народу, произойдет немыслимый на первый взгляд альянс между католической церковью и социализмом в лице Интернационала. Достоевским даже назывались фигуры К. Маркса и М. А. Бакунина. Возможность такого альянса состоит в том, что сама социалистическая доктрина вышла из недр впавшего в ересь западного христианства¹. Альянс католиков и социалистов приведёт к поражению немцев. Папская власть под социалистическим знаменем и будет, в интерпретации Достоевского, антихристовой властью. И тут-то пробьёт исторический час России, которая выйдет на арену, чтобы под знаменем Христа победить силы антихриста. Достоевским развивалась в этой связи тема российско-германского союза, к которой впоследствии имелись апелляции в консервативных кругах Германии.

Безусловно, описанная Достоевским картина оказалась далека от исторических реалий и многое в ней может показаться абсурдным. Но это восприятие сегодняшнего дня, тогда как для реконструкции развития общественно-политической мысли развития России XIX столетия соединение актуальной истории с её эсхатологическими толкованиями было типично, и зафиксировать распространение такого видения важно для полноты её реконструкции.

Германия – страна протестующая. Т. 25. С. 151–154; Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 237, 245, 246; Достоевский Ф. М. Мечты о Европе. Т. 22. С. 84; Достоевский Ф. М. Один гениально-мнительный человек. Т. 25. С. 156–157.

¹ Достоевский Ф. М. Иностранные события. Т. 21. С. 202–204.

Польское восстание

Польское восстание 1863 г. в целом, как известно, катализировало русскую общественно-политическую мысль. Расхождение в отношении к восстанию привело в ней к усугублению внутреннего раскола. Достоевский был среди тех, кто занял радикально антипольскую позицию. Русско-польский конфликт выводился им из глубин истории, связывался с амбицией Польши встать на место России в славянском мире [25; 26]. С одной стороны, писатель указывал, что польское восстание было восстанием шляхты и не имело поддержки в народе. Но с другой, он оспаривал позицию Н. И. Костомарова о возможности славянского союза с поляками ввиду имманентной встроенности в польскую культуру идеи Великой Польши².

Достоевский рассуждал о том, что Польша выступает против России как форпост Европы и католицизма. Она исторически связана с европейской цивилизацией и с Ватиканом, и без разрыва этих связей российско-польский конфликт будет воспроизводим³. Отсюда установка Достоевского – вместо «Старой Польши», с её прежними историческими связями, формирование «Новой Польши», освобождённой царём и разделяющей идею всеславянского единения в борьбе с Западом⁴.

Восточный вопрос и Русско-турецкая война

Восточный вопрос и русско-турецкая война являлись одной из главных тем исторической и политической публицистики Достоевского⁵. Писатель был в числе наиболее активных адептов всту-

² Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. Т. 24. С. 120; Достоевский Ф. М. Летняя попытка Старой Польши мириться. Т. 26. С. 58.

³ Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1875–1876 гг. Т. 24. С. 120

⁴ Достоевский Ф. М. Летняя попытка Старой Польши мириться. Т. 26. С. 57–59; Достоевский Ф. М. Римские клерикалы у нас в России. Т. 26. С. 54–57.

⁵ Достоевский Ф. М. Восточный вопрос. Т. 23. С. 42–46.

пления в войну против Османской империи в защиту балканского православного населения. Им на страницах «Дневника» представлялись страшные картины турецких зверств, чинимых по отношению к болгарам и сербам, включая детей. Создаваемые эмоциональные образы не могли оставить равнодушным российское общество. В защите слабого, в том, чтобы вырвать оружие из рук убийцы, и раскрывал Достоевский высшее назначение России.

Но видение Достоевским задач России в Восточном вопросе не ограничивалось защитой южных православных славян. Более того, им предсказывалось, что освобождённые славянские государства будут в дальнейшем интриговать против России, искать защиты от неё у Европы. В соответствии с этими прогнозами писатель не разделял идей проекта Н. Я. Данилевского о славянской федерации, оказавшего определённое влияние на его взгляды [11].

Цель и миссия России в Восточном вопросе заключались, согласно Достоевскому, в освобождении Константинополя [4], который не должен стать общеславянским или всеправославным, а должен стать именно новой российской столицей¹. Турция как бывшая территория Византии должна войти под власть России. И этот перенос принципиально изменит судьбы мира, приведёт к всемирному восстановлению христианства. Обновлённое царство станет на пути социализма, порождённого Западом и угрожающего человечеству. «С Востока, – развивал Достоевский своё историософское видение, – и пронесется новое слово миру навстречу грядущему социализму, которое, может вновь спасёт европейское человечество. Вот назначение Востока, вот в чём для России заключается Восточный вопрос... Но для такого назначения России нужен Константинополь, так как он центр восточного мира»².

¹ Достоевский Ф. М. Утопическое понимание истории. Т. 23. С. 49.

² Достоевский Ф. М. Толки о мире. «Константино-

Азиатский вектор российской политики XIX века

После завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг., не закончившейся, вопреки ожиданиям Достоевского, освобождением Константинополя, писатель переключает внимание на среднеазиатское и дальневосточное направление российской политики. Ещё ранее он приветствовал взятие русскими войсками Хивы. Достоевский рассуждал о двух природах русского народа – европейской и азиатской. Исходя из этой двойственности, русский является, в отличие от европейцев, для Востока своим, а потому только он способен нести в восточные страны цивилизацию. И сами русские воспринимались в Европе как азиаты, варвары, тогда как на Востоке отношение к ним было совершенно иным³.

Цивилизаторская миссия русских в Азии, в понимании писателя, должна соотноситься с политическим влиянием русского царя. Он писал о популярности «белого царя» среди нехристианских народов, готовности их пойти под его скипетр. Русское царство должно быть поставлено превыше власти халифа [36]. В борьбе за симпатии мусульман видел Достоевский продолжение соперничества с Османской империей. «Царь русский есть царь и повелитель всего мусульманского Востока», – декларировал писатель свое новое переосмысленное видение историософской миссии России⁴. Однако выдвинутое в конце жизни положение не получило такого же развития в его публицистике, как концепция константинопольской миссии⁵.

поль должен быть наш» – возможно ли это? Разные мнения. Т. 26. С. 85.

³ Достоевский Ф. М. Вопросы и ответы. Т. 27. С. 36–40; Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? Т. 27. С. 32–36.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 86.

⁵ Достоевский Ф. М. Вопросы и ответы. Т. 27. С. 37; Достоевский Ф. М. Геок-Тепе. Что такое для нас Азия? Т. 27. С. 32; Достоевский Ф. М. Дневник 1881 г. Т. 27. С. 62, 83–86.

Заключение

Представление взглядов Достоевского на событийную канву отечественной истории позволяет сделать вывод о наличии у него целостного понимания российского исторического процесса. Интерпретация им исторических явлений соотносится со славянофильским направлением в историографии в отдельных оценках. Вместе тем исторические воззрения писателя встраивались в его эсхатологические представления. История мира рассматривалась им через идею развёртки, через исторический процесс христианского мессианизма, в котором России отводилась миссия спасения че-

ловечества. Ключевым конфликтом в истории он видел конфликт между христианством и Римской империей, преломляемый в дальнейшем в конфликты: православие – католицизм, Россия – Европа, русский народ – антихристианские силы, выступающие под знаменем социализма. Фиксируя ряд недостоверных положений в представлении взглядов на прошлое, важно отметить важность попытки целостного осмысления Достоевским российского исторического процесса в повестке актуальных по настоящее время вызовов.

Статья поступила в редакцию 17.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков К. С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
2. Алексеев П. В. Восток в творческом сознании Ф.М. Достоевского периода Крымской войны // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (5). С. 30–34
3. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Сборник «Вехи» в контексте общественной полемики о путях развития России: опыт интроспективного анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2015. № 1. С. 21–42.
4. Белова К. А. Константинополь и «Третий Рим» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877) // Восток в русской литературе XVII – начала XIX в. Знакомство. Переводы. Восприятие. М., 2004. 253 с.
5. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского. М.: Академический проект, 2019. 560 с
6. Бобровских Е. В. Теория «официальной» и «неофициальной» народности: С. С. Уваров и славянофилы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 5. С. 183–190.
7. Волгин И. Последний год Достоевского. М.: Советский писатель, 1991. 544 с.
8. Волкова Е. А. Общественная деятельность, социально-исторические и религиозные взгляды Ф.М. Достоевского: дис. ... док. ист. наук. Курск, 2020. 491 с.
9. Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М., 1999. С. 233–244.
10. Голосовкер Я. Э. Достоевский и Кант. Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». М.: Постскриптум, 1963. 102 с.
11. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб: Глаголь, 1995. 552 с.
12. Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: РОССПЭН, 2011. 718 с.
13. Иустин (Попович), препод. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск, 2007. 312 с.
14. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
15. Касаткина Т. А. Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
16. Лазари де А. В кругу Фёдора Достоевского. Почвенничество. М.: Наука, 2004. 207 с.
17. Лаут Р. К вопросу о генезисе «Легенды Великом Инквизиторе» // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 70–76.
18. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении. М.: Республика, 1996. 447 с.
19. Леонтьев К. Н. Достоевский о русском дворянстве // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.

- С. 689–693.
20. Леонтьев К. Н. О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство: философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996. С. 312–329.
  21. Любятинская У. С. Исторические воззрения Ф. М. Достоевского: (По материалам «Дневника писателя»): дис. ... канд. ист. наук. М.: РУДН, 2006. 193 с.
  22. Малинов А. В. Панславизм как панмонголизм. Историсофия национализма // Управленческое консультирование. 2017. № 10. С. 136–149.
  23. Мацейна А. Великий инквизитор. СПб.: Алетейя, 1999. 378 с.
  24. Пичугина О. В. Религиозно-философские основания позднего творчества Ф. М. Достоевского (1863–1881). Кемерово, 2006. 273 с.
  25. Подрезов М. В. Идейные воззрения Ф. М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176.
  26. Птицын А. Н. Концепция «славянской цивилизации» Н. Я. Данилевского. Ставрополь: ПГЛУ, 2003. 164 с.
  27. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение. М.; Советский писатель, 1990. 480 с.
  28. Семевский М. И Царевич Алексей Петрович. Исторический очерк // Иллюстрация. 1859. Т 3. С. 63–71.
  29. Снигирева С. Д. Историсофские воззрения Ф. М. Достоевского и демократическая концепция раскола А. П. Щапова // *Litera*. 2020. № 5. С. 14–26.
  30. Соколова В. Ф. Тема церковного раскола в публицистике и художественном творчестве Ф. М. Достоевского // Соколова В. Ф. Старообрядчество: история, культура, современность. Т. II. М., 2005. С. 288–294.
  31. Сыромятников О. И. Поэтика русской идеи в «великом пятикнижии» Ф. М. Достоевского. Пермь: Маматов, 2014. 366 с.
  32. Тонких Н. В. История эволюции социально-политических взглядов Ф. М. Достоевского: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 253 с.
  33. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. М.: Директ-Медиа, 2014. 656 с.
  34. Эйдельман Н. Я. Розыскное дело // Наука и жизнь. 1971. № 9. С. 104–111. № 10. С. 99–103.
  35. Dowler W. Dostoevsky, Grigor'ev, and Native Soil Conservatism. Toronto: University of Toronto Press, 1982. 240 p.
  36. Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov) // *The Slavonic and East European Review*. 1979. Vol. 57. № 1. P. 16–31.

REFERENCES

1. Aksakov K. S. *Gosudarstvo i narod* [State and people]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2009. 608 p.
2. Alekseev P. V. [The East in the creative mind of F. M. Dostoevsky period of the Crimean War]. In: *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparativistics], 2016, no. 1 (5), pp. 30–34.
3. Bagdasaryan V. E., Resnyansky S. I. [Collection «Vekhi» in the context of public debate about the ways of development of Russia: the experience of introspective analysis]. In: *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin RUDN. Series: History of Russia], 2015, no. 1, pp. 21–42.
4. Belova K. A. [Constantinople and The Third Rome in the Diary of the Writer by F. M. Dostoevsky (1876–1877)]. In: *Vostok v russkoy literature XVII – nachala XIX v. Znakomstvo. Perevody. Vospriyatiye* [East in Russian literature of the 17th – early 19th centuries. Acquaintance. Translations. Perception]. Moscow, 2004. 253 p.
5. Berdyaev N. A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [World Lake Dostoevsky]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2019. 560 p.
6. Bobrovskikh E. V. [The theory of «official» and «unofficial» nationality: S. S. Uvarov and the Slavophiles]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2015, no. 5, pp. 183–190.

7. Volgin I. *Poslednii god Dostoevskogo* [The last year of Dostoevsky]. Moscow, Sovetskii pisatel Publ., 1991. 544 p.
8. Volkova E. A. *Obshchestvennaya deyatelnost, sotsialno-istoricheskie i religioznye vzglyady F. M. Dostoevskogo: dis. ... dok. ist. nauk* [Social activities, socio-historical and religious views of F. M. Dostoevsky: D. thesis in History]. Kursk, 2020. 491 p.
9. Vortman R. [«Official nationality» and the national myth of the Russian monarchy of the XIX century]. In: *Kulturnyye praktiki v ideologicheskoy perspektive. Rossiya, XVIII – nachalo XX veka* [Cultural practices from an ideological perspective. Russia, 18th – the beginning of the 20th century]. Moscow, 1999. P. 233–244.
10. Golosovker Ya. E. *Dostoevskii i Kant. Razmyshleniya chitatelya nad romanom «Bratya Karamazovy» i traktatom Kanta «Kritika chistogo razuma»* [Dostoevsky and Kant. Reflections of the reader on the novel «The Brothers Karamazov» and Kant]. Moscow, Postskriptum Publ., 1963. 102 p.
11. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa: Vzglyad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: A Look at Cultural and Political Relations Slavic world to German-Romanesque]. S.Petersburg, Glagol Publ., 1995. 552 p.
12. Zakharova L. G. *Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii* [Alexander II and the abolition of serfdom in Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2011. 718 p.
13. Iustin (Popovich). *Filosofiya i religiya F. M. Dostoevskogo* [Philosophy and religion of F. M. Dostoevsky]. Minsk, 2007. 312 p.
14. Kamyu A. *Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika* [Rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 415 p.
15. Kasatkina T. A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniya* [Dostoevsky as a philosopher and theologian: an artistic way of expressing himself]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p.
16. Lazari de A. V *krugu Fedora Dostoevskogo. Pochvennichestvo* [In the circle of Fyodor Dostoevsky. Soil science]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 207 p.
17. Laut R. [On the genesis of the «Legend of the Grand Inquisitor»]. In: *Voprosy filosofii* [Philosophy issues], 1990, no. 1, pp. 70–76.
18. Laut R. *Filosofiya Dostoevskogo v sistematicheskoy izlozhenii* [Dostoevsky's philosophy in a systematic presentation]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 447 p.
19. Leontev K. N. [Dostoevsky on the Russian nobility]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872–1891)* [East, Russia and Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual Prose (1872–1891)]. Moscow, 1996. P. 689–693.
20. Leontev K. N. [About universal love. F. M. Dostoevsky]. In: *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo: filosofskaya i politicheskaya publitsistika. Dukhovnaya proza (1872–1891)* [East, Russia and Slavs: philosophical and political journalism. Spiritual Prose (1872–1891)]. Moscow, 1996. P. 312–329.
21. Lyubyatinskaya U. S. *Istoricheskie vozzreniya F. M. Dostoevskogo (Po materialam «Dnevnik pisatelya»): dis. ... kand. ist. nauk* [Historical views of F. M. Dostoevsky (Based on materials from the «Diary of a Writer»): PhD thesis in History sciences]. Moscow, RUDN Publ., 2006. 193 p.
22. Malinov A. V. [Pan-Slavism as Pan-Mongolism. Historiosophy of nationalism]. In: *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management consulting], 2017, no. 10, pp. 136–149.
23. Matseina A. *Velikii inkvizitor* [Grand Inquisitor]. S.Petersburg, Aleteiya Publ., 1999. 378 p.
24. Pichugina O. V. *Religiozno-filosofskie osnovaniya pozdnego tvorchestva F. M. Dostoevskogo (1863–1881)* [Religious and philosophical foundations of the late work of F. M. Dostoevsky (1863–1881)]. Kemerovo, 2006. 273 p.
25. Podrezov M. V. [F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science], 2019, no. 49, pp. 170–176.
26. Ptitsyn A. N. *Kontseptsiya «slavyanskoi tsivilizatsii» N. Ya. Danilevskogo* [The concept of «Slavic civilization» N. Ya. Danilevsky]. Stavropol, PGLU Publ., 2003. 164 p.
27. Saraskina L. I. *«Besy»: roman-preduprezhdenie* [«Demons»: a warning novel]. Moscow; Soviet writer Publ., 1990. 480 p.
28. Semevskiy M. I. *Tsarevich Aleksei Petrovich. Istoricheskii ocherk* [And Tsarevich Alexei Petrovich. Historical sketch]. In: *Illyustratsiya* [Illustration], 1859, vol. 3, pp. 63–71.

29. Snigireva S. D. [Historiosophical views of F. M. Dostoevsky and the democratic concept of the schism of A. P. Shchapov]. In: *Litera*, 2020, no. 5, pp. 14–26.
30. Sokolova V. F. [The theme of the church schism in the journalism and artistic work of F. M. Dostoevsky]. In: Sokolova V. F. *Starobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost. T. II* [Old Believers: history, culture, modernity. Vol. II]. Moscow, 2005. P. 288–294.
31. Syromyatnikov O. I. *Poetika russkoi idei v «velikom pyatknizhii» F. M. Dostoevskogo* [Poetics of the Russian Idea in the «Great Pentateuch» by F. M. Dostoevsky]. Perm, Mamatov Publ., 2014. 366 p.
32. Tonkikh N. V. *Istoriya evolyutsii sotsialno-politicheskikh vzglyadov F. M. Dostoevskogo: dis. ... kand. ist. nauk* [The history of the evolution of the socio-political views of F. M. Dostoevsky: PhD thesis in History sciences]. Voronezh, 2005. 253 p.
33. Ustryalov N. G. *Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. T. 6. Tsarevich Aleksei Petrovich* [History of the reign of Peter the Great. Vol. 6. Tsarevich Alexey Petrovich]. Moscow, Direkt-Media Publ., 2014. 656 p.
34. Eidelman N. Ya. [Investigation case]. In: *Nauka i zhizn* [Science and Life], 1971, no. 9, pp. 104–111, no. 10, pp. 99–103.
35. Dowler W. *Dostoevsky, Grigorev, and Native Soil Conservatism*. Toronto, University of Toronto Press, 1982. 240 p.
36. Futrell M. Dostoyevsky and Islam (And Chokan Valikhanov). In: *The Slavonic and East European Review*, 1979, vol. 57, no. 1, pp. 16–31.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э. История России в представлениях Ф. М. Достоевского: историософия русского мессианства в проекции исторического нарратива // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 9–26.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E. History of Russia in the views of F.M. Dostoevsky: the historiosophy of Russian messianism in the projection of historical narrative. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 9–26.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-9-26

УДК 93/94, 82(091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-27-37

Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ (К ПОНИМАНИЮ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАРОДА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОРЕФОРМЕННОЙ МЫСЛИ РОССИИ)

Блохин В. В.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть литературную полемику Н. К. Михайловского с Ф. М. Достоевским по проблеме взаимоотношений народа и интеллигенции. Указанная проблема является центральной в общественной мысли России второй половины XIX в., поскольку её решение определяло направленность и характер политического развития страны, ставило государство перед выбором между мирным развитием и насильственной революцией.

Процедуры и методы. Исследование основывается на использовании публицистики Ф. М. Достоевского, критических статей Н. К. Михайловского и мемуаров современников. Впервые в историографический оборот в указанном ракурсе вводится неопубликованная рукопись А. П. Флерова, позволяющая по-новому рассмотреть роль Михайловского как критика Ф. М. Достоевского.

Результаты. В ходе исследования было установлено, что литературно-критические приёмы Михайловского в отношении творчества Достоевского мотивировались не эстетическими, а общественно-политическими и ценностными факторами, что неизбежно приводило к заведомому искажению творчества писателя. В полемике двух публицистов столкнулось два непримиримых мировоззрения – христианское и позитивистско-секулярное.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования позволяют нюансировать и обогатить картину состояния русской литературной критики и общественной борьбы по вопросу взаимоотношений интеллигенции и народа.

Ключевые слова: народ, интеллигенция, капитализм, литературная критика, народничество, христианство, мировоззрение

N. K. MIKHAILOVSKY AND F. M. DOSTOEVSKY (TO UNDERSTAND THE PROBLEM OF RELATIONS BETWEEN THE PEOPLE AND THE INTELLIGENTSIA IN THE POST-REFORM THOUGHT OF RUSSIA)

V. Blokhin

RUDN University

6 Miklukho-Maklaya ul., Moscow 117198, Russian Federation

Abstract

Aim. To consider the literary polemics of N. K. Mikhailovsky and F. M. Dostoevsky on the problem of relations between the people and the intelligentsia. This problem is central to the social thought of Russia in the second half of the 19th century, since its solution determined the direction and nature of the political development of the country, putting the country before a choice between peaceful development and violent revolution. This problem was not specifically raised in historiography.

Certain aspects of the relationship between Dostoevsky and Mikhailovsky (polemics about the novel «Demons», etc.) were considered in the works of V. A. Tvardovskaya.

Methodology. The research is based on the use of F. M. Dostoevsky's journalism and N. K. Mikhailovsky's critical articles and memoirs of contemporaries. For the first time, the unpublished manuscript of A. P. Flerov is introduced into historiographical circulation, allowing us to consider the role of Mikhailovsky as a critic of F. M. Dostoevsky in a new way.

Results. It was found that Mikhailovsky's literary and critical techniques in relation to Dostoevsky's work were motivated by socio-political and value factors, rather than aesthetic, which inevitably led to a deliberate distortion of the writer's work. In the polemic of the two publicists, two irreconcilable worldviews collided – Christian and positivist-secular.

Research implications. The results of the study nuance and enrich the picture of Russian literary criticism and public struggle on the issue of the relationship between the intelligentsia and the people.

Keywords: people, intellectuals, capitalism, literary criticism, populism, Christianity, worldview

Введение

Проблема взаимоотношений народа и интеллигенции – одна из центральных в русской общественной мысли XIX в., что объяснимо интенсивным поиском ответов на историософские вопросы о судьбе России и её назначении. Мыслящие люди XIX в. не могли не задаваться драматическими вопросами о будущем страны, порождая нескончаемые и горячие споры о смысле русской истории. Для западной интеллигенции, либеральной и социалистической, было очевидным, что Россия должна пройти дорогу европейской цивилизации, разрушив свои исконные исторические и религиозные начала. Для мыслителей «русской идеи», к которым принадлежал и Ф. М. Достоевский, подобный взгляд был неприемлем. В этой связи проблема сущности народной жизни и роли в ней образованного меньшинства становилась центральной, смыслообразующей.

В научной литературе общественная роль Ф. М. Достоевского, его отношение к представителям общественного движения, социалистам и либералам достаточно подробно исследована В. А. Твардовской, показавшей весьма сложные отношения между Достоевским и народниками. Автор обратила пристальное внимание на общественную реакцию на знаменитый роман «Бесы», широко исследовала отношение народников к

творчеству писателя [10]. Аспекты мировоззрения и специфики творчества писателя нашли отражение в огромном массиве русской философской мысли [1; 2; 3; 6; 7]. К отдельным общественно-политическим сторонам творчества писателя обращались Р. В. Иванов-Разумник [4], Н. А. Кладова [5], Л. Г. Свинцова [8], Л. Г. Сухотина [9]. Между тем ряд сюжетов, связанных с отношением Николая Михайловского, лидера народничества, к Достоевскому, остался за рамками научного интереса. Эти вопросы стали предметом рассмотрения в данной работе.

Источниками анализа являются публицистика Ф. М. Достоевского¹ и Н. К. Михайловского², мемуары современников, воспоминания брата А. М. Достоевского, единомышленника и друга С. Д. Яновского³.

Достоевский и идеи народности

В дихотомии «народ и интеллигенция» категории «народ» и «народная» жизнь очевидно имели глубокие исторические

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. 799 с.

² Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. Т.V-1020 стб.; Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. 605 с.

³ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 623 с.

корни. Идея «народа», как предмет философской рефлексии, зародилась в общественном сознании России в 1830-е гг. в период романтической реакции на французское Просвещение. Генетически эта идея была связана как с рецепцией германской философии, прежде всего наследия Шеллинга, так и пробуждением интереса к отечественной истории. Наиболее полно она воплотилась в славянофильском учении И. В. Киреевского и А. С. Хомякова о русском народе как хранителе национальной культуры и исторической традиции. Восприятие народа как культурно-религиозного феномена подкреплялось возросшим интересом к отечественной истории, к пониманию того, что она имеет начала в глубинах народной жизни. Показательно, что становление взглядов Ф. М. Достоевского на народ было укоренено именно в этом «историческом веке».

Показательны те первые духовные импульсы, к которым приходил Достоевский в своём юношестве. По воспоминаниям младшего брата А. М. Достоевского, в семье всегда с добротой относились к крестьянам. «Все крестьяне, в особенности женщины, очень всех нас любили и, не стесняясь нисколько, вступали с нами в разговоры. Мы <...> старались тоже угодить им всевозможными средствами», оказывали безвозмездную помощь крестьянам-погорельцам»¹.

Представления о сущности народной жизни сформировались у будущего писателя не только под воздействием личного опыта взаимоотношений с крестьянами, но и подкреплялись и идейным влиянием века. Ф. М. Достоевский, будучи еще юношей, увлекался чтением исторических книг. «“История” Карамзина была его настольною книгою... Вообще брат Федя более читал сочинения исторические, серьезные...», – писал младший брат Александр².

Впрочем, наибольшее духовное влияние на молодого человека оказали Пушкин и Гоголь. Братья Михаил и Федор знали почти всего Пушкина «наизусть», в то время, когда поэт был ещё их современником³.

Особую притягательность для мировоззрения будущего писателя имел Гоголь. «Гоголя Федор Михайлович никогда не уставал читать и нередко читал его вслух, объясняя и толкуя до мелочей. Когда же он читал «Мертвые души», то почти каждый раз, закрывая книгу, восклицал: «Какой великий учитель для всех русских, а для нашего брата писателя в особенности! Вот так настольная книга!»⁴. Причём любимым предметом изучения для него была душа человека.

Таким образом, идея народности была глубоко укоренена в самой жизни писателя, в его восприятии действительности. Органически понимая народ, он тем не менее видел опасности, которые несли ему реалии капитализма, порождённые отменой крепостного права. Будучи сторонником отмены крепостного права, он стал едва ли не первым из отечественных консервативных мыслителей, обративших внимание на разрушительную работу капитализма в России, губившего народную душу силой денег. «Труд, промышленность? ибо правильный бюджет окупается лишь трудом и промышленностью. Но какой же образуется труд при таких кабаках? Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии её, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков... Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабалённых им нищих рабов – вот картина!»⁵.

В другом месте оценка реформы не менее жёсткая. «Экономическое и нрав-

¹ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 74, 77.

² Там же. С. 85.

³ Там же: С. 86.

⁴ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 238–239.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 152

ственное состояние народа по освобождению от крепостного ига – ужасно. Несомненные и в высшей степени тревожные факты о том свидетельствуют поминутно»¹.

Исключая возвращение к прежнему крепостному состоянию, он глубоко верил в возможности народа спасти себя самого, без всякого внешнего вмешательства. «Во всяком случае, надо желать, чтобы народ имел полную свободу сам выйти из грустного своего положения, безо всякой опеки и поворотов назад»². Залогом веры в народное спасение для писателя оставалась исконная христианская суть русской души, народная психология, интуитивно и бессознательно хранившая христианскую правду. На этом религиозном стержне крепилось религиозное народничество Достоевского. Будучи близким к народникам в своём осуждении капитализма, он не разделял многих народнических постулатов, прежде всего – приоритета социального освобождения над духовно-нравственным. Если для народников-позитивистов проблема народа состояла в социальном реформировании его жизни, то у Достоевского – в духовно-нравственном спасении. Крестьянство в мышлении теоретиков народничества было прежде всего категорией социальной, а не духовно-исторической.

«Федор Михайлович не был и народником в том смысле, как толковали тогда это слово, например, Цейдлер, Порецкий и др., сосредоточивавшие все свои думы и действия на улучшении положения простолюдина... Федор Михайлович всегда был печальником, утешителем и защитником бедных; призванием его было изучать болезнь души и помочь ей стать в здоровые условия; вернейшее лекарство у него всегда была молитва», – пишет Яновский³.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 74.

² Там же.

³ Достоевский Ф. М. В воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 246.

Таким образом, психологизм Достоевского, интерес к народной душе сопрягался у него с её христианским эйдосом, имманентным народному самосознанию. «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит образ Его по-своему, то есть до страдания... Повторю: можно очень много знать бессознательно»⁴. Страдание как проявление христианской души имманентно русскому человеку. «Этой жадной страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьёт ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно»⁵.

Полагаем, что этот тезис о религиозной природе народа и русского крестьянства отнюдь не был христианской утопией, Достоевский видел в нём типичную, характерную черту русского народа, сложившуюся веками. Но именно это обстоятельство вызвало резкий выпад против Достоевского лидера российских демократов, литературного критика Н. К. Михайловского, подвергнувшего критическому разбору саму идейную основу творчества писателя.

Идейные основы творчества Достоевского в понимании Михайловского

При этом необходимо отметить, что нарастание критического тона в отношении творчества Достоевского пришлось на 1881–1882 гг., т. е. период крушения народовольчества. Именно после трагических событий 1 марта 1881 г. в общественных настроениях наметился глубокий психологический и идеологический перелом. Репутация революционных деятелей, как и радикальных журналов социалистического направления, резко

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 73.

⁵ Там же. С. 80–81.

упала. В 1884 г. «Отечественные записки», орган радикальной мысли, возглавляемый Г. З. Елисеевым, М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. К. Михайловским, решением правительства был закрыт. Для интеллигенции настали «годы безвременья», период разочарования и неизбежного спада революционной активности. На этом фоне произошёл решительный поворот к консерватизму, яркими выразителями которого стали К. П. Победоносцев и М. Н. Катков. В этой духовной атмосфере Достоевский стал восприниматься, если не идеологом такого течения, то, во всяком смысле, его талантливым выразителем. И не случайно, что в своей статье «Жестокий талант» Михайловский нарочно подчеркивает, что считает «вздором» мнение о Достоевском как «духовном вожде» русского народа¹. Нет ничего удивительного в том, что радикальный публицист, тайно сотрудничавший с «Народной волей», бывший литературным редактором её программных документов, с неистовой бескомпромиссностью обрушился на писателя. Причём эта критика проявилась не только в знаменитой статье «Жестокий талант», находящейся в фокусе внимания современных литературоведов, но множестве других статей Михайловского. Весьма символично, что цикл своих статей он назвал «Дневник читателя», не без злорадства намекая на знаменитый «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского. К глубокому сожалению, современные литературоведы почти не обращают внимания на эту политическую подоплеку литературно-критической деятельности Михайловского.

В 1881 г. Михайловский пишет очерк, вошедший в «Записки современника», в котором подвергает сомнению народный характер творчества Достоевского. «О Достоевском часто говорят, как о народном писателе или, по крайней мере, как о

таким, который глубоко постигал самую суть русского народа, его душу. Это одна из *самых странных*², по своей неосновательности, репутаций. Из всех блестящих представителей сороковых годов, она наименее приличествует именно Достоевскому. Народом, как материалом для художественной обработки, он никогда не интересовался³. При этом, по мнению Михайловского, «народная душа» в произведениях писателя сводится к двум идеям – вере в Царя и любви страданий. Само страдание – не свойство народа, а «оригинальная идея», полученная не наблюдением над жизнью, а вытекающая «из духа самого Достоевского»⁴.

В 1882 г. Михайловский пишет самую известную работу – «Жестокий талант», в которой тон критики был ещё более непримирим. «Жёсткость и мучительство всегда занимали Достоевского, и именно со стороны их привлекательности, со стороны как бы заключающегося в мучительстве сладострастия», – писал критик⁵. Достоевский «рылся в самой глубокой глубине волчьей души», разыскивая там вещи тонкие, сложные, не простое удовлетворение аппетита, а именно сладострастие злобы и жестокости. Эта специальность Достоевского слишком бросается в глаза, чтобы её не заметить»⁶.

Объективный анализ публицистики Достоевского серьёзно противоречит заключениям Михайловского, «дух самого Достоевского», как и субъективное понимание им характера народной жизни – не при чём! Русский народ в середине XIX в. оставался в своей подавляющей массе верующим и православным народом. Этот императив страдания был глубоко укоренён в самом коде культуры, в христианском образе жизни. Для публициста «Оте-

² Прим.: Здесь и далее курсив автора статьи.

³ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 432.

⁴ Там же.

⁵ Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений. Спб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. С. 157.

⁶ Там же. С. 158.

¹ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 156.

чественных записок» этика страдания как принципа народной жизни являлась «проявлением скудного и одностороннего понимания народной души», вызванного неверным формулированием нравственного идеала. «Возможность новых и новых унижений и оскорблений, унижений и оскорблений без конца – нимало ими не колеблется даже в идее, потому что вся операция подобна рубке леса, а не уничтожению корней, вся она состоит в индивидуально-психологическом решении задачи»¹.

Эту же мысль о лично-психологических мотивах Достоевского в трактовке народного идеала он повторяет и в 1882 г. По мнению народнического критика, такие идеи объяснимы *уважением к «существующему порядку», «склонностью к личной проповеди»* и т. д.². Опять весьма сомнительные и крайне субъективные толкования творчества!

Такой подход к критике, по существу, выводил все нравственные проблемы за рамки веры в Бога! Решение он видел в «переносе вопроса на общественную почву, которая нисколько не препятствует удовлетворению личных позывов к возмездию и совершенствованию других и себя». «Широкая общественная реформа может (по крайней мере, в идее) вырвать самые корни унижения и оскорбления, а затем с выжившими отпрысками поступайте, пожалуй, как хотите... Но этого-то последнего Достоевский никогда не признавал и, кажется, даже просто органически не мог понимать»³.

Логично задаться вопросом, почему Михайловский оказался не в состоянии понять художественный метод Достоевского? Ключ к ответу на вопрос даёт глубокое исследование Н. О. Лосского, тон-

ко подметившего логику людей разряда Михайловского, возвращённых в категориях позитивистского миропонимания. Философ отмечал: «Особенно далеки от взглядов Достоевского те лица, которые, следуя гедонизму, утилитаризму и т. п. направлениям, вместе с Миллем, считают, что единственная положительная самоценность есть удовольствие и отсутствие страданий, и единственная отрицательная ценность есть страдание. Отсюда при последовательном развитии этой мысли вытекает, что все остальные содержания бытия могут быть ценны не сами по себе, а только, как средства для достижения удовольствия и устранения страдания» [6, с. 289]. Лосский верно заметил, что страдание, согласно Достоевскому, «имеет не только воздаятельный, но вместе с тем и целительный смысл: оно побуждает человека одуматься, очиститься и искать новых путей жизни» [6, с. 295].

Внутреннюю противоречивость концепции страдания в трактовке Михайловским отметил и Н. А. Бердяев: «Русский нигилист-моралист думает, что он любит человека и сострадает человеку более чем Бог, что он исправит замысел Божий о человеке и мире. Невероятная притязательность характерна для этого душевного типа.... В её основе лежит атеизм и неверие в бессмертие. Неверие в бессмертие порождает ложную чувствительность и сострадательность... Само желание облегчить страдание народа было праведно, и в нём мог обнаружиться дух христианской любви. Это и ввело многих в заблуждение. Не заметили смешения и подмены, положенных в основу русской революционной морали...» [1, с. 66].

Очевидно, что Михайловскому оказался недоступен религиозный смысл творчества писателя, он не понимал, что страдание ведёт человека на небеса. Насильственно отрезав русский народ от религиозной веры, от народной традиции, представители российской народни-

¹ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 421.

² Михайловский Н. К.. Полное собрание сочинений. Спб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. С. 189.

³ Михайловский Н. К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Художественная литература, 1989. С. 421.

ческой интеллигенции не могли не прийти к искаженному, деформированному пониманию народа как совокупности социологических единиц, очистив её от груза «православных предрассудков». Впрочем, контрапункты идейного противостояния между двумя деятелями пореформенной культуры касались не только народа и его облика.

Российская интеллигенция глазами Достоевского

Не менее глубокими были социально-психологические наблюдения Достоевского над российской интеллигенцией. Показательны его оценки А. И. Герцена, родоначальника народничества. Как известно, к середине 1870-х гг. А. И. Герцен был общепризнанным кумиром оппозиционной России. Оценки, даваемые Герцену Достоевским, чрезвычайно точны. Для писателя феномен Герцена был исторически закономерным результатом культурного разрыва высших слоёв с народом, вызванного реформами Петра. «Тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог не явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом... В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и Бога»¹.

По мнению писателя, «к русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким должен быть, по их понятиям, русский народ.... Разумеется, Герцен должен был стать социалистом, и именно как русский барич, то есть безо всякой нужды и цели, а из одного только «логического течения идей» и от сердечной пустоты на родине»².

Оценки Достоевским интеллигенции впечатляют глубиной психологического проникновения. «Психологический портрет» он дополнил штрихами о «литературном направлении», «утилитаризме» в писательском деле. Наиболее влиятельным органом нового течения являлся тогда журнал «Отечественные записки», во главе которого в 1860-е гг. стоял сначала Н. А. Некрасов, а позже и Н. К. Михайловский. Эстетику «направления» наиболее полно в своё время выразил Н. Г. Чернышевский, провозгласив формулу: «прекрасное – есть жизнь!». «Разрушитель эстетики» призвал таким образом не только отказаться от идей «чистого искусства», но и подчинить литературу задачам политической борьбы. Так, утилитарно-политические цели заместили художественную ценность произведений, следствием чего стало следование «партийной и идейной чистоте, направлению». Разрушение творчества стало неизбежным.

«Одна из самых грубейших ошибок состоит в том, что обличение порока (или то, что либерализмом принято считать за порок) и возбуждение к ненависти и мести считается за единственный и возможный путь к достижению цели!» – пишет Достоевский о психологии сторонников «направления»³.

Показательно с этой точки зрения творчество Н. А. Некрасова. «Есть очень и очень значительные таланты, которые так много обещали, но которых до того заело направление, что решительно одело их в какой-то мундир. Я читал две последние поэмы Некрасова – решительно этот почтенный поэт наш ходит теперь в мундире... Но что делать: мундирный сюжет, мундирность приёма, мундирность мысли, слога, натуральности... Знает ли, например, маститый поэт наш, что никакая женщина, даже преисполненная первейшими гражданскими чувствами, приявшая, чтобы свидетельствовать с несчастным мужем, столько трудов, проехавшая

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 47–48.

² Там же.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 125–126.

шесть тысяч верст в телеге... ни за что не поцелует сначала цепей любимого человека, а поцелует непременно сначала его самого, а потом уже его цепи...»¹.

Критика утилитаризма в 1870-е гг., несомненно, касалась и Михайловского, «учителя русской жизни», как его называли фанатичные адепты. Именно он последовательно проводил в жизнь «субъективный метод» в литературной критике, в основе которого лежала партийность: Михайловский доказывал принципиальную невозможность «чистого искусства».

Достоевский, быть может, первым рассмотрел новый необычный феномен интеллигентского самосознания – складывающийся «культ вождей», которые ведут за собой наивных последователей. «В русском человеке дерзости его ученого языка – почти нет пределов. Тут именно происходит феномен, существующий только в русской интеллигентных классов душе... Теперь у нас в публике (в вагонах ли, в другом ли месте) разговоры сильно изменились против прежних, старых лет; *теперь жаждут слушать, жаждут учителей* – на все общественные и социальные темы»².

Интеллигентский догматизм, внедряемый в сознание народа, по мнению Достоевского, основан на наивной доверчивости публики: «верят всему, подготовлены и вооружены весьма слабо – гораздо слабее, чем могла бы представить вам самая яркая ваша фантазия несколько лет тому назад»³. Из этого факта «образованщины», основанной на ходячих истинах, писатель приходил к заключению о «бессовестности интеллигенции». Она проявляется как в отсутствии подлинно глубокого знания своей страны, так и карнавальности её социального поведения. «Публика, то есть внешность, европейский облик, раз навсегда данный из Европы закон, – эта публика произ-

водит на всякого русского человека действии подавляющее: в публике он европеец, гражданин, рыцарь, республиканец, с совестью и с своим собственным твердо установленным мнением. Дома, про себя, — «Э, чёрт ли в мнениях, да хошь бы высекли!»⁴.

Для Достоевского очевиден был космополитический характер сознания интеллигенции, преклонявшейся перед «общечеловеческим, а не национальным. «Слово "отечество" произносилось не иначе как с насмешливой складкой... к делу России все воспитывавшие их (молодежь) относились с презрением или равнодушием...»⁵.

Конечно, эти неприглядные напоминания о фактах культурной роли интеллектуального класса не могли не вызывать ответной реакции: в социально-психологическом портрете интеллигенции, написанном Достоевским, многое угадывалось, как в зеркало глядели на себя её кумиры. И потому Михайловский решительно напал на Достоевского.

«В "Идиоте" некто Евгений Павлович доказывает, что кто у нас нападает «на существующие порядки вещей, тот нападает «на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию». Эпилептический же князь (в том же «Идиоте»), вообще представляющий личные взгляды автора, высказывает его излюбленную мысль, что «кто от родной земли отказался, тот и от Бога своего отказался». Сообразно этому, обыкновеннейший приём наказания дерзостных врагов общего порядка и лично Достоевского состоит в следующем. Наметив подходящую жертву, Достоевский отнимает у неё Бога, и делает это так просто и механически, что точно крышку с миски снимает. Отнимет Бога и смотрит: как себе в этом положении жертва?», – писал с ехидцей народнический критик»⁶.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: в 2 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб 36,6, 2011. С. 126.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 180.

⁴ Там же. С. 188.

⁵ Там же. С. 201.

⁶ Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений.

Флеров и «культ Михайловского»

Эту, с позволения сказать, «методологию» народника очень тонко проанализировал А. П. Флеров, известный российский пушкинист начала XX в., подготовивший интересное исследование о взаимоотношениях Михайловского и Достоевского, но до сих пор не опубликованное и почти неизвестное литературоведам. Значение Флерова нам видится в том, что, обладая изрядной долей научной порядочности и гражданской честности, он не побоялся развеять «культ Михайловского», который сохранялся в российской литературной критике до 1990-х гг., не побоялся указать на нелепые оценки «прогрессивным критиком» наследия Достоевского.

Посему он обратился к программной статье публициста-народника «Жестокий талант», поскольку именно она «задавала тон» всей прогрессивной литературной критике, формулировала своеобразный «стандарт» оценивания. «Ошеломляющее действие и кажущаяся доказательная сила мнения Михайловского настолько громадны, что до настоящего времени, несмотря на сорокалетний период, отделяющий нас от появления его в печати, никто из публицистических литераторов, критиков и учёных печатно не усомнился в правильности основного положения и не решился взяться за опровержение», – отмечал Флеров¹.

Отметим, что тогда мнение Михайловского в литературной критике рассматривалось как «истина в последней инстанции», а погрешить против неё – значит разделить самую реакционную ересь!

Флеров в противовес общественно-литературным стереотипам заявлял: Михайловский сознательно «наносил удар по репутации Достоевского», а тон статьи отражал «настроение бахвальства, прекрасно передаваемое бурсацким жар-

гоном: ”одним махом всех побивахом”»².

Нельзя не согласиться с мнением Флерова, что объективное и честное прочтение Достоевского было не под силу народническому оппоненту. Первый жил верой в живого Бога, Христа, второй – проповедовал искусственную секулярную веру в Человека. Именно потому и «религиозный язык» символов и метафор был недоступен нерелигиозному сознанию рационалиста Михайловского. В своих романах и рассказах Достоевский «сознательно принимал особые меры: рассказ у него пересыпан недомолвками, перерывом, неясными намеками, вопросами-загадками, которые нередко разрешаются лишь много страниц спустя». Так же «предлагал своё учение Христос»³.

Народнический критик не понял Достоевского уже только потому, что был занят газетной и журнальной рутинной на потребу дня. Флеров отмечает: «Михайловский, погружённый в сплошную журнальную работу, не имел возможности не только перечитывать по несколько раз сочинения Достоевского, но и один раз пристально прочесть целиком, без пропусков, чем только и можно объяснить у него обилие грубых недосмотров и элементарных ошибок в анализе»⁴. Что и сказать: сам народнический критик называл свою манеру писать – «писать весёлыми ногами»!

Более того, по мнению Флерова, позицию Н. К. Михайловского нельзя характеризовать гуманистической, он отошёл от подлинно объективной и глубокой оценки, данной Н. А. Добролюбовым творчеству писателя, страдавшего за униженных и оскорблённых. Эта идея сострадания к слабым и страждущим наиболее рельефно была выражена в знаменитой и талантливой статье Добролюбова «Забитые люди». Михайловский же в произведениях Достоевского уви-

Спб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1897. С. 428.

¹ Флеров А. П. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский // РО РНГ. Ф. 1008. Ед. хр. 5. Л. 2.

² Флеров А. П. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский // РО РНГ. Ф. 1008. Ед. хр. 5. Л. 5.

³ Там же. Л. 42.

⁴ Там же.

дел лишь «тонкого знатока и аналитика мучительства и злобы», грубым образом искажив и извратив творчество великого русского гения¹.

Заключение

Литературная полемика вокруг наследия Ф. М. Достоевского в значительной степени имела не только и не столько художественный смысл, сколько вызывалась ценностным несопадением творчества великого писателя и известного критика. Столкнулись две мировоззренческие парадигмы отношения к российской действительности, два взгляда на судьбу российского народа и интеллигенции. Позиция Достоевского была глубже. Он рисовал портрет народа, наполняя его христианской любовью, глубоко веря в излечение духовной болезни своими

силами. Концепция народа и народности Михайловского строилась на совершенно других основаниях. В своём понимании народа он выносил «за скобки» духовно-нравственные культурно-психологические характеристики народной жизни, представлял народ в виде социологической абстракции, за интересы которой вёл борьбу с государством. Не понимая существа народной жизни и не доверяя народу, оторванному веками от культуры, Михайловский в отличие от Достоевского был убеждён в необходимости направляющей и руководящей роли интеллигенции. Но если цели понимались так искажённо, то к чему могла привести такая борьба? Не потому ли один из друзей и учеников Михайловского Виктор Чернов скажет, что на улицы Петрограда в 1917 г. вышел не народ, а толпа?

¹ Там же. Лл. 90–91.

Статья поступила в редакцию 10.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // Из глубины: сб. статей о русской революции / С. А. Аскольдов, Н. А. Бердяев, С. А. Булгаков и др. М.: Новости, 1991. 298 с.
2. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии. 1895–1903. М., 1997. 1007 с.
3. Булгаков С. Н. Тихие думы. М., Республика, 1996. 509 с.
4. Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. М.: Республика-Терра, 1997. 399 с.
5. Кладова Н. А. Концепция долга интеллигенции перед народом в 70-е гг. XIX века. (Ф. М. Достоевский и народники-социалисты) // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2008. № 4. С. 161–165.
6. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк: Из-во имени Чехова, 1953. 406 с.
7. Розанов В. Русская мысль. М.: Алгоритм, 2006. 573 с.
8. Свинцова Л. Г. Ф. М. Достоевский об отношении между интеллигенцией и православным народом // Интеграция образования. 2001. № 8. С. 55–59.
9. Сухотина Л. Г. Достоевский в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Томского университета. 2003. № 277. С. 64–72
10. Твардовская В. А. Ф. М. Достоевский в общественной жизни России. М., Наука, 1990. 340 с.

REFERENCES

1. Berdyayev N. A. [Spirits of the Russian Revolution]. In: Askoldov S. A., Berdyayev N. A., Bulgakov S. A., et al. *Iz glubiny: sb. statei o russkoi revolyutsii* [From the Depths: Collection of articles. articles about the Russian revolution]. Moscow, Novosti Publ., 1991. 298 p.
2. Bulgakov S. N. *Ot marksizma k idealizmu. Stati i retsenzii. 1895–1903* [From Marxism to Idealism. Articles and reviews. 1895–1903]. Moscow, 1997. 1007 p.
3. Bulgakov S. N. *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. M., Republic, 1996. 509 p.
4. Ivanov-Razumnik R. V. *Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli* [History of Russian social thought]. Moscow, Respublika-Terra Publ., 1997. 399 p.

5. Kladova N. A. [The concept of the duty of the intelligentsia to the people in the 70s 19th century. (F. M. Dostoevsky and the populists-socialists)]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2008, no. 4, pp. 161–165.
6. Lossky N. O. *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian worldview]. New York, Izdatelstvo imeni Chekhova Publ., 1953. 406 p.
7. Rozanov V. *Russkaya mysl* [Russian thought]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 573 p.
8. Svintsova L. G. [F. M. Dostoevsky on the relationship between the intelligentsia and the Orthodox people]. In: *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education], 2001, no. 8, pp. 55–59.
9. Sukhotina L. G. [Dostoevsky in the social thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: *Vestnik Tomskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University], 2003, no. 277, pp. 64–72.
10. Tvardovskaya V. A. *F. M. Dostoevskii v obshchestvennoi zhizni Rossii* [F. M. Dostoevsky in the public life of Russia]. Moscow, Science Publ., 1990. 340 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Блохин Владимир Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов;
email istory1@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Blokhin – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Russian History, RUDN University;
email istory1@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Блохин В. В. Н. К. Михайловский и Ф. М. Достоевский (к пониманию проблемы взаимоотношений народа и интеллигенции в пореформенной мысли России) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 27–37.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-27-37

FOR CITATION

Blokhin V. V. N. K. Mikhailovsky and F. M. Dostoevsky (to understand the problem of relations between the people and the intelligentsia in the post-reform thought of Russia). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 27–37.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-27-37

УДК 82-992

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44

«ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЦИКЛА

Джузеппе Астуто*Катанийский университет**295131, г. Катания, Площадь университета, д. 2, Италия*

Аннотация

Цель. Рассмотреть «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского как цикл текстов, объединённых общей темой; раскрыть культурно-историческую проблематику заметок; обозначить культурные традиции туристической литературы.

Процедура и методы. В исследовании применялся культурно-исторический и герменевтический методы.

Результаты. Проведённый анализ показал, как формировалось мировоззрение Достоевского.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при изучении философских, общественно-политических взглядов Достоевского.

Ключевые слова: Россия, Европа, достоевистика, заметки, эссе, философия, культурная-историческая проблематика, путешествие, очерк

«WINTER NOTES ABOUT SUMMER IMPRESSIONS» OF FYODOR DOSTOEVSKY: CULTURAL AND HISTORICAL PROBLEMS OF THE CYCLE

Giuseppe Astuto*University of Catania**2 Piazza Universita, Catania 295131, Italy*

Abstract

Aim. To consider «Winter notes on summer impressions» as a cycle of texts united by a common theme; to reveal the cultural and historical problems of the notes; to identify the cultural traditions of tourist literature.

Methodology. The study used cultural-historical and hermeneutical methods.

Results. The analysis showed how Dostoevsky's worldview was formed.

Research implications. The research results can be used in the study of Dostoevsky's philosophical and socio-political views.

Keywords: Russia, Europe, Dostoevistics, notes, essays, philosophy, cultural and historical problems, travel, essay

Введение

Одна из главных тем в публицистическом творчестве Ф. М. Достоевского – взаимоотношения европейских народов. После своего первого посещения Европы в 1862 г. Достоевский задумывает

произведение в виде путевых очерков. Писатель выехал из Петербурга в начале июня, а вернулся в середине сентября 1862 г. Он посетил Германию, Францию, Англию, Швейцарию, Италию, Австрию с целью поправить своё здоровье. Первое непосредственное знакомство с европейской культурой и бытом Достоевский от-

разил в «Зимних заметках о летних впечатлениях», опубликованных в журнале «Время» в № 2–3 в 1863 г. с февраля по март¹ с подзаголовком «Фельетон за всё лето». Написанные в жанре путевых заметок, они посвящены восприятию русскими Европы и размышлениям автора над исторической судьбой России и Европы. «Зимние впечатления» стали ярким свидетельством проявления особого интереса писателя к Европе. А в русской публицистике тем временем укрупнялась историософская проблема, получившая название «Россия–Запад».

Долгое время велись споры о том, к какому жанру заметки Достоевского отнести и можно ли их определить как цикл философских эссе. В разное время литературоведы А. С. Долинин [4], Г. М. Фридендр [8], Е. А. Акелькина и Г. К. Щенников [1], Е. Г. Новикова [6], Переверзев К. А. [7] и многие другие рассматривали социально-историческую, нравственную и философскую проблематику «Зимних заметок», изучали художественную и публицистическую природу текстов.

Собственно, знакомство с Европой произошло вследствие восприятия Достоевским революционных событий – Великой Французской революции. Идеалы революции не осуществились. Система ценностей, провозглашённая в лозунге «Свобода. Равенство. Братство», рухнула. Однако именно эти ценностные категории Федор Достоевский обнаруживает в христианской этике. Ещё в 1854 г. в письме к Н. Д. Фонвизиной, жене декабриста, с которой познакомился в Тобольске и которая стала его постоянным адресатом, он признаётся: «Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос

вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»².

Кстати, в этот год, как отмечают А. В. Шмелева и А. Е. Ковалева, Достоевский «заговорил стихами». Он пишет ряд стихотворений, посвящённых исторической теме. И «увлечение христианской религиозностью» «сплетается в сознании Ф. М. Достоевского с размышлениями о судьбе России, о месте России в судьбах мира, о миссии России на христианском Востоке и славянских Балканах» [9, с. 38]. На христианскую основу «Зимних заметок» обратила внимание Е. Г. Новикова, отметившая софийность заметок, а также «миссионерскую и христианско-просветительскую» их интенцию. По мысли достоевиста, в «Зимних заметках» можно выделить два пласта – реальный (реальная поездка Достоевского в Европу) и метафизический (поездка вглубь культуры, истории и даже судьбы) [6].

История создания «Зимних заметок о летних впечатлениях»

Федор Достоевский создал 8 путевых очерков-эссе: гл. 1: «Вместо предисловия», гл. 2: «В вагоне», гл. 3: «И совершенно лишняя», гл. 4: «И не лишняя для путешественников» с подзаголовком «Окончательное решение о том: действительно ли «рассудка француз не имеет», гл. 5: «Ваал», гл. 6: «Опыт о буржуа», гл. 7: «Продолжение предыдущего», гл. 8: «Брибри и мабишь». Названия глав не унифицированы ни по стилю, ни по поэтике. Автор «успешно осуществляет культурный синтез разных начал в философском повествовании цикла эссе» [1, с. 211].

Однако главное у Достоевского – смыслы. Реформы и трансформации российской жизни сделали актуальным противостояние «Россия – Запад». В свою первую поездку по Европе Достоевский получил достаточно впечатлений, чтобы

¹ «Зимние заметки о летних впечатлениях» также вышли отдельными изданиями ещё при жизни автора в 1863, 1865 и 1866 г.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1972–1980. С. 176.

разочароваться в социальных «успехах» европейских стран. Особенно подробно он описывает положение народа в Англии и Франции. Сблизить народ и образованный класс стало утопической мечтой Достоевского. Россия в ту пору переживала сложный социальный период преобразований. Писатель же, разочарованный реформами, начинает симпатизировать социалистам, разделяя их некоторые идеи, особенно касающиеся возможностей общественного обновления. Его решение поехать в Париж было продиктовано внутренними событиями, происходящими в России. Один из главных вопросов, которые ставит перед собой Достоевский на пути в Европу: «Почему же Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление?»¹.

Написать путевые заметки предложил Достоевскому его родной брат Михаил Михайлович, желавший опубликовать их в журнале «Время», в редакционный совет которого входили, кроме братьев Достоевских, А. А. Григорьев и Н. Н. Страхов. Жанр путешествий был одним из популярных в русской художественной культуре. В отзыве на «Письма об Испании» В. П. Боткина Н. Г. Чернышевский заметил: «Путешествие – это отчасти роман, отчасти сборник анекдотов, отчасти история, отчасти политика, отчасти естествознание. Каждому читателю даёт оно всё, что только хочет найти он»².

Трансформировавшись из древнерусских паломничеств, путешествия стали частью русского мировосприятия и частью русской культуры в целом. Самыми яркими в ту пору считались «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина – классический образец путевых писем, фиксирующих пребывание русских путешественников

за границей. Их читали образованные верхи России. Путешествия по Европе – важная особенность культурной жизни образованной части русского общества. Путешествуют русские писатели, путешествуют и их герои. В путешествиях раскрывается тема России и окружающего её мира глазами путешественников. С очевидностью в данной литературе раскрывалась полемика писателей-путешественников, длящаяся уже не один век, главным вопросом которой оставался вопрос о миссии России.

Сам же Достоевский чувствовал необходимость вступить в дискуссию о судьбе России и Европы. Жанр путевых очерков для реализации этой цели более всего подходил. При этом замысел автора простирался шире – вступить в диалог с русскими мыслителями, кто в разное время пытался решить проблему «Россия – Запад», от Д. И. Фонвизина до Н. М. Карамзина и А. И. Герцена. Столь разных представителей русской культуры объединяло одно – стремление дать объективную оценку европейским событиям, европейским ценностям. Любопытно, что А. И. Герцен был автором «Писем из Франции и Италии» (1847–1852), в которых вспоминает то, чему был свидетелем в эти годы: революционные кружки, встречи с представителями национально-освободительного движения, а также настроения, волновавшие тогда Европу, мораль, общественные принципы.

«Зимние заметки» Федора Достоевского вплетались в пёстрое многоголосье русских писателей-эссеистов.

За 2,5 месяца Федор Достоевский посетил множество европейских городов Германии, Австрии, Швейцарии, Италии, Франции и Англии. План путешествия он продумал ещё в Петербурге. Писатель имел желание посетить Берлин, Дрезден, Висбаден, Баден-Баден, Кельн, Париж, Лондон, Люцерн, Женеву, Геную, Флоренцию, Милан, Венецию, Вену и др.³.

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1972–1980. С. 51.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1939–1953. С. 222.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1972–1980. С. 46.

Однако в «Зимних заметках» внимание автора сосредоточено на идеях и концепциях, а не на местах и объектах, которые он посетил, оттого заметки Достоевского выигрышно отличаются от всех предшествующих путевых очерков, созданных в недрах русской культуры.

Достоевский-путешественник испытывает нескрываемое разочарование в Европе, оттого «Зимние записки» словно превращаются в историко-философский трактат, затрагивающий отношения России и Европы, рассмотрение принципов цивилизационного развития России и Европы. Исследование цивилизационного пути государства – важнейшая задача Достоевского-исследователя, претендующего одновременно на философа-литератора.

Проблематика цикла

Путешественник Достоевский не излагает туристических фактов, не описывает полученные им впечатления от посещения тех или иных мест. Писатель не кичится посещением Сент-Поля в Лондоне или каких иных мест, важных для культуры тех или иных европейских народов. Достоевский увлечён полемическими вопросами, главный из них – сохранение русскости русским человеком, о чём в гл. 2 «В вагоне» он недвусмысленно заявляет: «Действительно ли мы русские в самом деле? Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление?»¹. Рассуждения Достоевского имеют свои основания: «Ведь всё, решительно почти всё, что есть в нас развития, науки, искусства, гражданственности, человечности, всё, всё ведь это оттуда, из той же страны святых чудес! Ведь вся наша жизнь европейским складом ещё с самого первого детства сложилась»². И Достоевский словно ставит перед собой важнейшую задачу: выяснить, как, каким образом

русские «не переродились» в европейцев «даже при таких неотразимых влияниях».

Нельзя не согласиться с утверждением и о том, что «Россия – это самостоятельная цивилизация, и у неё собственная модель цивилизационного развития», и даже «несмотря на заметное влияние Византии, нельзя буквально воспринимать утверждение о существовании непосредственной преемственности между ними» [2]. Россия имеет свой самобытный цивилизационный путь, свою миссию в мире. В 1870-е гг. Достоевский отмечал, что русские сохраняли свою русскость только тогда, когда «не покорялись обаянию западной цивилизации». В «Дневнике писателя» он провозгласил: Россия «несёт внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, – Православие, что она – хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»³.

В своих «Зимних заметках» большое значение Достоевский уделяет описанию Англии и Франции. Так, анализируя жизнь городского населения лондонских кварталов, рисует мрачные картины, апогеем которых стало описание страдания детей. Этот «тёмный фундамент» социальной деградации рождает символические образы «подполья недр». Лондон предстаёт «Вавилоном раздирающих контрастов», в котором свист и вой машин, население же живет «полуголыми, дикими и голодными в пригородах».

Достоевский потрясён состоянием Франции. Здесь – коррупция, насилие, деградация миллионов людей, «брошенных и изгнанных человечеством». Это описание сопровождается саркастическим тоном по отношению к французскому *tiers état*, который превратился в мелкого буржуа, исполненного самодовольного идолопоклонства для бога денег. Нельзя не согласиться с утверждением А. В. Денисовой о том, что «объектный уровень

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1972–1980. С. 51.

² Там же.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Л.: Наука, 1972–1980. С. 46.

«Зимних заметок о летних впечатлениях» включает не только описание реалий конкретных западноевропейских городов – перед нами образ Западной Европы, где Достоевский видит страшное унижение (и уничтожение!) человеческой культуры, социальной мысли, искусства, да и всего человеческого общежития, в котором нет истинного братства, нет любящего начала в натуре человека» [3, с. 69].

Достоевский обличает человеческое лицемерие, обличает стремление к наживе, бездуховность бытия. При этом он задаёт вопросы относительно свободы: какая свобода возможна без денег, без гарантии достойной жизни? Какое химерическое равенство можно найти в судах, кроме провозглашения законов? Какое женское освобождение возможно, если брак основан на товарных отношениях? Какая религия, если церкви сбросили маски и стали открыто «религией для богатых»? Вопросы отнюдь не риторические. В процессе своего повествования Достоевский в разной мере даёт на них ответ. И в череде этих вопросов – думы о России, о русском человеке, о его будущем.

«Зимние заметки» Достоевского направлены на обличение буржуазной и капиталистической цивилизации, на критику европеизированных русских, которых Достоевский называет не иначе, как «лишние» люди. Культурный кризис, равно как и кризис общественных отношений, постиг не только Европу. В России писатель наблюдает возникшее противоречие между русским народом (с его «народной правдой») и европеизированной русской элитой, оторванной от «почвы» и неспособной к решительным действиям, элиты атеистической.

Достоевский спорит с западными дворянами-интеллектуалами, с И. С. Тургеневым и Т. Н. Грановским, с Б. Н. Чичериным и К. Д. Кавелиным. При этом Фёдор Михайлович ценит личностные качества А. И. Герцена, его теорию, в основе которой идея об утопической общине и критике западного мещанина – мелкого

буржуа. Однако, в отличие от А. И. Герцена, стремящегося к «эгоистическому имманенту», приведшего его к атеистическому и пессимистическому взгляду на мир, Достоевский основы развития русской культуры и русской общины видит в православном христианстве. Именно в Лондоне Герцен и Достоевский встречаются во время путешествия последнего по Европе. Как известно, Достоевский пытается убедить его отказаться от революционных идей, заявляет о возможном преодолении классового разделения. Герцен же считает Достоевского народолюбивым, наивным, и при этом «родным».

В концепции человеческой личности Достоевского есть понятие «братство», которое основано не на социальном и правовом актах, а на рациональном разделении идей. Братство Достоевского не имеет ничего общего с идеалами Просвещения, популярными в современной ему Европе. Писатель представляет другой тип человека, который своей добровольной и совершенно сознательной жертвой открывает себя обществу и интересам общества в целом. Эта хрупкая открытость, грозящая соблазнами полезного, принадлежит русскому народу «по природе». Подобно славянофилам, Достоевский противопоставляет идеал подлинной братской общности, сохранённый в православии и традициях русского народа, индивидуальному произволу и протесту, характерным для западной цивилизации. Здесь индивид не противостоит сообществу, но полностью посвящает себя ему, не требуя гарантий и не позволяя себе руководствоваться какими-либо расчётами. В свою очередь, община не приемлет слишком сильного духа самопожертвования, обеспечивающего личную свободу и безопасность, гарантируемые братской любовью. В «Зимних заметках» в гл. VI «Опыт о буржуа» писатель, рассуждая о братстве, о воззрениях на братство западного человека, подчеркивает, что истинное братство – это «самовольное, совершенно сознательное и никем не

принуждённое самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего её могущества, высочайшего самообладания, высочайшей свободы собственной воли»¹. И к этим выводам Достоевский пришёл независимо от славянофилов, но нельзя не уловить тесную связь с идеалами Алексея Хомякова.

Заключение

Как отмечает В. Н. Захаров, Достоевский осветил идеал, «к которому должно стремиться, чтобы по-настоящему достичь свободы, равенства, братства» [5]. И этот идеал Фёдор Михайлович обнаруживает в христианском учении, в проповеди о любви к ближнему. Так начали рушиться горизонты, в пределах которых формировалась идея создания нового порядка не только на Западе, но и в России. В этот момент пробуждение дремлющего Востока должно предложить, по мысли

Достоевского, что-то новое по отношению к «прошлым десятилетиям» разума, чтобы обеспечить гражданское сосуществование. В этом контексте – поворотный этап в философии Достоевского, конкретизируемый в идеале сообщества, определяемом народным опытом, взаимной интеграцией индивида и общества.

Таким образом, «Зимние заметки» представляют собой генеральную репетицию, первый набросок заметок, который Достоевский развернет в «Записках из подполья». Действительно, Достоевский-путешественник стремится показать себя предшественником «человека из подполья». А антиномия Россия–Европа представлена как отправная точка для более широкого размышления в рамках проекта, который будет занимать писателя всю оставшуюся жизнь посредством диалога между автором и рассказчиком, между индивидуальным опытом и эстетическим опытом, который становится «сознанием человечества».

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1972–1980. С. 74.

Статья поступила в редакцию 16.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Акелькина Е. А., Щенников Г. К. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб.: Пушкинский Дом, 2008. С. 209–211.
2. Вититнев С. Ф., Шмелёва А. В. Византийская цивилизация и её влияние на исторические судьбы России как предмет осмысления в рамках консервативного общественно-политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 97–122.
3. Денисова А. В. Функции хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 64–74.
4. Долинин А. С. Достоевский и другие. Л.: Художественная литература, 1989. 478 с.
5. Захаров В. Н. Поэтика хронотопа в «Зимних заметках» о летних впечатлениях Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2013. № 11. С. 180–201.
6. Новикова Е. Г. Софийность русской прозы второй половины XIX века: евангельский и художественный контекст. Томск, 1999. 253 с.
7. Переверзев К. А. Пространства, ситуации, события, миры: К проблеме лингвистической онтологии // Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 255–267.
8. Фридлиндер Г. М. Эссеистика Достоевского // Достоевский – художник и мыслитель / отв. ред. К. Н. Ломунов. М.: Художественная литература, 1972. С. 46–99.
9. Шмелёва А. В., Ковалева А. Е. Славянский вопрос в русской поэзии: от Пушкина до Достоевского // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 2. С. 37–53.

REFERENCES

1. Akelkina E. A., Shchennikov G. K. Zimnie zametki o letnikh vpechatleniyakh. In: Dostoevsky F. M. *Sochineniya, pisma, dokumenty: slovar-spravochnik* [Works, letters, documents: Dictionary-reference book] SPb., Pushkinsky Dom Publ., 2008. P. 209–211.
2. Vititnev S. F., Shmeleva A. V. [Byzantine civilization and its influence on the historical fate of Russia as a subject of comprehension within the framework of a conservative socio-political discourse]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University], 2020, no. 2, pp. 97–122.
3. Denisova A. V. [Functions of the chronotope in «Winter Notes on Summer Impressions» by F. M. Dostoevsky]. In: *Kultura i tekst* [Culture and text], 2016, no. 1 (24), pp. 64–74.
4. Dolinin A. S. *Dostoevskii i drugie* [Dostoevsky and others]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 478 p.
5. Zakharov V. N. [The poetics of the chronotope in «Winter Notes» about Dostoevsky]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2013, no. 11, pp. 180–201.
6. Novikova E. G. *Sofinost russkoi prozy vtoroi poloviny XIX veka: evangelskii i khudozhestvennyi kontekst* [Sophia of Russian prose of the second half of the 19th century: evangelical and artistic context]. Tomsk, 1999. 253 p.
7. Pereverzev K. A. [Spaces, Situations, Events, Worlds: Towards the Problem of Linguistic Ontology]. In: Arutyunova N. D., Levontina I. B., ed. *Yazyki prostranstv* [Languages of spaces]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 2000. P. 255–267.
8. Fridlender G. M. [Dostoevsky Essayistic]. In: Lomunov K. N., ed. *Dostoevskii – khudozhnik i myslitel* [Dostoevsky – artist and thinker]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. P. 46–99/
9. Shmeleva A. V., Kovaleva A. E. [The Slavic Question in Russian Poetry: from Pushkin to Dostoevsky]. In: *Yazyk i tekst* [Language and text], 2016, vol. 3, no. 2, pp. 37–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джузеппе Астуто – кандидат наук, профессор департамента политических и общественных наук Университета Катании;
e-mail: astuto@unict.it

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Giuseppe Astuto – Cand. Sci. (History), Prof., Department of Political and Social Sciences, University of Catania;
e-mail: astuto@unict.it

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Астуто Д. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского: культурно-историческая проблематика цикла // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 38–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44

FOR CITATION

Astuto G. «Winter notes about summer impressions» of Fyodor Dostoevsky: cultural and historical problems of the cycle. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 38–44.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-38-44

УДК 32.001+101.1:316+140.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-45-58

ЭВОЛЮЦИЯ И ИДЕЙНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Вититнев С. Ф., Шмелева А. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить факторы и закономерности, задающие направленность эволюции социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского, их влияние на идейно-политическую ситуацию России середины и второй половины XIX в., а также возможности реализации в сфере внешней и внутренней политики, осуществляемой современной Россией. Осуществление критического анализа высказываний писателя-мыслителя

Процедура и методы. В статье рассматривается формирование, последующая эволюция и идейные особенности социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского. Предметом первоочередного анализа выступают определяющие их содержание концепции почвенничества, русской идеи и русского социализма, а также лежащие в их основе ценностные установки и идеалы. В ходе исследования применялись цивилизационный и формационный подходы, системно-структурный, диалектический и компаративный методы.

Результаты. Определены ключевые компоненты социально-политической концепции Ф. М. Достоевского и существующие логические связи между ними. Сделан вывод о том, что Ф. М. Достоевский одним из первых русских мыслителей сформулировал ценностные основания и принципы социального консерватизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволяет получить представления об эволюции мировоззрения и идейных особенностях социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: социально-политические воззрения, российская государственность, цивилизационное развитие, общественное устройство, консерватизм, славянофильство, народничество, почвенничество, русский социализм, русская идея, публицистика

THE EVOLUTION AND IDEOLOGICAL PECULIARITIES OF F.M. DOSTOEVSKY'S SOCIOPOLITICAL BELIEFS

S. Vititnev, A. Shmeleva

Moscow Region State University

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the common factors that determine the direction of the evolution of F.M. Dostoevsky's sociopolitical views and their influence on the ideological and political situation in Russia in the middle and the second half of the 19th century. The study also aims to highlight the possibility of implementing these ideas in the fields of modern Russia's foreign and domestic policy.

Methodology. The article considers the formation, the subsequent evolution, and the ideological peculiarities of F.M. Dostoevsky's sociopolitical beliefs. A critical analysis of the statements made

by the writer and thinker was undertaken. The subject matter of the in-depth analysis was the concepts of *pochvennichestvo*, the Russian idea and Russian socialism which determine the content of these statements as well as the values and ideals that underlie them. In the course of the research, civilizational and formational approaches in conjunction with systemic-structural, dialectical and comparative methods were used.

Results. The key components of F.M. Dostoevsky's sociopolitical philosophy were revealed, and the existing logical connections between them were identified. The author concluded that F.M. Dostoevsky was one of the first Russian thinkers to formulate the value foundations and principles of social conservatism.

Research implications. The conducted research casts light on the evolution of the writer's world view and provides insight into the ideological peculiarities of Dostoevsky's sociopolitical beliefs.

Keywords: sociopolitical beliefs, Russian statehood, civilizational development, social structure, conservatism, Slavophilism, populism, *pochvennichestvo*, Russian socialism, the Russian idea, opinion journalism

Введение

Ф. М. Достоевский вошёл в историю мировой и российской культуры не только как выдающийся писатель, но и как мыслитель, сделавший предмет своего анализа целый ряд проблем, касающихся различных сторон социально-политической жизни современной ему России, закономерности её цивилизационного развития, во многом задающие направленность деятельности государства, характер общественных отношений, их воспроизводство и сохранение, специфику национального менталитета, осуществление назревших и необходимых социальных преобразований. В его многочисленных публикациях рассматриваются и, как правило, подвергаются критике идейно-теоретические установки, реализуемые в ходе политической борьбы теми или иными партиями и движениями, ставящими своей целью утверждение определённых форм общественного устройства. Не обходит своим вниманием Достоевский положение классов и сословий, представленных в структуре российского общества середины и второй половины XIX в. При этом социально-политические воззрения Достоевского и провозглашаемые им идеалы под воздействием тех или иных событий, имевших место в общественной или личной жизни, подвергались коррекции,

пересмотру, нередко весьма существенному, предполагающему в ряде случаев даже отказ от постулируемых ранее положений или сохранение их в «снятом» виде с наполнением элементами нового содержания, что было выражением консервативной направленности идейной эволюции писателя.

Как мыслитель, исследующий устройство современного ему общества, проявляющий интерес к вопросам социально-политического звучания, Достоевский заявляет о себе ещё в своих ранних произведениях, относящихся к художественной литературе, однако в полной мере внимание к политике в целом, событиям, явлениям, процессам, составляющим её содержание, идеологиям, получившим распространение как в России, так и за рубежом, имевшим немалое число приверженцев, а также поиск и обоснование оптимальных для русского народа форм социально-государственного устройства, находят выражение в его публицистике, в первую очередь, в статьях, выходящих в свет с 1873 г. под общей рубрикой «Дневник писателя».

Достоевский и идеи утопического социализма

Как известно, в начале своего творческого пути Достоевский – выходец из среды небогатого дворянства – был увлечён

идеями утопического социализма, содержащего проекты нового справедливого общественно-политического устройства, свободного от эксплуатации и неравенства. Найдя единомышленников среди последователей учения французского социалиста-утописта Ш. Фурье, составлявших окружение одного из российских фурьеристов М. В. Петрашевского, он в скором времени вступает в общение с А. И. Герценом и В. Г. Белинским, чьи воззрения также оказали на него заметное влияние. Как отмечает С. С. Суровцев, ранний Достоевский считал, что «социальную напряжённость в обществе можно уменьшить посредством пропаганды и внедрения в общественное сознание утопических идей социализма с элементами христианства» [12, с. 49]. В целом же в этот период его духовного развития Достоевскому «была близка идея обмирщения христианства и личности Христа» [12, с. 50].

Будучи арестованным и привлечённым к суду за распространение «вредных мыслей» и «пагубных учений», что было особенно недопустимо с точки зрения действующей власти в условиях набравших силу в Европе революционных выступлений, вместе с другими петрашевцами Достоевский приговаривается к смертной казни, заменённой пребыванием на каторге с последующим несением на протяжении нескольких лет солдатской службы. По словам А. А. Горелова, на каторге Достоевский впервые столкнулся с простым народом и ужаснулся пропасти между ним и образованными классами, живущими своей «особенной и самостоятельной жизнью» [5, с. 52], увидев причину произошедшего в реформах Петра I. Пройдя все выпавшие на его долю испытания, Достоевский заметным образом меняет свои политические воззрения, обнаруживая возрастающую склонность к идеологии консерватизма и учению Православной церкви, что находит отражение в его художественных произведениях и политической публицистике. Помимо этого в круг его друзей и знакомых

со временем стали входить религиозный философ В. С. Соловьев и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, один из вдохновителей контрреформ Александра III, а также некоторые великие князья из династии Романовых [6].

Говоря о причинах, вызвавших столь существенные изменения политических взглядов Достоевского, А. К. Голиков и А. А. Голубев подчеркивают, что последние в отрыве от духовных основ от философско-религиозной антропоцентрической концепции. Соответственно изначально у Достоевского идея социализма отражала неприятие учения о радикальном зле, о зле человеческой природы, что сочеталась с верой в разрешение проблем социально-политического бытия путём просветительства, перестройки форм общественной жизни в зависимости от совершенства сознательной деятельности человека. Впоследствии же Достоевский приходит к убеждению, что пути к человеческому счастью следует искать не во внешних преобразованиях общества, а во внутреннем совершенствовании личности [4]. Сам писатель суть перемен в своих убеждениях определял как возврат к народному корню, к познанию русской души и духа народного [12, с. 51].

В любом случае было бы упрощением расценивать произошедшее как проявление духовной слабости и конформизма. Скорее речь идёт о духовных исканиях, направленных на выявление новых форм организации социальной жизни и деятельности органов государственной власти, взаимоотношений между различными социальными группами, соответствующих как духу и традициям русского народа, так и задачам, решение которых станет условием, по убеждению Достоевского, дальнейшего развития страны в сочетании с сохранением ценностей русской цивилизации.

Представ в образе консерватора, Достоевский с охранительных позиций критикует сторонников радикального переустройства России. Обращаясь к идеям, в

прошлом определявшим содержание его собственных политических взглядов, он утверждает, что в их основе лежит ложное представление о благе народа и тех преобразованиях, которые должны быть осуществлены во имя достижения этой цели. Это же заблуждение, с точки зрения Достоевского, характерно для нового поколения молодых радикалов-народников, исповедующих идеологию социализма. Подобно другим консерваторам, Достоевский критиковал программы, теории, идеи, исходящие из постулата о возможности переустройства на основе предписания разума существующего общественного порядка, сложившихся форм государственного правления, альтернативой которым предстаёт некая нереализуемая утопия, видя в этом проявление ложной любви к народу, незнание реалий человеческого существования, пренебрежение сложившимися моральными нормами, оправдание целей и методов, противоречащих ценностям христианства.

Концепция почвенничества

Отвергая планы своих оппонентов, Достоевский упрекал их в склонности к пустому теоретизированию и доктринерству, призывая обрести «твёрдую почву», поясняя, что почва – это «есть то, за что все держатся и на чём всё держится и на чём всё укрепляется»¹, что составляет «народную правду», «народные начала» – верования, традиции, понятия, устремления и др. Эти положения, провозглашаемые Достоевским и его братом Михаилом в журнале «Время», непосредственно перекликались с теми, что высказывали представители литературного и философского течения, именуемого «почвенничеством», приверженцы которого во главе с А. А. Григорьевым тесно сотрудничали с журналом «Москвитин», где регулярно публиковались статьи, выдержанные в духе теории «офици-

альной народности». И хотя Достоевский и его единомышленники, как полагает В. Н. Захаров, себя «почвенниками» не называли, близость идейных позиций обеих сторон очевидна [8, с. 14]. А. К. Голиков и А. А. Голубев убеждены, «почвенничество» – любимая идея Достоевского: идея об известной нерасторжимой связи человека с «матерью-Землей, почвой на основе общинного землевладения». Эта мечта об общечеловеческом братстве, о возможностях на земле мировой гармонии, которая придёт на смену раздирающим общество противоречиям, наконец, в наступлении «золотого века», который он понимал как «перерождение человеческого общества в совершеннейшее», определяющее конечную историческую задачу [4]. Концепция почвенничества, по определению А. А. Горелова, была сформулирована Достоевским после того, как он осознал необходимость преодоления разрыва между интеллигенцией и народом, укоренение элиты в народе [5, с. 52], что приобретало особую актуальность в условиях, когда в правительственных кругах велась подготовка к проведению освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Почвенничество, по замечанию С. С. Суровцева, выступило как специфическая модификация идей славянофильства, попытка очертить контуры некоей «общей идеи», найти платформу, которая примирила бы западников и славянофилов, цивилизацию и народные начала [12, с. 54]. На идейную близость почвенников и славянофилов, выражающуюся в нравственной ориентации на крестьянство и приверженности идеи об исторической миссии русского народа по спасению человечества, указывает П. Л. Чуйков [15]. Ключевым положением почвенничества была идея о своеобразии, «своеисторичности» России, уникальности её цивилизационного развития, что связано с определяющим его «народным духом», «народным началом». Их наличие препятствует возникновению сословной

¹ Достоевский Ф. М. Статьи и заметки, 1862–1865 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1972–1980. С. 217.

вражды, предполагает решение всех социально-политических проблем «миром и согласием». Из этого посыла следует, что принадлежность к русскому народу – первична, а сословная принадлежность – вторична. Как замечает Достоевский, «Цивилизация не развила у нас сословий: напротив, замечательно стремится к сглажению и к соединению их воедино»¹.

Мечтая перестроить организацию социальной жизни на новых основаниях, сделать невозможным утверждение в России порядков, получивших распространение в Западной Европе, связанных с войнами, революциями, социальной враждой, духовной деградацией, Достоевский призывает образованные классы обратиться к народным началам: «Наша новая Русь поняла, что один только есть цемент, одна связь, одна почва, на которой всё сойдётся и примирится, – это всеобщее духовное примирение, начало которому лежит в образовании»². Будучи убеждённым в уникальности цивилизационного развития России, Достоевский также утверждает, что ни вражды сословий, ни наличие победителей и побеждённых, подобно тому, как это имело место в Европе, не должно быть и не будет в России. Эта позиция во многом определялась сравнением событий в странах Европы с конца XVIII в., где имели место революции, многочисленные войны, выступление пролетариата, и России, где ситуация, если не считать выступления декабристов, была спокойная.

Вместе с тем как писатель-реалист Достоевский не мог не замечать тяжёлого положения, бедности, бесправия народа, не видеть, сколь расколото общество, как далеко отстоят друг от друга его верхи и низы, о чём свидетельствует содержание таких его произведений, как «Записки из

мертвого дома» и «Униженные и оскорбленные». В них Достоевский поднимает, по словам Л. Г. Сухотиной, главную проблему своей жизни: как помочь человеку, который не свободен в выборе условий своего существования» [13, с. 64]. Здесь Достоевский-писатель противоречит Достоевскому-идеологу. (Вопрос о том, насколько это противоречие очевидно, выступает предметом дискуссии среди исследователей творческого наследия писателя [2, с. 129]). Стремясь разрешить упомянутую коллизию, Достоевский поднимает вопрос о необходимости «облегчить общественное положение нашего мужика уничтожением сословных перегородок, которые заграждают для него доступ во многие места»³. Выдвигая подобное требование, безусловно, имеющее демократическое звучание, он, в отличие от многих представителей «образованного общества», как либералов, так и консерваторов, заявлявших о всесословности, хотя и предполагая сохранение в той или иной форме приоритеты дворянства, отстаивал принцип всенародного равенства. Здесь обнаруживается ещё один аспект политического мировоззрения Достоевского, его стремление критически оценить содержание идейных установок двух влиятельных общественно-политических течений – славянофилов и западников, поскольку первые со всей очевидностью тяготели к консерваторам, а вторые – к либералам.

Так, обращаясь к воззрениям славянофилов, и более того – признавая, что их идеалы близки и ему, Достоевский обнаруживает в этих взглядах дефицит политического реализма и отсутствие движения мысли. По словам Достоевского, у него со славянофилами имеются «крошечные разногласия»⁴, касающиеся иде-

¹ Достоевский Ф. М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 19. Л.: Наука, 1972–1980. С. 19.

² Достоевский Ф. М. Письмо к М. Н. Каткову 25 апреля 1866 года // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1972–1980. С. 154.

³ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого) / Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 20. Л.: Наука, 1972–1980. С. 18.

⁴ Достоевский Ф. М. Письмо к Каткову 25 апреля 1866 года // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1972–1980.

ализации ими исторического прошлого России и культурного изоляционизма, преодоленного в результате Петровских реформ, благодаря чему «мы само собою сознали всемирное значение наше»¹. В политической позиции славянофилов он не видит устойчивой связи с жизнью и почвой, что позволяет ему сделать вывод о необходимости соединить их идеалы с реализмом западников, ценностные установки которых были связаны с признанием необходимости динамичного развития существующей цивилизации, используя достижения науки. Видя необходимость «в примирении идей западников и славянофилов», отмечает итальянская исследовательница творчества Достоевского А. Кавацца, «Достоевский создаёт культурную программу журнала "Время", ставшую предпосылкой для идейного движения, которое получило впоследствии название "почвенничество"» [9, с. 126]. Подобно славянофилам, Достоевский отмечает подражательность и принудительный характер Петровских реформ, однако не отрицает их разумность и целесообразность, поскольку они способствовали экономическому и политическому подъёму российского государства, расширив его возможности в защите своих исконных интересов. Как писал Достоевский, в результате реформ был расширен наш кругозор, «мы осмыслили будущее значение наше в великой семье всех народов», смогли отрешиться от собственной почвы, «чтоб трезвее и беспристрастнее взглянуть на себя».

Русская идея и модель цивилизационного развития России

В процессе формирования концепции «почвенничества» Достоевский обращается к вопросу о сущности русской идеи, о которой в своё время упоминал В. Г. Белинский, предстающей в виде некой суб-

С. 154.

¹ Достоевский Ф. М. Записные тетради 1875–1876 годов // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1972–1980. С. 183.

станции, в которой заключается история народа и его различия от других народов². Согласно же определению Достоевского, русская идея «может быть будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях <...>»³. Не ставя под сомнение отрицательные явления, присущие повседневной русской народной жизни, писатель придерживается позиции, что было бы неверно навязывать народу те или иные формы поведения, образ жизни или научные знания, поскольку он сам должен осознать потребность в просвещении. Попытки же общественных деятелей из числа поклонников социализма воздействовать на народное сознание Достоевский воспринимал как неоправданное посягательство на устои народной жизни, игнорирование воли самого народа. Отмечая невежество, грубость отсталость простых людей, он видит и их высокие душевные качества, устремлённость к идеалу, а потому призывает судить «русский народ не по тем мерзостям, который он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он в мерзости своей постоянно вздыхает»⁴.

Важнейшим условием сохранения Россией своеобразия исторического развития, цивилизационной специфики, народной правды, по убеждению Достоевского, выступает крестьянская община, присущие ей образ жизни, дающие преимущества перед народами, населяющими Европу, поскольку тем самым возводится преграда, препятствующая установлению деспотизма капитала. Общинный быт, общинное землевладение,

² Белинский В. Г. Россия до Петра Великого // Русская идея: онтология / сост. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 73–90.

³ Достоевский Ф. М. «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год» // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 18. Л.: Наука, 1972–1980. С. 37.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1876 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1972–1980. С. 43.

как не раз подчёркивал писатель, определяют коллективные формы народного бытия. Подобная организация жизни народа является альтернативой той, что существует на Западе, где господствует эгоизм и скептицизм, нашедшие воплощение как в деятельности отдельных людей и государства, так и в нормах права. Для России, по Достоевскому, неприемлем капитализм, несущий разрушение сложившимся формам социальной жизни народа. На Западе «буржуазия сделала всё для того, чтобы погубить нравственность народа фабричным развратом, тупая ум пред пошлой машиной, которой молится буржуазия»¹.

Достоевский видит, что проводниками буржуазного влияния в России выступают поклонники либерализма. Он подвергает критике тех из них, кто заявляет, что неразвитость капиталистических отношений, промышленного производства требует капиталов, которые необходимо привлечь из-за рубежа. А это будет возможным, если предоставить иностранцам право скупать земельные участки в России, а также разрушить крестьянскую общину, превратив крестьянина в бесправного батрака, работающего из-за одного насущного хлеба. По словам Достоевского, «одна из характерных черт русского либерализма – это страшное презрение к народу», которому «ни за что в мире не простят желания быть самим собой», а все его черты осмеяны и преданы позору. Для либералов, заключает Достоевский, русский народ – косная масса, устроенная к платежу податей и к содержанию интеллигенции.

Как отмечает А. В. Лесевицкий, Достоевский негативно относится к неспособности русского либерализма выработать собственную политическую идеологию, что сочеталось со стремлением заимствовать идеи либерализма на Западе и

подкреплялось надеждами на помощь добрососедского Запада в обустройстве России. Это привело русский либерализм не только к разрыву с цивилизационной матрицей России и её историческими ценностями, но и с её народом [10].

Стремление же людей в западных странах, согласно точке зрения писателя, во всё больших объёмах реализовать свои сугубо материальные интересы, озабоченность вопросами личного благополучия делают невозможным утверждение в обществе социальной справедливости, порождает антагонизм между богатыми и бедными, обесценивает провозглашаемые лозунги о свободе, равенстве и братстве, «превращает человека, не имеющего миллиона, в того, кто не делает, что ему угодно, а в того, с кем делают что угодно»². Пребывание за границей, чтение публикаций, представленных в западной прессе, воспоминания о накопленном Россией историческом опыте общения с Западом приводят Достоевского к мысли о том, что европейские державы, забыв до поры существующие между ними противоречия, могут пойти войной на Россию, – в надежде поработить её или даже уничтожить. Предполагая нечто подобное, Достоевский обнаруживает характерные для него отношения к Европе, настаивает на том, что борьбе цивилизаций нужно противопоставить примирение, но не путём подчинения слабого сильному, а «на основании Христа»³. В своей знаменитой речи, посвящённой памяти А. С. Пушкина, он заявляет, что для настоящего русского Европа – удел всего великого арийского племени, так же дорога, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечём приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877. Январь–август // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25. Л.: Наука, 1972–1980. С. 96–98.

² Достоевский Ф. М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1972–1980. С. 78.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1876 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Л.: Наука, 1972–1980. С. 81.

к воссоединению людей¹. Однако до тех пор, пока это воссоединение не обретено, Достоевский, подобно другому известному консервативному мыслителю, близкому к славянофилам Н. Я. Данилевскому [1, с. 8], видит необходимость поддержки Россией борьбы славянских народов против турецкого ига, чему будет способствовать создание всеславянского союза. При этом он настаивает на необходимости деликатного и уважительного отношения к славянским народам. По словам Достоевского, изучать и помогать этим народам можно, но браться лезть не надо»². Эти слова были написаны Достоевским в 1868 г. в письме к А. Н. Майкову.

По прошествии времени оценки славянства, даваемые им небольшим славянским народам, меняются. В «Дневнике писателя» за ноябрь 1877 г., разочаровавшись после ряда событий на Балканах, имевших место в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в их добром отношении к России, Достоевский пишет, что у России не будет и никогда ещё не было таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена. Чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождение, как они «с упоением ринутся в Европу до потери личности своей, заразятся европейскими формами»³.

Эта позиция Достоевского была звучна видению славянского вопроса другим русским литератором – Ф. И. Тютчевым, который был убеждён, что славянские народы найдут своё спасение в союзе с Россией⁴.

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877. Сентябрь–декабрь; 1880. Август // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1972–1980.

² Достоевский Ф. М. Письмо к А. Н. Майкову // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1972–1980. С. 323.

³ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877. Сентябрь–декабрь; 1880. Август // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1972–1980. С. 78–80.

⁴ Тютчев Ф. И. Россия и Революция // Тютчев Ф. И.

Русский народ и кризис западной цивилизации

Согласно убеждению Достоевского, западноевропейская цивилизация всё больше погружается в состояние кризиса, приближаясь к собственному краху, что на протяжении долгого времени усугублялось влиянием католицизма и протестантизма, стремящихся утвердить своё господство в сфере политических отношений, ведущих друг с другом конкурентную борьбу.

Наиболее суровую оценку Достоевского получает деятельность римского католицизма, которое «продало Христа за земное владение», и «провозгласило Христа нового», «прельстившегося на царства земные»⁵, а отречение Европы от Христа привело к возрождению древней римской идеи о всемирном владычестве. Как пишет О. И. Сыромятников, уверенность Достоевского в неизбежности гибели старой Европы основывается на представлении о том, что она предала ему же порождённый высший нравственный идеал Христа [14, с. 81].

Развивая положения о сущности русской идеи, Достоевский её отличительную черту связывает со «всемирной отзывчивостью русского народа», с его способностью нести другим народам единение и братскую любовь, что определяется особенностями русского национального характера. Именно поэтому воспрепятствовать краху европейской цивилизации в состоянии лишь русский народ, «душа и гений» которого, по сравнению с другими народами, «наиболее способны вместить в себя идеи всечеловеческого единения».

Подобная всемирная отзывчивость русского народа, согласно позиции Достоевского, объясняется тем, что он не боится страданий, которые несут очи-

Полное собрание сочинений и писем: в 6 т. Т. 3. М.: Классика, 2000–2004. С. 157.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1876. Март // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. Л.: Наука, 1972–1980. С. 88.

щение, а это значит, открывается возможность для становления и развития человеческой личности. Осознание этого порождает в русском человеке даже потребность в страданиях, воспринимаемых как выражение Божьей воли. Эта особенность национального характера русского народа указывает на его способность сплотить вокруг себя все другие народы, объединить их братскими узами, утверждая на земле миропорядок, соответствующий Христовым заповедям.

Вселенское соединение людей для Достоевского – закономерное явление в жизни человечества. Примером тому может служить языческий Древний Рим, приложивший немало усилий, дабы силой оружия создать всемирную империю, а после его падения идеал вселенского человеческого единства предстал в форме единения во Христе, основанного не на силе оружия, а на нравственных религиозных нормах. В дальнейшем же, после раскола христианской церкви, восточная православная церковь сохранила приверженность ценностям раннего христианства, провозглашавшего духовное единение всех людей. А западная католическая церковь, говоря о единении человечества во имя обретения им счастья, стала использовать для достижения этой цели несовместимые с христианским учением средства, ведущие к порабощению человеческого духа.

Западный социализм

Отвергая восторжествовавший на Западе капитализм, недостойные формы поведения, порождённые духом буржуазности, как католическую, так и протестантскую церковь, Достоевский не признаёт и западный «политический» или «практический» социализм, который предстаёт в Европе как движение, выражающее интересы четвёртого сословия – пролетариата, мало что выигравшего от победы буржуазных революций, выступающего как класс, подвергаемый эксплуатации классом капиталистов, и

его борьба за своё освобождение ведёт к новым, уже пролетарским, революциям. Крайне скептически относясь к социалистическим учениям Запада, Достоевский не склонен видеть в пролетариате «могилищика капитализма», способного принести свободу всем людям, подвергающимся угнетению. С его точки зрения, пролетарии также поклоняются «золотому тельцу», мечтают накопить как можно больше денег, обзавестись как можно большим количеством вещей.

Революционные цели и средства, используемые в борьбе за власть, вызывают отвержение у Достоевского. За революционными потрясениями он видит попытку насильственными средствами навязать человечеству единение, но единение без Христа, что является прямым следствием порочной деятельности католической церкви, служители которой, поддавшись искушениям, стали на путь поддержки «политического» социализма, вооружив его самыми недостойными, деспотическими методами борьбы во имя своих политических амбиций. «Политический» социализм, будучи порождением католичества, обрекает людей на утрату свободы, пытается изменить мир человеческих отношений, обращаясь не к вопросам духовного, нравственного звучания, а к вопросам, касающимся перераспределения собственности, изменения характера социально-экономических основ жизни, труда и быта, однако, утверждает Достоевский, «лекари человечества» – социалисты ошибаются в своих расчётах, поскольку зло сокрыто не в устройстве общества, а в глубинах души человека, а потому суть «политического» социализма состоит «в желании повсеместного грабежа всех собственников классами немущих¹. При этом не решено, каким будет грядущее общество, «а решено лишь только, чтобы настоящее провалилось»².

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1873 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 21. Л.: Наука, 1972–1980. С. 130.

² Там же.

«Политический» социализм, согласно позиции Достоевского, неотделим от западноевропейской буржуазности, коренится в капиталистическом устройстве западной цивилизации, которая, позабыв идею свободы, вознесла Наполеона и Ротшильда, погрязла во лжи и грехах. По определению В. М. Давыдова и Н. С. Дубовицкой, Достоевский не видел различий между капитализмом и социализмом, воспринимаемый последний как «чисто механическое устройство общества, основанное на исключительной вере во всемогущество учреждений, которые должны разграничить борющиеся интересы и создать совершенное общество» [7, с. 285].

«Политический» социализм в российском же исполнении основывается на заимствованных на Западе идеях, чуждых России, нигилистическом учении о необходимости «встряхнуть всё»¹. Социализм и христианство для Достоевского как религиозного мыслителя несовместимы и определяются как антитезы.

Русский социализм и православие

Осуждая данный вариант социализма, ассоциировавшегося с именами анархиста М. М. Бакунина и нигилиста Нечаева, Достоевский понимал наличие проблем, серьёзным образом определяющих все сферы общественной жизни в России, отказ от решения которых чреват потрясениями политического характера. Их решения он связывает с русским социализмом. Русский социализм у Достоевского – это достижение такого нравственного состояния, когда все будут поступать по совести, когда нравственность будет одна и для государства, и для отдельного человека [7, с. 285]. В то же время в западных теориях социализма, отвергаемых писателем, присутствует «ложная идея» абсолютного равенства и братства, несущая жестокость и насилие

в случае реализации её со стороны носителей власти [7, с. 286].

Русский социализм в таком истолковании у Достоевского представляет собой религиозное, проникнутое духом христианского гуманизма учение. Этот образ в своём первозданном виде сохранился лишь в православии, а хранителем той истины, что открыл Христос человечеству, выступает русский народ, историческое призвание которого не может быть признано вне православия, наиболее полно характеризующего его сущность. Писатель подчеркивал, что русскому народу присуща жажда всеобщего всенародного всебратского единения, вера, что он спасётся в конце концов всесветным объединением во имя Христа. Это видение природы русского «социализма» совпадает по сути с определением «русской идеи», а также позволяет увидеть «связь русского социализма с концепцией Москвы как Третьего Рима [5, с. 59].

Задача же русского народа, несущего образ Христа в своём сердце, раскрыть этот образ европейским народам, в чём и заключается высокая историческая миссия, осуществление которой уберёжет Европу от грядущей катастрофы. Говоря о русском социализме, Достоевский рисует образ всенародной вселенской церкви. Под её водительством народы, признавшие истину христианства, обретут нравственное единение. Церковь, в подобном истолковании, предстаёт как неполитическое духовное сообщество, предназначение которого – стать формой социальной организации, альтернативной существующим, далёким от совершенства государству и обществу.

Размышляя об исторической миссии русского народа, Достоевский также ищет аргументы в пользу правильности своих выводов в истории России, одним из которых выступает положение об отмене крепостного права, произошедшее, в отличие от стран Запада, без бунтов, восстаний, крови, под главенством царя, с наделением народа землёй, что позво-

¹ Достоевский Ф. М. Письмо М. Н. Каткову, 25 апреля 1866 года // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Л.: Наука, 1972–1980. С. 154.

лило сохранить общину, а значит, и суть русской жизни. Однако позиция Достоевского по данному вопросу не столь однозначна. Если первоначально крестьянская реформа оценивалась им как чрезвычайно значимое событие в русской истории, когда «правительство наполовину засыпало ров между народом и образованными классами, и задачей общества становится ликвидировать его вторую половину с помощью образования и просвещения», то впоследствии он начинает склоняться к точке зрения, что земельная проблема не была решена надлежащим образом, поскольку крестьяне не были наделены землёй в должном объёме, что породило ряд проблем в пореформенные годы [5, с. 52].

Поднимая вопрос о лучшей форме правления в рамках рассуждения о русском социализме, Достоевский высказывает мысль о том, что мерилом оценки должно быть благо народа, которое он связывает с действиями государства, способными остановить воцарение капиталистических порядков, тем самым отстаивать народные идеалы о правде, добре, справедливости. Рассматривая монархию как выражение народного духа, воплощение в государственных формах представлений народа о правильной организации социальной жизни, Достоевский подчеркивает, что «царь для народа – не внешняя сила, а единящая сила, которую сам народ восхотел, которую выстрадал в сердцах своих»¹. В этом образе Достоевский видел патриархальную народную монархию, при которой царь выступает для своего народа как заботливый отец, пекущийся о благе своих чад.

Дабы существующие институты монархической власти в полной мере соответствовали обозначенному идеалу, Достоевский высказывается в пользу их частичного реформирования, взяв за

основу пожелания народа, выявленные путём проведения опросов, служащих выражением прямой демократии. По убеждению писателя, это позволит возвести заслон на пути распространения идей лжеевропеизма, радикального или либерального толка, обосновывающих необходимость принятия конституции и введения республиканско-парламентского правления.

Заключение

Подводя итоги сказанному, следует подчеркнуть, что в социально-политических воззрениях Достоевского нашли отражение сложные, подчас противоречивые явления, имевшие место в российском обществе середины и второй половины XIX в. Их содержание определялось нарастающим кризисом общества, сложившегося в эпоху феодализма и становлением отношений нового типа – буржуазных, сопровождаемых чередой социально-политических конфликтов, подчас носивших революционный характер, формированием новых жизненных реалий, которые определяли мировоззрение людей, установками, которыми они руководствовались в социальной практике. При этом динамика происходящих процессов, острота социально-политических коллизий предопределяла ломку изначальных мировоззренческих форм, моделей, принципов, стимулировали поиск тех, что позволят найти точку опоры в стремительно меняющемся социуме, а также изменить его в лучшую сторону за счёт воплощения представлений о социальной справедливости и гармонии.

Именно это стремление определяло направленность развития социально-политических воззрений Достоевского, характер его духовных исканий, стремление теоретически обосновать формы и принципы организации общественного устройства и деятельности государства, дабы они в максимальной степени выражали специфику народного духа, народных идеалов и религиозных верований.

¹ Достоевский Ф. М. Пусть первые скажут, а мы пока постоим в сторонке, единственно чтоб уму-разуму поучиться // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 27. Л.: Наука, 1972–1980. С. 21.

Воплощением этого становится концепция русского социализма, вобравшая в себя утопические мечтания о грядущем справедливом и совершенном устройстве жизни всего человечества, пришедшего к пониманию высокого смысла христианского учения. Данная концепция русского социализма предстаёт у Достоевского как альтернатива теориям западного происхождения – буржуазному либерализму и революционному социализму. При этом созданная теоретическая конструкция не была свободна от ряда черт, что усматривал писатель в критикуемых им теориях. Это обстоятельство предопределило то, что его взгляды подвергались критике. Консервативный философ К. Н. Леонтьев критиковал неоправданную идеализацию не только Запада, но прежде всего России, лишённых, по его убеждению, каких-либо оснований для мессианского предназначения¹. Помимо этого, по мысли Леонтьева, задача церкви состоит не в установлении всеобщей гармонии, а в том, чтобы внушать страх и смирение [13].

Религиозные теоретики дня сегодняшнего утверждают, что на Достоевского влияла квазихристианская философия «всеединства» или спиритуалистического монизма, императивы которого влекут религиозную мысль к утопии «православного социализма», подчеркивая, что писатель со временем отнюдь не преодолел убеждения «петрашевского периода», а перенёс идеи западного богословского романтизма на русскую почву [3].

С точки зрения советского исследователя В. Ф. Переверзева, «сердце Достоевского не принадлежит ни своеволию, ни смирению, ни Западу, ни России, он публичный двойник, одновременно западник и славянофил, весь сотканный из противоречий» [11]. А современный исследователь творчества Достоевского

А. В. Лесевицкий, обобщая выводы своих коллег по данному вопросу, замечает, что «на одной странице мыслитель с жаром и аргументами отстаивает какой-либо тезис, а несколько ниже может с таким же напором опровергать ранее высказанные мысли» [10].

Вместе с тем, отмечая, что социально-политические воззрения Достоевского не свободны от влияния идей утопического, провиденциалистского и мессианского характера, как и стремление в ряде случаев преподнести существующее положение дел в лучшем свете, чем оно являлось в действительности, не следует забывать, что в основе его мировоззрения, консервативного по содержанию, лежит желание усовершенствовать в России общественно-политический строй, освободить непривилегированные слои от тягот, сохранившихся пережитков феодализма, найти форму организации социально-политической жизни, позволяющей народу раскрыть свои духовные возможности, а стране – своё историческое предназначение, объединить человечество на основе братской любви и высоких моральных принципов.

Исходя из этого, можно утверждать, что среди русских мыслителей Достоевский одним из первых стал развивать идеи социального консерватизма, получивших достаточно широкое распространение в наши дни [16]. Помимо этого, политическая аналитика Достоевского даёт ключ к пониманию процессов и явлений, определяющих направленность развития современного мира, позволяет увидеть глубинные основания тех отношений, которые сложились между странами Запада и России, России и рядом государств, возникших в результате распада социалистического содружества, даёт возможность глубже понять содержание идеологических конструкций, даже если они считаются порождением эпохи постмодерна.

¹ Леонтьев К. Н. Наши новые христиане: Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой (По поводу речи Достоевского на празднике Пушкина и повести гр. Толстого «Чем люди живы?»). М., 1882. 68 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амелина Е. М. Русские мыслители о славянском единстве // Соловьевские исследования. 2016. Вып. 1 (49). С. 6–17.
2. Борисова В. В. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского в фокусе современных интерпретаций // Идеи и идеалы. 2016. № 2 (28). Т. 1. С. 127–137.
3. Буздалов А. В. Доктрина «русского социализма» Ф. М. Достоевского / Буздалов А. В. Парадоксы и мифы «православного социализма». М., 2019. С. 49–71.
4. Голиков А. К., Голубев А. В. Духовные основы социально-политических воззрений Достоевского (К 180-летию со дня рождения писателя) // Клио. 2000. № 2 (11). С. 90–99.
5. Горелов А. А. Ф. М. Достоевский: русская идея и русский социализм // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 1. С. 50–66.
6. Гроссман Л. Достоевский-реакционер. М.: Common-piace, 2015. 140 с.
7. Давыдов В. М., Дубовицкая Н. С. Формирование понятия «политический идеал» в творчестве Ф. М. Достоевского // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2014. № 20. С. 284–290.
8. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: Метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 14–24.
9. Кавацца А. Ф. М. Достоевский и А. С. Хомяков: сравнение на расстоянии // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 4. С. 123–148.
10. Лесевичкий А. В. Ф. М. Достоевский как критик метафизики русского либерализма [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. 2013. № 11 (23). URL: <https://politika.snauka.ru/2013/11/1013> (дата обращения: 05.05.2021).
11. Переверзев В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель, 1982. 511 с.
12. Суровцев С. С. Развитие и становление философских взглядов Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного технического университета. 2008. Т. 11 № 1. С. 49–54.
13. Сухотина Л. Г. Достоевский в общественной мысли России второй половины XIX – начала XX века // Вестник Томского государственного университета. 2003. № 277. С. 64–72.
14. Сыромятников О. И. Историософия Ф. М. Достоевского // Вестник Вятского университета. 2009. № 3. С. 80–83.
15. Чуйков П. Л. Проблема «Россия и Запад» в историософской публицистике Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, редактора журнала «Время» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 3 (30). С. 94–104.
16. Щипков А. В. Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе: дис. ... док. полит. наук. М., 2016. 418 с.

REFERENCES

1. Amelina E. M. [Russian thinkers on Slavic unity]. In: *Solovevskie issledovaniya* [Solovyevsky research], 2016, iss. 1 (49), pp. 6–17.
2. Borisova V. V. [«The Writer's Diary» by F. M. Dostoevsky in the focus of modern interpretations]. In: *Idei i ideally* [Ideas and Ideals], 2016, no. 2 (28), vol. 1, pp. 127–137.
3. Buzdalov A. V. [The doctrine of «Russian socialism» by F. M. Dostoevsky]. In: Buzdalov A. V. *Paradoksy i mify «pravoslavnogo sotsializma»* [Paradoxes and myths of «Orthodox socialism»]. Moscow, 2019. P. 49–71
4. Golikov A. K., Golubev A. V. [Spiritual Foundations of Dostoevsky]. In: *Klio* [Klio], 2000, no. 2 (11), pp. 90–99.
5. Gorelov A. A. [F. M. Dostoevsky: the Russian idea and Russian socialism]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability], 2017, no. 1, pp. 50–66.
6. Grossman L. *Dostoevskii-reaktsioner* [Dostoevsky the reactionary]. Moscow, Common-piace Publ., 2015. 140 p.
7. Davydov V. M., Dubovitskaya N. S. [Formation of the concept of «political ideal» in the works of F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Universiteta (Gosudarstvennyi universitet upravleniya)* [University Bulletin (State University of Management)], 2014, no. 20, pp. 284–290.

8. Zakharov V. N. [Soilism in Russian Literature: Metaphor as an Ideologeme]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2012, no. 10, pp. 14–24.
9. Kavatsa A. [F. M. Dostoevsky and A. S. Khomyakov: Comparison at a Distance]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of historical poetics], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 123–148.
10. Lesevitsky A. V. [F. M. Dostoevsky as a critic of the metaphysics of Russian liberalism]. In: *Politika, gosudarstvo i pravo* [Politics, State and Law.], 2013, no. 11 (23). Available at: <https://politika.snauka.ru/2013/11/1013> (accessed: 05.05.2021).
11. Pereverzev V. F. *Gogol. Dostoevskii. Issledovaniya* [Gogol. Dostoevsky. Research]. Moscow, Sovetskii pisatel Publ., 1982. 511 p.
12. Surovtsev S. S. [The development and formation of the philosophical views of F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik MGTU* [Bulletin of Moscow State Technical University], 2008, vol. 11, no. 1, pp. 49–54.
13. Sukhotina L. G. [Dostoevsky in the social thought of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2003, no. 277, pp. 64–72.
14. Syromyatnikov O. I. [Historiosophy of F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Vyatskogo universiteta* [Bulletin of Vyatka University], 2009, no. 3, pp. 80–83.
15. Chuikov P. L. [The problem of "Russia and the West" in the historiosophical journalism of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky, editor of the magazine «Time»]. In: *Aktualnye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki* [Topical issues of modern philology and journalism], 2018, no. 3 (30), pp. 94–104.
16. Shchipkov A. V. Liberalizm i sotsial-konservatizm v sovremennom ideologicheskom diskurse: dis. ... dok. polit. nauk [Liberalism and social conservatism in modern ideological discourse: D. thesis in Political sciences]. Moscow, 2016. 418 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вититнев Сергей Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: svititnev@yandex.ru

Шмелева Анна Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка и литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: lug-anna@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey F. Vititnev – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Political Science and Law, Moscow Region State University;
e-mail: svititnev@yandex.ru

Anna V. Shmeleva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature, Moscow Region State University;
e-mail: lug-anna@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вититнев С. Ф., Шмелева А. В. Эволюция и идейные особенности социально-политических воззрений Ф. М. Достоевского // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 45–58.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-45-58

FOR CITATION

Vititnev S. F., Shmeleva A. V. The evolution and ideological peculiarities of F. M. Dostoevsky's sociopolitical beliefs. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 45–58.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-45-58

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-59-69

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И XXI ВЕК: ОБРАЗЫ И ПРОРОЧЕСТВА В ФОКУСЕ АКТУАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Куренкова Е. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. Российская Федерация

Аннотация

Цель. Построить концептуальную модель соотношения историософских идей Ф. М. Достоевского с новейшими тенденциями исторического процесса.

Процедура и методы. На основе содержательного и исторического подходов с использованием историко-генетического, идеографического и историко-системного методов осуществлены анализ совокупности историософских идей Достоевского в их приложении к актуальным процессам и вызовам первой четверти XXI столетия.

Результаты. Проанализированы важнейшие произведения Достоевского, выявлен комплекс историософских идей и пророчеств, установлена их связь с современностью и значимость для понимания исторического процесса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы в качестве теоретической базы для дальнейших исследований проблем русской философии истории, а также в учебных курсах по истории России, русской культуры и общественной мысли.

Ключевые слова: творчество Достоевского, интеллектуальная история, философия истории, общественная мысль, русская цивилизация

F.M. DOSTOEVSKY AND THE 21ST CENTURY: IMAGES AND PROPHECIES IN THE LIGHT OF THE RELEVANT CHALLENGES OF OUR TIME

E. Kurenkova

Moscow Region State University

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To develop a conceptual model of the correlation between F. M. Dostoevsky's historiosophical ideas with the latest trends in the historical process.

Methodology. The study of Dostoyevsky's system of historiosophical ideas and their application to the relevant processes and challenges of the first quarter of the 21st century was conducted on the basis of content and historical approaches. Additionally, historical-genetic, ideographic and historical-systematic methods were used.

Results. The analysis of F.M. Dostoyevsky's most important works enabled the author to reveal a system of his historiosophical ideas and prophecies. Their connection with modernity and significance for understanding the historical process was established.

Research implications. The results of the study can be used as a theoretical basis for further research on the issues of the Russian philosophy of history as well as in teaching courses on the history of Russia, Russian culture and Russian social thought.

Keywords: Dostoevsky's creative work, intellectual history, philosophy of history, social thought, Russian civilisation

*Христианство Достоевского принадле-
жит будущему тысячелетию...
(Освальд Шпенглер)*

Введение

В текущем году исполняется 200 лет со дня рождения одного из национальных гениев русского народа – писателя и философа Фёдора Михайловича Достоевского. Однако, в полном соответствии с мыслями самого юбиляра, значение его творчества изначально и навсегда было шире каких бы то ни было племенных рамок, пространственных и временных ограничений. Своим творчеством и самой жизнью Достоевский подтвердил собственные знаменитые слова, сказанные им менее чем за год до окончания своего земного пути: «...Что такое сила духа русской народности как не стремление её в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?.. Наш удел есть всемирность, и не мечом приобретённая, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей»¹.

Творческое наследие Достоевского служит источником вдохновения не для одного поколения исследователей как в рамках ареала русской науки и культуры, так и далеко за её пределами. Сам факт обращения к различным граням идей и образов Достоевского в Европе, Азии и Америке с конца позапрошлого века и до настоящего времени позволяет без опасности гиперболизации говорить о всемирности, всечеловечности личности и творчества этого писателя. О неослабевающем международном/всемирном интересе к идеям и образам Достоевского свидетельствует состоявшийся 3 ноября 2020 г. международный круглый стол «Мир Фёдора Достоевского». Модератор дискуссии Надежда Георгиевна Михновец совершенно точно заметила: «Представители разных стран и культур ищут

своего Достоевского и ищут свои ответы на свои вопросы. Гений Достоевского таков, что поставленные им вопросы актуальны по сегодняшний день. Он не столько стремится дать многомерный ответ на эти вопросы. Дело не в этом. Важнее поставить вопрос. И Достоевский эти проблемные вопросы поставил и предложил определённый историко-культурный контекст для их решения. Но решают эти вопросы люди разных культур и вероисповеданий. В актуальности и парадоксальности поставленных вопросов кроется та глубина знаний Достоевским человека и мира, которая влечёт современного читателя и зрителя»².

На протяжении последних двух десятилетий появился целый ряд интересных и глубоких работ, посвящённых не только литературоведческим, но и философско-историческим аспектам автора «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Укажем лишь наиболее значимые, с позиций своей темы, последние публикации в отечественном гуманитарном дискурсе. В частности, О. В. Сыромятников в своей статье с ёмким названием «Историософия Ф. М. Достоевского» рассматривает взгляды Достоевского на проблему исторических путей России [10]. Эсхатологическим взглядам Достоевского посвящена работа Р. И. Крысина [5]. Философские вопросы позднего периода литературного творчества Достоевского осмыслены в статье О. В. Капец и Н. М. Шишковой, в центре научного внимания которых стоит роман «Братья Карамазовы» [4]. О сложностях взаимоотношений России с западными славянами и сомнительности в этой связи панславистских увлечений русского общества и даже части русской политической элиты пишет Е. Г. Новикова, опираясь на материалы из «Дневника писателя» за 1877–1878 гг. [8]. А работы П. В. Алексеева и А. А. Алексеевой [1; 2]

¹ Достоевский Ф. М. Пушкин // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 26. Л.: Наука, 1984. С. 146–147.

² Виноградов С. Во всех странах ищут своего Достоевского // Русский мир: [сайт]. URL: <https://russkiymir.ru/publications/279831/> (дата обращения: 26.05.2021).

посвящены анализу взглядов Достоевского.

Как видно даже из этого краткого и далеко не полного перечня философско-исторические взгляды Достоевского, подобно прочим аспектам его богатейшего творческого наследия, не утрачивают своей актуальности в глазах гуманитарных исследователей нескольких смежных специальностей: философов, историков, филологов. Что, в свою очередь, наводит нас на мысль об априорной универсальности вопросов, которые затрагивает и решение которых предлагает Ф. М. Достоевский. Потому и адекватное их исследование, правильное понимание возможно только при междисциплинарном подходе.

Изучение данных работ даже в первом приближении позволяет констатировать два взаимосвязанных вывода принципиальной значимости: во-первых, существует и интенсивно возрастает глубокое и обширное интеллектуальное пространство вокруг изучения творчества Достоевского по историческому, философскому, филологическому направлениям; во-вторых, постоянное обновление научного знания и международного общественного интереса к идеям Достоевского говорит не только об их непреходящей актуальности, но и о неисчерпаемости дискурса. Следовательно, настоящее исследование не просто вписывается в востребованный академический тренд, но и может претендовать на необходимую степень новизны, оригинальности в рамках изучения вопроса о релевантности идей Достоевского современным проблемам и вызовам – как в России, так и во всём мире.

Так что цель настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: построение концептуальной модели соотношения историософских идей Ф. М. Достоевского с новейшими тенденциями исторического процесса.

В соответствии с целью определяются задачи исследования:

1. Анализ важнейших произведений Ф. М. Достоевского на предмет выявления в них историософских и провиденциалистских идей и образов;

2. Сублимация и структурирование наиболее значимых идей философско-исторического характера;

3. Соотнесение выделенного комплекса историософских идей с актуальными вызовами современности для России и мира;

4. Определение степени соответствия историософских идей и пророчеств Достоевского проблематике перспектив развития Русской цивилизации и мира в XXI в.

Проблематизация философии истории в позднем периоде творчества Ф. М. Достоевского

Колоссальный объём литературного наследия Достоевского делает принципиально невозможным анализ всех его произведений в рамках журнальной статьи. Это утверждение является аксиомой. Следовательно, необходимо сосредоточить фокус исследовательского внимания на тех текстах, в которых самобытная и глубокая историософия Ф. М. Достоевского получила максимальную полноту и яркость выражения.

Всё искомое можно отыскать в романах зрелого и позднего периодов творчества Достоевского и некоторых текстах публицистического жанра, когда мировоззрение и система оценок прошлого, настоящего и даже будущего вполне кристаллизовались и властно требовали от писателя их внятной артикуляции на страницах своих произведений. Потому для решения поставленных задач мы будем использовать романы т. н. «Великого пятикнижия» и некоторые тексты философско-публицистического характера из «Дневника писателя».

В табл. 1 в диахронической последовательности представлены произведения Достоевского в синхронической соотнесённости с происходившими историческими событиями:

Таблица 1 / Table 1

Произведения Достоевского в историческом контексте / Dostoevsky's work in a historical context

Произведение	Годы создания	Событийно-исторический фон
Преступление и наказание	1865–1866	Реализация крестьянской, земской и судебной реформ; активизация общественной деятельности; революционный кружок Ишутина; покушение Каракозова на Александра II; объединение Германии «железом и кровью»; борьба за объединение Италии
Идиот	1868–1869	Присоединение к России Бухарского эмирата; образование революционного кружка «чайковцев»; развитие и распространение народнических идей; первая публикация труда Данилевского «Россия и Европа»; «Дело Нечаева»
Бесы	1870–1872	Резонанс «Дела Нечаева»; реформа городского самоуправления; реформа образования; завершение объединения Германии; завершение объединения Италии; отказ России от статей Парижского трактата; Хивинский поход; ужесточение мер борьбы с революционным движением
Подросток	1875	Военная реформа; «Хождение в народ»; противоречия с Германией; активизация политики России на Балканах; бурное строительство железных дорог; развитие промышленности и рост городского населения; студенческие волнения; рабочие забастовки
Братья Карамазовы	1878–1880	Русско-турецкая война; присоединение Средней Азии; усиление революционного движения; серия покушений на Александра II;
Дневник писателя	1876–1881	убийство генерала Мезенцова; покушение на Трепова; деятельность Лорис-Меликова; брожение в русском обществе; усиление атеизма и религиозного индифферентизма в русском образованном обществе; ухудшение условий жизни русского крестьянства

Источник: данные автора.

Все произведения позднего периода творчества Достоевского создавались на фоне быстрых модернизационных изменений российского общества, жизненного уклада миллионов людей, тектонических сдвигов в массовом сознании. Одной из самых значительных тенденций внутрен-

него развития России было неуклонное усиление общественного и, в частности, революционного движений. Этому, как известно, не могли помешать никакие карательно-репрессивные меры правительства. Самодержавная власть не просто теряла политико-правовой контроль над

значительной частью русского общества. Одновременно в глазах большинства образованного общества самодержавие утратило ореол неприкосновенности и чем дальше, тем больше переставало быть единственно возможной формой организации государственной власти в глазах людей. В то же время Россия продолжала претендовать на сохранение статуса великой державы и проводила достаточно активную внешнюю политику. В самом же обществе, пусть формально оставшемся сословным, набирали силу эгалитарные и демократические тенденции. Одновременно усиливалась как горизонтальная (перемещения в пространстве), так и вертикальная (смена социальных ролей и статусов) мобильность.

Все эти процессы по отдельности и, тем более, вместе не могли не оказывать воздействия на русское общество, на общественную мысль и, разумеется, на столь чуткого к социальным и духовным сдвигам человека, каким являлся Фёдор Михайлович Достоевский. Не будет преувеличением сказать, что те вопросы, которые он затрагивал в своих романах, над которыми в спорах с самими собой и друг с другом так или иначе бились его герои, являлись отражением реальных общественных настроений, которые наблюдал литератор, выделяя из оных главное, чтобы затем, ограничив художественными образами и доведя *ad ultima limes*, явить их русскому обществу как нелицемерное зеркало самого себя, побудив людей задуматься не только над большими вопросами современности, но и о нравственной цене радикальных общественных перемен.

В основе историософской методологии Достоевского лежат несколько фундаментальных принципов:

1. *Теоцентризм*, под которым подразумевается помещение Бога в православном понимании в центр бытия мира, отдельного человека и всего человечества. Примечательно, что данный принцип репрезентован у Достоевского преимущественно апофатически, т. е. через по-

каз тех катастрофических последствий, которые неизбежно наступают в случае отрицания Христа в человеческой жизни и в истории. Знаменитый отрицательный афоризм, выводимый из рассуждений Ивана Карамазова «Если Бога нет – всё позволено» – наиболее ёмкое выражение значимости Бога как живого сверхразумного абсолютного начала в жизни человека и истории всего человечества: «... Разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о Боге, вот с чего надо приниматься за дело!.. Для Бога не существует закона! Где станет Бог, там уж место Божие! Где стану я, там сейчас же будет первое место... Всё дозволено и шабаш!»¹

2. Из теоцентризма вытекает с логической необходимостью *пневматологизм*, т. е. безусловный примат духовного начала над материальным в истории;

3. Дуализм – духовная сфера не безлика и монолитна, не абстрактно-благостна, как это принято утверждать в рамках современной либерально-экуменической философии. Духовность имеет свои полюса добра и зла: «*Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, и определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Иной высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы... Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота?.. Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»².*

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 15. Л.: Наука, 1976. С. 83–84.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 100.

4. *Иерархизм*: восприятие Достоевским истории имеет свою универсальную иерархию: Христос–человек–Россия–славянство–человечество [9]. Иными словами, философия истории Достоевского обладает интенцией в духе неоплатонизма, что, в свою очередь, отсылает нас к традициям православной патристики. Убедиться в этом легко – достаточно сопоставить тексты Достоевского с квинт-эссенцией и интерпретацией русской средневековой философии в современных исследованиях [3, с. 163–214]. Историсофия писателя может быть квалифицирована как непосредственное применение Нового Завета и святоотеческих текстов к вопросам человеческого бытия и всему ходу мировой истории.

На основе выделенных принципов Достоевский осуществляет проблематизацию исторического развития человечества. При этом проблемам придаётся не субъективно-преходящий, но объективный, транс-темпоральный и метафизический статус. Мало того, они наделяются абсолютной и первостепенной значимостью для судьбы человека, России, славянства и всего человечества. Если выделять в исторических штудиях уровни знания, понимания и чувства, то Достоевский апеллирует именно и сразу к последнему уровню, подчиняя ему первые два! Чувствовать себя значимой частицей истории, переживать своё бытие в историческом процессе как значимого, разумно-волевого и деятельного элемента, от нравственного выбора которого зависят судьбы мира – именно такова историософская рефлексия писателя, который наделяет ею всех своих героев: либо в положительно-созидательной, либо в отрицательно-разрушительной модальности.

К числу основных проблем в истории, опираясь на тексты самого Достоевского, можно отнести следующие:

– осмысление истории как извечного поля битвы Бога и дьявола за человека, за его окончательный этический и эстетический выбор (которые неразрывно связаны);

– непрестанно актуализируемая угроза возвеличения обезбоженной и безнравственной власти, соблазняющей людей посулами земного благоденствия и покоя в состоянии сытого гедонистического рабства;

– неизбежность саморазрушения человека, противопоставившего себя Христу, отвернувшегося от Бога;

– гибельность социального реформаторства/революций без любви во Христе. В этом случае рациональная и абстрактная «любовь к человечеству» оборачивается практической ненавистью к каждому конкретному человеку;

– всемирную спасительную миссию России, призванной нести свет Христовой Истины в утрачивающем нравственные ориентиры мире [7];

– обезбоженный Запад как коллективный враг России;

– необходимость славянского объединения для спасения как славянства, так и всего мира. При этом – ненадёжность славянских «братушек» в их нынешнем состоянии увлечённости европейско-либеральным прогрессизмом.

Выявление историософских идей в поздних произведениях Достоевского с властной очевидностью подталкивает нас к мысли о том, что, будучи должным образом проанализированы и поняты, эти идеи предстают перед нашими умственными взорами в качестве своеобразной системной целостности, которая логически вытекает из взглядов и убеждений самого Достоевского. Иными словами, мы имеем дело с историософским космо-сом Достоевского, который вышел из-под влияния какой-то одной исторической эпохи, но давно и окончательно принадлежит Вечности. Между образами, идеями и пророчествами, которые высказаны Достоевским по разным поводам в различных своих произведениях, можно с полным на то основанием увидеть постоянную перекличку, определить характер связей и, таким образом, не столько построить, сколько увидеть философско-

историческую систему, где каждый ранее выявленный компонент занимает своё естественное место. Одним из ключевых историософских вопросов, проходящих через всё творчество Достоевского, является вопрос о возможности достижения всеобщего счастья и гармонии в хронотопе земной истории человечества, в границах материального мира. Данная проблема делится на три части: понимание социальной гармонии, социальные же средства и способы её достижения и, наконец, вероятная общественная цена такого рода попыток.

Актуальность историософских идей Достоевского в современном мире

Выше было указано на транс-темпоральность ключевых проблем и идей Достоевского как их фундаментальную пропозицию. Тот факт, что историософские идеи Достоевского неподвластны времени (в силу своей Христо-центричности), это выводит их за пределы литературоведческого факта в плоскость Вечности. То есть фактически делает их пророчеством. Именно в таком качестве взгляды Ф. М. Достоевского на историю, роль и место России в историческом времени приобретают смысл и особое звучание. Однако истинность любого пророчества проверяется *a posteriori*, т. е. когда событие, о котором говорил пророк/претендующий на роль пророка, уже осуществилось. В противном случае тот, кто провозглашает себя в качестве провозвестника высших и вечных истин, либо тот, кому такие функции приписываются людьми, в конечном итоге разоблачит себя как шарлатана, лжепророка. В этом смысле мы наблюдаем гносеологический парадокс: такие, казалось бы, антиподы Достоевского, как Маркс и Ленин, подчёркивали, что «практика есть критерий истины»¹. Они стояли при этом на рациональных и атеистических пози-

циях. Пророчества же Достоевского проникнуты духом христианского провиденциализма. Однако эти пророчества могут быть поняты только из сопоставления высказываний Достоевского с наступившей позднее реальности, из тех исторических реалий, которые стали явью много лет спустя после смерти мыслителя.

Бесспорно, что глубина и широта наследия Достоевского вынуждают нас ограничить свои изыскания лишь отдельными цитатами из его произведений, наиболее выпукло представляющих его пророчества относительно хода русской и мировой истории. Среди историософских образов Достоевского отмечалось указание на угрозу возрастания (до притязаний полного торжества) безнравственной власти, которая присваивает себе монополию на «ключи от счастья» посредством лишения человечества свободы нравственного выбора и присвоения полноты власти узкому меньшинству, которому, во имя своей избранности и всеобщего счастья, дозволено ВСЁ. Об этом с полной откровенностью говорит Раскольников в своих социально-философских рассуждениях: «...Люди по закону природы разделяются, вообще, на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово... Второй разряд – все преступают закон, разрушители или склонны к тому... Если ему надо для своей цели перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то внутри себя, для совести, он может дать себе перешагнуть через кровь»².

Охватывая историю XX – начале XXI в. крупным планом, можно сказать, что в этой цитате уже скрываются предсказания множества потрясений: многие политики и диктаторы, реформаторы

¹ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений: в 50 т. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1 (15).

² Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 199–200.

основывали и основывают свои политические доктрины и действия на том, что они «имеют право» в силу своей «избранности», принадлежности к «особой человеческой породе». В Раскольникове эти типы (Гитлер, Троцкий, Трумэн, Чубайс) уже просматриваются. У всех них можно, при желании, отыскать высказывания, выдающие потаённое убеждение в том, что они принадлежат к особой породе, которым «всё позволено» ради великих целей. Но предсказание не исчерпывается идеей о появлении такого типа персонажей. В образе самого Раскольникова предрекается крах такого рода идей – они побиваются не только угрызениями совести, от которых не спрятаться, но и пассивным, казалось бы сопротивлением, «обыкновенных» людей. Гитлер, Троцкий потерпели крах своих притязаний на исключительность зримо и очевидно. Прочих «великих преобразователей» он ещё ждёт. В этом заключается пророческий символизм Достоевского. Однако и это не конец. Сам по себе крах претендентов в «человекобоги» также не есть жёсткая детерминанта. Ибо покуда человек жив, он может покаяться. И вернуться к Богу, Который ждёт и любит. Раскольников, будучи побеждён «обыкновенным» Порфирием Петровичем, в итоге нашёл путь к покаянию и нравственному возрождению. Достоевский не злорадствует над страданиями своих отрицательных персонажей. Он их любит, как велит Евангелие. Сколь бы курьёзно это не выглядело, но Бог, история, русский народ ждут покаяния Чубайса и ему подобных.

Но без покаяния – дорога только к саморазрушению, не только того, кто мнит себя сверхчеловеком, но и всех тех, кто с ним соприкасается. Для обеспечения своего господства претенденту в «человекобога» требуется не просто физически, но прежде всего нравственно подавить людей, лишив их морального права на сопротивление. Так рождается в качестве практической социальной программы феномен «шигалёвщины» и всех тех,

кто готов приклониться перед харизматичным психопатом Ставрогиным: «... Каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом. Все рабы и в рабстве равны. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов... Не надо образования, довольно науки. И без науки хватит материалу на 1000 лет, но надо устроиться послушанию. В мире только одного недостаёт – послушания... Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат, мы всякого гения потушим во младенчестве... Теперь надо одно или два поколения разврата, разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь...»¹

Если мы обратимся к современности, то без труда обнаружим воплощение этих слов, которые некогда многим казались невозможной фантазмагорией. Та вакханалия безнравственности, которая много лет насаждается и тиражируется в СМИ, многими представителями т. н. «культурной богемы», ужасающий многолетний погром образования и науки в России, осуществляемый «реформаторами» явно с одобрения высших персон государственной власти и по инструкциям зарубежных «экспертов» [6], наконец, повторяющиеся, как дурной сон, массовые террористические акты в школах и колледжах – словно принадлежат единому невидимому кукловоду и связаны между собой на глубинном уровне. Деградация социума, очевидное нарастание энтропийных процессов одновременно повышают безответственность правящих элит и их безнравственность. В этом смысле скандальное высказывание утратившей чувство реальности молодой чиновницы о том, что «государство вам ничего не должно» совершенно симптоматично и отражает объективную социально-политическую и политико-нравственную

¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 12. Л.: Наука, 1974. С. 322–323.

реальность. Особенно показательны в плане сбывающихся пророчеств Достоевского события последних полутора лет, когда так называемая «пандемия коронавируса» высветила много такого, что могло бы ещё долго оставаться неясным. Конечно, проще всего сослаться на горячий бред Раскольникова как на пример буквального пророчества о грядущих болезнях: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу... Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нём в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром...»¹. Но дело не столько в том, что «из глубин Азии» явилась некая неслыханная прежде болезнь (по строго научным медицинским данным она явно не дотягивает не только до пандемии, но и до эпидемии), а те социальные последствия, которые имели действия власти в разных странах: тут и насаждение социальной вражды (вплоть до вспышек насилия), и откровенное попрание законов самой государственной властью, перекладывание ответственности на народ при снятии властью с себя социальных

обязательств, наконец, почти открытое поощрение доноительства (всё по Шигалёву!) и немного завуалированное – пороков (в храм на службу ходить нельзя, а в винный магазин за водкой можно!). То есть, буквально на наших глазах, сделан огромный шаг к разрушению общества в духе самых мрачных предвидений Достоевского. К сожалению, истинность пророчеств не есть непререкаемый залог их принятия людьми.

Заключение

Переходя к выводам, оговоримся, что рамки журнальной статьи накладывают ограничения по объёму. Соответственно, не все заявленные историософские идеи Достоевского были здесь раскрыты, но лишь те, которые касались нравственных оснований исторического процесса в связи с современностью. О всемирно-исторической роли России, её сложных и неоднозначных отношений с Западом, о славянстве поговорим в других публикациях. Пока же ограничимся выводами:

1. Образы и пророчества Достоевского демонстрируют свою полную релевантность современным вызовам человеческой истории.

2. Историософия Достоевского удивительным образом перекликается с нравственным историзмом русской классической литературы и историографии (Карамзин, Пушкин, Гоголь) [11].

3. В настоящее время можно констатировать, что тревожные и эсхатологические предсказания Фёдора Михайловича Достоевского сбылись и сбываются с гораздо большим динамизмом, нежели светлые ожидания.

4. Тем большую и непреходящую актуальность имеют историософские и нравственные прозрения великого русского писателя, чтобы пытаться отыскать в них не столько точные рецепты лечения социально-исторических недугов, сколько общие указания относительно пути, по которому следует идти как отдельному человеку (вне зависимости от его статуса

¹ Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. Т. 6. Л.: Наука, 1973. С. 419–420.

и благосостояния), так и целым государствам, и даже всему человечеству.

5. Идеи Достоевского о добре и зле, свободе и рабстве, о власти и ответственности имеют глубокую прикладную значимость, сколь бы мистическими и метафизическими они ни казались.

6. Русская метафизика истории имеет непреходящее значение для настоящего и будущего, как для познания/постижения истории, так и для возможного исправления искажений исторических судеб человечества.

Статья поступила в редакцию 18.03.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П. В. Восток в творческом сознании Ф. М. Достоевского периода Крымской войны // *Имагология и компаративистика*. 2016. № 1 (5). С. 30–43.
2. Алексеев П. В., Алексеева А. А. «Константинополь должен быть наш»: провиденциальные мотивы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // *Мир науки, культуры и образования*. 2017. № 6 (67). С. 447–449.
3. Ионайтис О. Б. Неоплатонизм в русской средневековой философии. СПб.: Алетейя, 2017. 252 с.
4. Капец О. В. Философская проблематика романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2019. № 3 (242). С. 113–121.
5. Крысин Р. И. Эсхатологическая система взглядов Ф. М. Достоевского // *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 11 (67). С. 154–158.
6. Ларионов А. Э., Новичков А. В. Понятия-симулякры в современном российском образовании // *Социально-гуманитарные технологии*. 2019. № 4 (12). С. 89–103.
7. Липский В. Н. Западноевропейская цивилизация и культура в мировосприятии Ф. М. Достоевского // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 1. С. 156–160.
8. Новикова Е. Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Имагология и компаративистика*. 2016. № 1 (5). С. 44–51.
9. Попович И. Достоевский о Европе и славянстве. М.-СПб.: Сретенский монастырь, 2002. 288 с.
10. Сыромятников О. И. Историософия Ф. М. Достоевского // *Вестник Вятского государственного университета*. 2009. № 3. Т. 4. С. 80–83.
11. Художественно-образное и научное (научно-историческое) постижение действительности: проблема соотношения (круглый стол) / Н. И. Смоленский, В. А. Песоцкий, Т. А. Алпатова, Н. В. Халикова, В. В. Леденева, А. Э. Ларионов, В. Э. Багдасарян, В. В. Бруз // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки*. 2017. № 4. С. 14–67.

REFERENCES

1. Alekseev P. V. [The East in the creative mind of F. M. Dostoevsky during the Crimean War]. In: *Imagologia i komparativistika* [Imagology and Comparativistics], 2016, no. 1 (5), pp. 30–43.
2. Alekseev P. V., Alekseeva A. A. [«Constantinople must be ours»: providential motives in the «Diary of a writer» by F. M. Dostoevsky]. In: *Mir nauki, kultura i obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2017, no. 6 (67), pp. 447–449.
3. Ionaitis O. B. *Neoplatonizm v russkoi srednevekovoi filosofii* [Neoplatonism in Russian medieval philosophy]. SPb., Aleteiya Publ., 2017. 252 p.
4. Kapets O. V. [Philosophical problems of the novel by F. M. Dostoevsky «The Brothers Karamazov»]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adygea State University. Series 2: Philology and Art History], 2019, no. 3 (242), pp. 113–121.
5. Krysin R. I. [The eschatological system of views of F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State University. Humanities Series], 2008, no. 11 (67), pp. 154–158.
6. Larionov A. E., Novichkov A. V. [Simulacra concepts in modern Russian education]. In: *Sotsialno-gumanitarnye tekhnologii* [Social and humanitarian technologies], 2019, no. 4 (12), pp. 89–103.
7. Lipsky V. N. [Western European civilization and culture in the worldview of F.M.Dostoevsky]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no. 1, pp. 156–160.

8. Novikova E. G. [«Western Slavs» in the «Diary of a Writer» by F. M. Dostoevsky during the Russian-Turkish war of 1877–1878.]. In: *Imagologiya i komparativistika* [Imagology and Comparativistics], 2016, no. 1 (5), pp. 44–51.
9. Popovich I. *Dostoevskii o Evrope i slavyanstve* [Dostoevsky on Europe and Slavism]. Moscow-S.Petersburg, Sretenskii monastyr Publ., 2002. 288 p.
10. Syromyatnikov O. I., Istoriiosofiya F. M. [Historiosophy of F. M. Dostoevsky]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Vyatka State University], 2009, no. 3, vol. 4, pp. 80–83.
11. Smolensky N. I., Pesotsky V. A., Alpatova T. A., Khalikova N. V., Ledeneva V. V., Larionov A. E., Bagdasaryan V. E., Bruz V. V. [Artistic creative and scientific (scientific and historical) understanding of reality: the problem of correlation between (Round table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 4, pp. 14–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куренкова Евгения Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Kurenkova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State University;
e-mail: ea.kurenkova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Куренкова Е. А. Ф. М. Достоевский и XXI век: образы и пророчества в фокусе актуальных вызовов современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 59–69.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-59-69

FOR CITATION

Kurenkova E. A. F. M. Dostoevsky and the 21st century: images and prophecies in the light of the relevant challenges of our time. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 59–69.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-59-69

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-70-80

ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I: ОТ РАССВЕТА ДО ЗАКАТА. АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Фанталов А. Н.¹, Малязина М. А.²

¹Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования
191002, Санкт-Петербург, ул. Ломоносова, д. 11-13, Российская Федерация

²Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, д. 48, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Уточнить ряд сложных для понимания аспектов событий переворота 1801 г. и смерти императора Александра в 1825 г.

Процедура и методы. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический метод и метод исторической периодизации.

Результаты. В работе рассмотрены обстоятельства вступления на престол российского императора Александра I в 1801 г. и его смерти в 1825 г. Автор анализирует роль и соотношение реальных и вероятностных субъектов данных событий. Статья содержит характеристику политической практики Александра I и реконструкцию его предполагаемых политических намерений (не осуществленных вследствие преждевременной смерти).

Теоретическая и/или практическая значимость. На основании исторических источников сделан вывод о планах российского императора провести в ближайшее после 1825 г. время большую войну против Османской империи с целью отторжения от неё территорий проливов Босфор и Дарданеллы. Данные планы были основаны на серьёзных мерах военной подготовки, к числу которых относится создание военных поселений.

Ключевые слова: переворот 1801, Александр I, Аракчеев, военные поселения, Царство Польское, Наполеон

EMPEROR ALEXANDER I' SECRETS: ASCENSION AND DEATH. ANALYSIS OF HISTORICAL CIRCUMSTANCES

A. Fantalov¹, M. Malyazina²

¹S.-Petersburg Academy of Postgraduate Teaching Education
11-13 Lomonosov ul., Saint-Petersburg 191002, Russian Federation

²The Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint-Petersburg, 191186, Russian Federation

Abstract

Aim. To clarify complicated aspects of the coup of 1801 and the death of Emperor Alexander I in 1825.

Methodology. Comparative historical and historical periodization methods were used.

Results. The circumstances of Russian Emperor Alexander I's accession to the throne and his death were analysed, including the main actors of these events and their motives. Alexander I's political practices and his alleged political intentions (not carried out as a result of premature death) were characterized.

Research implications. According to the analyzed historical sources, the Russian Emperor was planning a large-scale war against the Ottoman Empire shortly after 1825 in order to alienate the territories of the Bosphorus and Dardanelles straits. These plans involved serious military training measures, including the establishment of military settlements.

Key words: coup 1801, Alexander I, Arakcheev, military settlements, Kingdom of Poland, Napoleon

Введение

По воспоминаниям канцлера Австрийской империи К. Меттерниха, Наполеон Бонапарт говорил ему: «В Императоре Александре есть большая сила очарования, которую испытывает всякий при встрече с ним. Если бы я сам был способен отдаться непосредственно личным впечатлениям, то я привязался бы к нему от всей души, но наряду с его высоким интеллектом и умением очаровывать всех окружающих, в нём есть ещё что-то, чего я даже не сумею точно определить. Поясняя свою мысль, я мог бы ещё сказать, что это «что-то» заключалось в том, что во всём и всегда ему не хватало чего-нибудь. Страннее всего то, что вы никогда бы не могли заранее определить, чего ему не хватит в данный определённый момент, т. к. это «что-то» всегда являлось новым, неожиданным и противоречивым»¹.

Мы можем предположить, что великий завоеватель не мог понять главного – Александр не считал себя «ровней» Наполеону, а его полагал «парвеню» («выскачкой»). Этому способствовали как биография, так и особенности воспитания будущего российского самодержца.

Александр I является, пожалуй, наиболее загадочной фигурой среди русских императоров (не считая Петра I). Много вопросов вызывает уже его приход к власти после переворота 1801 г. Ещё большую проблему представляет адекватное

понимание событий, связанных со смертью императора Александра.

Итак, в данной работе мы постараемся прояснить некоторые спорные моменты царствования Александра I, быть может, самого блестящего в истории Российской империи.

Роль будущего императора Александра I в перевороте 1801 г.

Вождями заговора, приведшего к перевороту 1801 г. (кстати, совершенно отличного по характеру своего проведения от переворота 1762 г., в результате которого на трон взошла мать императора Павла I Екатерина II), традиционно называют Н. П. Панина (вице-канцлера), О. С. Рибаса (адмирала, бывшего основателя и градоначальника Одессы) и П. А. Палена (генерал-губернатора Санкт-Петербурга). Однако первые две персоны не имеют к факту убийству Павла I никакого отношения. Панин на момент переворота был выслан из Петербурга, Рибас умер [8, с. 61–66].

Зато Петр Алексеевич Пален прочно связан в общественном восприятии с переворотом 1801 г. После убийства Павла I он был уволен Александром от всех должностей и выслан в его курляндские имения, где прожил четверть века, рассказывая посещавшим его гостям подробности своего участия в заговоре [4].

При этом мотивы участия Палена в заговоре вызывают существенные вопросы. Он был фаворитом императора

¹ Мордовцев Д. Л. Проза двенадцатого года. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 108.

Павла Петровича и обязан ему своей блестящей карьерой. Считается, что Пален, якобы, обеспокоился неустойчивостью своего положения и решил упредить возможную опалу переворотом (и даже цареубийством).

На наш взгляд, это абсолютно неубедительное объяснение. Ибо такому опытному царедворцу не могло быть не ясно, что риск подобного предприятия для него лично очень велик, а возможные дивиденды весьма сомнительны (как и оказалось в действительности).

Отметим также, что в посвящённых данному событию исторических трудах обычно сильно затушёвывается роль наследника императора Павла I – Александра, трактуемая как «пассивное ожидание результатов переворота». Однако при ближайшем рассмотрении видно, что это не так.

«Ночное наступление на Михайловский замок было решено предварительно в ночь с 9 на 10 марта. Когда о сём было доложено Александру, он заметил Палену, что 9 марта было бы рискованно действовать, ибо в дворцовом карауле находятся преданные Государю преображенцы, а что мол с 11 на 12 марта будут там по очереди караулить от 3 батальона семёновцев, за преданность которых ему, Александру, он ручается» [4, с. 7/29]. Т. е. Александр Павлович настоял на переносе даты заговора и как командир Семёновского полка обещал обеспечить пропуск заговорщиков в покои отца. Что делает его одним из главных участников заговора, а не просто его «выгодоприобретателем».

«Граф Пален не сразу согласился отложить назначенное предприятие и заявил Наследнику что весь заговор может быть раскрыт за эти 2 дня. Но Александр стоял на своём, и Пален, признав доводы основательными, согласился отложить злополучное дело до ночи 11 марта» [4, с. 9/31].

Вышеприведённые цитаты, на наш взгляд, вполне объясняют ту легкость, с которой убийцы проникли и перемещались по усиленно охраняемому Михай-

ловскому замку, ибо семеновцы Александра занимали все посты в замке, кроме внутреннего пехотного караула, находившегося рядом со спальней императора Павла.

Заговорщики вошли в замок двумя группами: одна под руководством Палена, другая – Беннигсена. На личности Леонтия Леонтьевича Беннигсена (Левин Август Готлиб Теофиль фон Беннигсен) целесообразно остановиться немного подробнее.

Беннигсен являлся уроженцем Ганновера, находившимся в личной унии с Великобританией. Несмотря на более чем 40-летнюю службу в русской армии, он до конца жизни оставался подданным британской короны.

Послужной список Беннигсена весьма велик: он участвовал в обеих русско-турецких войнах Екатерины II, в действиях против польских конфедератов, войне с Персией, войнах с Наполеоном 1805–1814 гг. (причём командовал русской армией в сражениях при Прейсиш-Эйлау и Фридланде; в 1807 г. составил диспозицию русской армии при Бородино).

Колонна Беннигсена подошла через Садовую улицу к Рождественским воротам Михайловского замка к 12 ночи. К 00.30 люди Беннигсена уже были у спальни императора Павла (ранив при этом двоих солдат, её охранявших).

Из описаний деталей видна решающая роль Л. Беннигсена в практическом осуществлении акции, хотя (по его собственным воспоминаниям) «Леонтий Леонтьевич» на момент убийства самодержца выходил из помещения (весьма разумно с его стороны).

Любопытно, что в колонне Беннигсена были двое братьев Зубовых – Платон (последний фаворит покойной императрицы Екатерины II) и Александр. Сестра Зубовых О. А. Жеребцова считалась любовницей английского посла Уитворта.

Князь Лопухин, близкий родственник Жеребцовой, рассказывал: «...Витворт через посредство О. А. Жеребцовой был

в сношениях с заговорщиками; в её доме происходили сборища, через её руки должна была пройти сумма, назначенная за убийство или по меньшей мере за отстранение императора Павла от престола... За несколько дней до 11 марта Жеребцова нашла более безопасным для себя уехать за границу и в Берлине ожидала исхода событий....» [3, с. 72].

Данные цитаты косвенно свидетельствуют об «английском следе» в деле об убийстве Павла I [5, с. 68–79].

Каковы же были непосредственные причины заговора и убийства российского императора? Обычно об этом говорится не вполне определённо, внимание акцентируется на деспотизме Павла Петровича. Маркиз де Кюстин пишет, что Александр «дал заговорщикам согласие лишь на заключение своего отца в крепость, чтобы таким путём спасти свою мать от заточения или даже смерти и самого себя от той же участи, а вместе с тем и спасти всю страну от ярости и злодеяний безумного деспота»¹.

Надо сказать, что рассуждения Кюстина не выглядят убедительными. Книга Кюстина изобилует подобными пропагандистскими русофобскими пассажами. Однако Павел I (при всей своей экстравагантности) не являлся «безумным деспотом» и никакая «смерть» его супруге не угрожала. О характере Павла красноречиво свидетельствует тот факт, что он после восшествия на престол не подверг серьёзному наказанию Платона Зубова (последнего фаворита Екатерины II), державшегося при жизни Екатерины по отношению к наследнику весьма нагло.

В связи с этим вопросом рассмотрим некоторые извлечения из мемуаров принца Евгения Вюртембергского:

«Причина та, что генерал Дибич был поспешно потребован к Императору и долго там оставался. Когда он, наконец, воротился, проводил меня до кареты и вместе со мною вошёл в неё, то вдруг, по-

кинув своё место, он стал на колени, прижал лицо своё к моим рукам и, орошая их слезами, заговорил, как пьяный: «Возлюбленный, добрейший господин! Что я сделал! Возможно-ли, постижимо-ли, вероятно-ли это?» – «Да что же это, ваше превосходительство! Что еще новаго?» – вскричал я с нетерпением.

— Ах! Что же, как не то, – отвечал Дибичъ, сильно вскрикнув и покрывая мои руки новыми поцелуями, – что вас ожидает велико-княжеский титул, штатгальтерство, вицецарство!

Куда-бы он зашёл, если-бы я не утешил этой бури тем, что засыпал его вопросами, отвечать на которые он тогда ещё не считал своевременным. Но к тому времени, как мы приехали домой и были встречены слугами, у него успело вырваться заключительное, полное тяжёлого значения и тревожившее меня даже и во сне восклицание: Он хочет вас усыновить!

<...> Генерал Дибич открыто уверял меня, будто император Павел говорил ему, что т. к. он хозяин в своём доме и государстве, то сделает из меня нечто такое, о чём заговорят все. Сам Пален, несколько лет спустя, делал в присутствии одного из своих друзей по этому предмету заявления, по-видимому подтверждавшего слова генерала Дибича»².

На основании данной цитаты можно было бы сделать предположение, что экстравагантный самодержец мог решиться на объявление престолонаследником племянника своей супруги, императрицы Марии Федоровны. Тогда подобное обстоятельство могло бы стать одной из решающих причин заговора. Александр Павлович (любимый внук Екатерины II и нелюбимый сын Павла I) опасался потерять звание наследника престола.

Разумеется, данная версия уязвима, вследствие наличия у Павла I еще 3-х сыновей – Константина, Николая и Ми-

¹ Kyustin M. A. Nikolaevskaya Rossiya. M.: Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1990. P. 78.

² Вюртембергский Е. Юношеские воспоминания принца Евгения Вюртембергского // Русский архив. 1878. Кн. 1. Вып. 1. С. 43–75.

хаила. Но, в любом случае, старший сын – Александр чувствовал шаткость своего положения.

С другой стороны, политика императора Павла вызывала сильное беспокойство в Англии.

После захвата английским флотом Мальты Павел I в качестве великого магистра Мальтийского ордена издал указ о конфискации английских судов в российских портах и экономических санкциях. Кроме того, российский император прервал дипломатические отношения с Великобританией, заключил союз с враждебными на тот момент Англии Пруссией, Швецией, Данией и начал готовить военно-стратегический союз с Наполеоном Бонапартом. Наконец, Павел отправил в Среднюю Азию силы Войска Донского (22 тыс. чел.) для завоевания Бухары, Хивы и вторжения в Индию.

Таким образом, в сюжете заговора против императора Павла Петровича мы видим 2 основные заинтересованные стороны: Правительство Великобритании и наследника престола Александра, чьи интересы на тот момент совпадали.

Роль же графа Палена представляется нужной для отвлечения внимания от истинных виновников происшествия, подобно тому, как позднее, целое столетие виновниками смерти Григория Распутина называли князя Юсупова и депутата Пуришкевича (до рассекречивания британских архивов, которые показали, что упомянутые деятели играли роль прикрытия, а сама операция была выполнена агентами МИ-6 при общем кураторстве британского посла Бьюкенена).

После прихода к власти Александр вернул войска из похода в Индию, не стал заключать военно-политический союз с Наполеоном (а в 1805 г., напротив, вступил в Третью антифранцузскую коалицию). После чего Россия стала активной участницей войн с Наполеоном Бонапартом (правда, с вынужденным перерывом на период Тильзитского мира). Закончились эти войны низложением

первого французского императора и Реставрацией Бурбонов.

Разобрав некоторые ключевые особенности прихода императора Александра к власти, остановимся на втором наиболее загадочном эпизоде его царствовании – смерти 1 декабря 1825 г. Чтобы попытаться понять обстоятельства произошедшего, целесообразно рассмотреть последний, весьма загадочный период жизни российского самодержца.

Правление императора Александра I после наполеоновских войн

Чем же занимался император Александр после завершения наполеоновских войн в Европе? Во внешней политике наступила «эпоха конгрессов» Священного союза – консервативной организации, созданной Александром I и ядром которого являлись Россия, Австрия и Пруссия.

Кроме того, новый российский император значительное внимание уделял внутривнутриполитическим вопросам Царства Польского и освобождению от крепостной зависимости остзейских (прибалтийских) крестьян.

Что же происходило в это время в российской внутривнутриполитической жизни?

Бытует мнение, что Александр поручил ведение государственных дел А. А. Аракчееву, отстранившись от управления государством вследствие некоего разочарования в «идеалах молодости». Чем же тогда занимался сам император? Он... инспектировал Россию – объездив всю её европейскую часть, причём верхом, а не в карете (что физически весьма утомительно). И это никак не соответствует образу «удалившегося от дел», «разочарованного в жизни и царствовании» монарха.

По поводу же графа Аракчеева мы располагаем информацией, о том, что последний, в значительной мере, представлял собой «подставное лицо», на которого Александр охотно возлагал ответственность за непопулярные аспекты своей политики.

Это достаточно распространённый политический сценарий – «фрейм» (можно вспомнить Людовика XIII и Ришелье, Вильгельма I и Бисмарка, короля Италии Виктора Эммануила III и Муссолини), и в его применении императором Александром нас убеждают определённые факты [7, с. 18–20].

Например, после подавления беспорядков в Семёновском полку, именно Аракчеев уговаривал императора смягчить наказания для нижних чинов (тщетно).

Аракчеев не был также и подлинным автором идеи «военных поселений»: как военный профессионал (к тому же профессионал в сфере военных технологий – первоклассный артиллерист), он видел всю архаичность подобного учреждения и отговаривал императора от его введения [1].

Однако у Александра были собственные специфические цели, он массово вводил военные поселения (причём заставил Аракчеева именоваться их официальным инициатором).

В чём же именно могли состоять цели императора Александра, какие акции он готовил в последние годы своего царствования? По нашему мнению, он готовил большую войну, предположительно на Балканах

Для более верного понимания характера императора Александра рассмотрим условия формирования его личности – детских и юношеских лет.

Мы знаем, что он был любимым внуком императрицы Екатерины от ее нелюбимого сына великого князя Павла. Более того, Екатерина вынашивала план передачи власти над империей после своей смерти Александру в обход своего сына Павла (плохие отношения Павла и его матери общеизвестны).

Данное обстоятельство обусловило сложность положения Александра, находящегося «между двух огней», что являлось стимулом к развитию в нём искусства дипломатического лавирования и умения нравиться людям.

Кроме того, Екатерина не случайно выбрала своим преемником Александра (а не его «погодка» Константина, по специфике черт характера сходного с их отцом Павлом Петровичем). Видимо, по ряду качеств своего характера будущий император вполне импонировал царственной бабушке, которая усматривала здесь сходство с собственным характером. Недостающие качества она стремилась в нём развить.

Какие же наиболее яркие особенности характера были у Екатерины II? Вероятно, это лицемерие (сейчас сказали бы «талант пиарщика»). Немецкая принцесса, совершившая мужеубийство и воссевшая на российский престол, не имея никаких на то прав, она потратила огромные усилия на создание себе положительного имиджа в России и Европе, что ей в значительной степени и удалось.

Таким же гипертрофированным лицемерием оказался наделён и её любимый внук Александр. И поэтому Екатерина не побоялась вверить его воспитание швейцарскому либералу Лагарпу – либерализм был модным течением, обеспечивающим неплохой пиар в Европе, а в том, что её перспективный преемник не подпадёт под либеральные догмы (могущие сломать его будущее царствование) она была уверена.

Когда же либерализм в процессе революций и наполеоновских войн временно скомпрометировал себя в глазах официальных кругов Европы, на смену ему в политике Александра пришёл мистицизм.

Увлечение Александра I европейским мистицизмом считается вполне искренним. Однако здесь уместно упомянуть о следующем эпизоде.

В 1814 г. армии союзников вторглись на территорию Франции, но не решались двинуться на Париж. Состоялось совещание высшего союзного командования, которое, в силу разногласий его участников, оказалось не в состоянии прийти к какому-либо заключению. Тогда император Александр вышел из зала совещания,

некоторое время отсутствовал, а когда вернулся, сказал, что он молился, и во время молитвы его посетило откровение и он идёт на Париж [8].

Поскольку российский правитель являлся обладателем наиболее мощной и прославленной армии, а также его слова были безупречно «упакованы» в религиозную оболочку, возражений не последовало. Однако ряд участников совещания позже выражали сомнения в искренности заявления российского императора.

Мы не знаем, какое политическое заветование Екатерина оставила Александру. Допустимо предположить (в т. ч. и на основании европейской критики политики российской императрицы), что это – присоединение к России Польши с Варшавой и проливов Босфор и Дарданеллы вместе с Константинополем. Первое он успел сделать, совершить второе помешали драматические обстоятельства.

Первым министром иностранных дел при Александре I был польский аристократ Адам Чарторыйский, который долгое время был уверен в намерениях императора предоставить Польше свободу. Однако последнего не произошло, более того, по итогам войн с Наполеоном почти все территории исторической Польши вошли в состав Российской империи (правда, получив существенную автономию).

Позднее у Александра состояли 2 статс-секретаря по иностранным делам – Иоанн Каподистрия и Карл Нессельроде. Первый был специалистом по балканотурецким, второй – по западноевропейским вопросам. Каподистрию, кстати, несмотря на его греческое происхождение и греческие связи, именовали главой «русской партии» в МИДе.

Позже Каподистрия стал управляющим Министерством иностранных дел Европейские дипломаты (в особенности Меттерних) были весьма недовольны его политикой и выражали удовлетворение после отставки Каподистрии в 1827 г. Между тем в этом же году Каподистрия стал первым президентом независимой

Греции. Так что и тут оптимизм российских геополитических конкурентов был преждевременным.

Вышеизложенные эпизоды характеризуют чрезвычайно скрытный образ действий императора Александра. Известно, что при подготовке к ведению военных действий сохранение тайны времени и места направления удара имеют крайне важное значение.

Проект создания военных поселений, идею которых ставили в вину Аракчееву, на самом деле принадлежал императору [1].

Аракчеев, напротив, (как профессиональный военный) справедливо указывал ему на несовременность подобной формы социального экспериментирования. Совершенно очевидно, что в условиях регулярной армейской службы солдату невозможно заниматься крестьянским трудом и такая военно-земледельческая служба (в отличие от казачьей) неизбежно должна была прийти к её профанированию.

Вероятно, Александр это понимал. Однако военные поселения интересовали его с точки зрения увеличения текущей численности армии. Бюджетные возможности государства для содержания армии достигли своего предела, поэтому император стремился создать российский аналог прусских ландвера и ландштурма («система Шарнхорста»), чтобы значительно увеличить численность русских войск (и без того огромную) при сохранении прежнего уровня финансирования. К 1825 г. в военных поселениях имелось 169 828 солдат регулярной армии и 374 000 государственных крестьян и казаков.

К 1825 г. пехотные части были расщеплены в основном на казённых землях в Санкт-Петербургской, Новгородской, Могилёвской и Витебской губерний. Кавалерийские части располагались в Херсонской, Слободско-Украинской и других губерниях. Т. е. военные поселения размещались поблизости от западных и южных (потенциально наиболее угрожаемых) границ Российской империи.

Допустимо предположение, что император Александр готовил большую войну с Турцией с целью радикального решения проблемы проливов. Общая международная обстановка в конце 1820-х гг. была значительно более благоприятна, чем, например, накануне Крымской войны 1853–1856 гг.

Однако внимание Александра I продолжали привлекать и польские дела. Брат императора Константин являлся главнокомандующим польской армией и наместником Царства Польского. С польской знатью его связывали давние отношения (ещё во время подавления польского восстания 1794 г. А. В. Суворовым, последний король Речи Посполитой Станислав Понятовский пытался вручить корону находившемуся в русской армии Константину) [2].

«14 января 1822 г. Константин Павлович обратился с письмом на имя Государя, в котором категорически отказывался от престолонаследия» [8, с. 311]. Император Александр распорядился составить секретный манифест (16 (28) августа 1823 г.), в котором принял отречение брата Константина от престолонаследия и признал в качестве законного наследника младшего брата Николая.

Польская проблема продолжала обостряться. В 1820 г. в Варшаве был созван второй сейм, Александр I, по уже сложившейся традиции, открыл его, но в его словах уже не было прежнего «благостного» настроения. Им был предложен законопроект, значительно урезавший польскую «автономию». Этот законопроект был отклонён сеймом, что знаменовало начало длительного конфликта. Несмотря на правила польской конституции, следующий сейм был созван лишь в 1825 г.¹

19 сентября 1823 г. произошёл курьёзный с виду эпизод. «На одном из смотров близ Брест-Литовска лошадь одного польского офицера ударила в ногу Госу-

даря, от боли он довольно долго страдал» [8, с. 308].

Последние дни Александра I были связаны с поездкой на юг России. Во время верховой прогулки в окрестностях Таганрога император простудился, потом якобы поправился, после снова слёг. Сопровождал в поездке и оказывал ему медицинскую помощь его лейб-хирург баронет Яков Васильевич Виллие, уроженец Шотландии и британский подданный. Кстати, он был тем самым лейб-хирургом Павла I, подписавшим свидетельство о смерти Павла от «апоплексического удара».

Несмотря на все старания Виллие, император Александр скончался 19 ноября (1 декабря) 1825 г. в Таганроге в доме градоначальника Папкова в возрасте 47 лет.

Одновременно со смертью Александра произошло убийство крестьянки Настасьи Шумской (Минкиной) – любовницы А. А. Аракчеева, случившееся в его имении Грузино. Преступление, по официальной версии, носило бытовой характер, однако оно совпало со смертью российского императора, и на время исключило Аракчеева (фактически, второе лицо в государстве) из процесса принятия решений. Как раз в это время рапорт И. В. Шервуда (действовавшего по ранее данному заданию Александра I) о заговоре в рядах офицерства был передан Аракчееву, но оставлен без последствий.

«По причине сильного расстройства граф не счёл нужным ни ответить на письма Шервуда, ни принять и выслушать его лично, что составляло его священную обязанность. В своих записках Шервуд высказался совершенно определённо по поводу этих дней: «Эти 10 дней разницы (т. е. неполучение ответа на письма) имели большие последствия: никогда бы возмущение гвардии 14 декабря на Исакиевской площади не случилось; затеявшие бунт были бы благовременно арестованы» [8, с. 331].

¹ Царство Польское // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. СПб., 1890–1907.

Заключение

Итак, на основании вышеизложенного, мы предлагаем следующую реконструкцию исторических событий, связанных с последними годами жизни и царствования Александра I.

1. Выполняя некое «политическое завещание» (не найденное историками, но могущее иметь устный характер) Екатерины II, Александр присоединил к Российской империи Польшу вместе с её столицей Варшавой.

2. Вторым главным пунктом данного «завещания» являлось присоединение к России Константинополя и прилегающих территорий проливов Босфор и Дарданеллы, для чего император в последние годы своего царствования всемерно наращивал численность войск (образование военных поселений должно было решить проблему резкого увеличения численности при сохранении исходного уровня финансирования).

3. Все свои мероприятия Александр I окружал «покровом таинственности», как опытный политик, прекрасно понимая, что «раскрытый план ничего не стоит». Отсюда и внешнее «удаление от дел», прикрытие фигурами приближённых (в особенности Аракчеева), которые в действительности являлись исполнителями царской воли, при уникальной способности императора к контролю ситуации (что выражалось, в частности, в непрерывных личных инспекциях всей европейской части империи).

4. Несмотря на глубоко продуманную политику Александра I, «польский узел» затягивался всё туже. Этому способствовало и сращивание интересов варшавского наместника великого князя Константина с интересами польской аристократии (всегда питавшей сепаратистские настроения). Последнее обстоятельство послужило причиной к его отстранению от наследования российского трона (поводом же стал морганатический брак Константина Павловича с Иоанной

Грудзинской). Отголоском этих событий явилось восстание на Сенатской площади декабристов 26 декабря 1825 г. и последующий «странный» бунт Черниговского полка. Более дальним последствием можно считать также Польское восстание 1830 г.

5. Смерть Александра I произошла при достаточно загадочных обстоятельствах. Состоявший при императоре лейб-хирург Яков Виллие диагностировал «апоплексию» (хотя предыдущие симптомы болезни Александра указывали на иную клиническую картину). Любопытно, что Виллие (британский подданный) являлся также лейб-хирургом Павла I и поставил ему такой же официальный диагноз кончины (при общеизвестности факта убийства)¹.

6. Завершающим штрихом в цепи вышеизложенных странных событий является убийство Настасьи Шумской (Минкиной) – любовницы А. А. Аракчеева. При бытовом характере официальной версии происшествия оно произошло чрезвычайно «вовремя» для участников декабрьского восстания, на время «отключив» второе лицо в государстве – Аракчеева.

Таким образом, смерть Александра I, как и его восшествие на престол, произошла при наличии многих неясных обстоятельств, за которыми прослеживаются существенные внешнеполитические интересы как высшего руководства Российской империи того времени, так и её геополитических противников. Однако подобный подход к событиям нуждается в значительных дополнительных исследованиях и расширении фактологической и доказательной базы [6, с. 262–267].

Статья поступила в редакцию 25.01.2021

¹ Данилевский Н. В. Таганрог, или Подробное описание болезни и кончины императора Александра Первого, в бозе почивающего. М.: Тип. Августа Семена, 1828.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балязин В. Н. Неофициальная история России: Тайная жизнь Александра I. М.: Олма Медиа Групп, 2007. 192 с.
2. Зазулина Н. Н. Европейский пасьянс. Хроника последнего десятилетия царствования Екатерины II. М.: Бослен, 2018. 640 с.
3. Лурье Л. Я. 22 смерти, 63 версии. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 288 с.
4. Романов Н. М. Император Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1914. 772 с.
5. Фанталов А. Н. Военно-политическое противостояние Англии и Франции в XVIII в.: войны и секретные операции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 4. С. 68–79.
6. Фанталов А. Н. Русско-японская война как ключевой момент завершения истории Российской империи // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (46). С. 262–267.
7. Фанталов А. Н., Мальязина М. А. Виды и функции фреймов // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее. 2017. С. 18–20.
8. Фанталов А. Н., Мальязина М. А. Некоторые замечания к особенностям дворцового переворота 1762 года // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 61–66.

REFERENCES

1. Balyazin V. N. *Neoficialnaya istoriya Rossii: Tajnaya zhizn Aleksandra I*. [Unofficial History of Russia: The Secret Life of Alexander I]. Moscow, Olma Media Group Press, 2007. 192 p.
2. Zazulina N. N. *Evropejskij pasyans. Hronika poslednego desyatiletija carstvovaniya Ekateriny II* [European solitaire. Chronicle of the last decade of the reign of Catherine II]. Moscow, Boslen Publ., 2018. 640 p.
3. Lure L. Ya. *22 smerti, 63 versii* [22 deaths, 63 versions]. S.Petersburg, 2011. 288 p.
4. Romanov N. M. *Imperator Aleksandr I: Opyt istoricheskogo issledovaniya* [Emperor Alexander I: The Experience of Historical Research]. S.Peterburg, 1914. 772 p.
5. Fantalov A. N. [Military-political confrontation between England and France in the 18th century: wars and secret operations]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2020, no. 4, pp. 68–79.
6. Fantalov A. N. Russko-yaponskaya vojna kak klyuchevoj moment zaversheniya istorii Rossijskoj imperii. In: *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University], 2020, no. 2 (46), pp. 262–267.
7. Fantalov A. N., Malyazina M. A. [Types and functions of frames]. In: *Nauka i obrazovanie: sohranyaya proshloe, sozdayom budushchee* [Science and education: preserving the past, creating the future], 2017, pp. 18–20.
8. Fantalov A. N., Malyazina M. A. [Some comments on the features of the palace coup of 1762]. In: *Vestnik Doneckogo nacionalnogo universiteta. Seriya B: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities], 2020, no. 1, pp. 61–66.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фанталов Алексей Николаевич – кандидат культурологии, доцент, старший преподаватель Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования;
e-mail: fantalov@mail.ru

Мальязина Маргарита Александровна – зав. кабинетом института детства Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена;
e-mail: malyzinamaggi@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey N. Fantalov – Doc. Sci. (Cultural), Assoc. Prof., senior lecturer, S. Petersburg Academy Graduate Pedagogical Education;
e-mail: fantalov@mail.ru

Margarita A. Malyazina – head. Cabinet of the Institute of Childhood, Herzen State Pedagogical University of Russia;
e-mail: malyzinamaggi@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фанталов А. Н., Малязина М. А. Царствование императора Александра I: от рассвета до заката. Анализ исторических обстоятельств // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 70–80.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-70-80

FOR CITATION

Fantalov A. N., Malyazina M. A. Emperor Alexander I secrets: Ascension and death. Analysis of historical circumstances. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 70–80.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-70-80

УДК 94(47).083

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-81-90

ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «РУССКОЕ ОБОЗРЕНИЕ» (1903 г.): ПОДГОТОВКА, ПРОГРАММА, СОДЕРЖАНИЕ

Медоваров М. В.

*Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Статья посвящена исследованию забытого эпизода в истории русской прессы – последнему номеру консервативного журнала «Русское обозрение» под редакцией А. Ф. Филиппова 1903 г.

Процедура и методы. Рассматриваются обстоятельства подготовки данного выпуска журнала, заявленная редакционная программа Алексея Филиппова и фактическое содержание опубликованного номера.

Результаты. В статье доказывается, что срочный выход последнего выпуска «Русского обозрения» в ноябре 1903 г. был обусловлен необходимостью защитить перед лицом Главного управления по делам печати само существование журнала. Сделан вывод, что Филиппов в последнем номере своего журнала вновь пытался пропагандировать центристскую идеологию умеренного и прогрессивного «имперского национализма», хотя данная попытка оказалась явно неудачной.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе впервые проанализирована политическая программа и содержание последнего выпуска «Русского обозрения». Введены в научный оборот делопроизводственные и эпистолярные источники о подготовке журнала к публикации.

Ключевые слова: «Русское обозрение», А. Ф. Филиппов, Л. Н. Андреев, консерватизм, национализм

THE LAST ISSUE OF THE “RUSSKOYE OBOZRENIYE” JOURNAL (1903): PREPARATION, PROGRAM, CONTENT

M. Medovarov

*Lobashevsky State University of Nizhny Novgorod
23 pr. Gagarina, Nizhny Novgorod 603950, Russian Federation*

Abstract

Aim. The article is devoted to the study of a forgotten episode in the history of the Russian press – the last issue of the conservative journal «Russkoye Obozreniye» edited by Alexey Filippov in 1903.

Methodology. The author pays attention to the insufficient study of the Russian conservative periodicals. The circumstances of preparation of this issue of the journal, the declared editorial program of Alexei Filippov and the actual content of the published issue are considered.

Results. The article proves that the urgent release of the last issue of «Russkoye Obozreniye» in November 1903 was due to the need to protect the very existence of the journal in the face of the Main Directorate for Press Affairs. It is concluded that Filippov in the last issue of his journal again tried

to propagandize the centrist ideology of moderate and progressive «imperial nationalism», although this attempt was clearly unsuccessful.

Research implications. For the first time, the article analyzes the political program and content of the last issue of «Russkoe Obozrenie». Clerical and epistolary sources on the preparation of the journal for publication have been introduced into scientific circulation.

Keywords: «Russkoe Obozrenie», Alexey Filippov, Leonid Andreev, Conservatism, Nationalism

Введение

В истории «Русского обозрения», одного из ведущих консервативных журналов России 1890-х гг., имеется немало пробелов, оставшихся не освещёнными в его историографии, и без того крайне скудной. Особенно это касается А. Ф. Филиппова, который числился издателем и редактором журнала с 1899 по 1905 г., однако за всё это время фактически выпустил лишь два номера (в 1901 и 1903 гг.). Сравнительный анализ трудов по данному вопросу приводит к неутешительным выводам. В наиболее полном на сегодняшний день очерке В. В. Ведерникова об истории «Русского обозрения» ничего не сказано о том, как Филиппов пытался возродить журнал [1]. В. А. Фатеев рассмотрел более подробно конец редакторства А. А. Александрова и переход журнала к Филиппову в 1898–1900 гг., хотя при этом допустил ряд фактических ошибок и ничего не сказал о последнем номере «Русского обозрения» 1903 г. [8, с. 272–280]. Лишь А. А. Тарасова высказала ряд интересных замечаний об особенностях редакционной политики Филиппова, однако и она применительно к последней «книжке» этого журнала ограничилась одной фразой [7, с. 243]. Предварительный очерк борьбы Филиппова за возобновление «Русского обозрения» был дан М. В. Медоваровым [3], однако он не включал анализа содержания последних двух номеров этого органа печати, а в свете вновь открытых архивных источников представляется далеким от полноты.

В сравнительном аспекте можно отметить, что поздние годы существования второго крупнейшего консервативного

журнала в России, «Русского вестника» (т. е. период 1887–1906 гг.), также почти не рассматривались историками. Можно отметить только работы А. С. Сергеева о литературной критике в последние годы «Русского вестника» [4; 5; 6].

Осветить обстоятельства публикации и идейной направленности выпуска филипповского журнала в 1903 г. необходимо не только потому, что он оказался последним в его истории («Русское обозрение» погибло тремя годами раньше своего основного конкурента – «Русского вестника»), но и в силу инновационности идей Филиппова, высказанных в этой маленькой «книжке». К сожалению, за данный период до нас не дошли письма Филиппова – основной источник для реконструкции его предшествующей редакционно-издательской деятельности. В этой связи на первый план среди источников выходит цензурное дело «Русского обозрения» в фонде Главного управления по делам печати, а также сам текст рассматриваемого журнала, в меньшей степени – переписка Леонида Андреева.

Подготовка журнала за 1903 г. к изданию

После выхода предпоследнего номера «Русского обозрения» в июне 1901 г. и отказа Николая II в субсидии на дальнейшее издание журнала финансовые дела Филиппова были очень плохи, однако он продолжал попытки довести до конца публикацию материалов, начатую им в предыдущем выпуске. В справке от Русского товарищества печатного и издательского дела на Чистых прудах от 27 ноября 1902 г. содержится оглавление уже сверстанных в марте того же года вто-

рого и третьего филипповских номеров «Русского обозрения», которые никогда не увидели свет. В справке утверждалось, что работы по печати данных номеров приостановлены с мая месяца ввиду отсутствия средств¹. После этого Филиппов с весны до осени 1903 г. был отвлечён изданием в Москве журнала «Искусство строительное и декоративное». Его поспешное избавление от этого убыточного органа печати, переданного В. М. Борину, было связано с оживлением попыток Филиппова снова заняться «Русским обозрением». С лета по ноябрь 1903 г. он безуспешно пытался продать его в руки Л. Н. Андреева, А. П. Алексеевского и близких к ним «максимогорьковцев». Леонид Андреев и другие участники литературного кружка «Среда» и газеты «Курьер» согласились внести залог в 2 500 руб. за продолжение издания «Русского обозрения» – ради того, чтобы «повлиять на направление “Русского обозрения”, устранить Филиппова и постепенно преобразовать журнал в демократическое издание»². 29 ноября 1903 г. газета «Северо-западное слово» сообщила, что кружок Андреева с января возобновит выпуск журнала. Редактором должен был стать А. П. Алексеевский, а залог собиралась внести А. М. Велигорская (жена Леонида Андреева)³.

Эта комбинация развалилась в связи с тем, что Филиппов внезапно издал второй номер своего детища и передумал отказываться от него.

В ноябре ежегодно истекал годичный срок разрешения на издание «Русского обозрения». Чтобы Главное управление по делам печати (ГУДП) не закрыло жур-

нал на этот раз, Филиппов решил выполнить формальное требование о выпуске не менее чем трёх его номеров своеобразным способом: 18 ноября 1903 г. он издал краткий, объёмом 120 с. «выпуск 1–3 за 1903 год» (зарегистрирован в ГУДП 23 декабря). Разумеется, выдавать «тощую книжку» (по словам В. Н. Чувакова) под мягкой обложкой за полноценные 3 номера журнала, в то время как в норме каждый номер должен был состоять из 400–500 с. (номер 1901 г. – из 385 с.), было откровенно нечестным маневром. По словам А. А. Тарасовой, данный выпуск представлял собой «скорее проспект будущего издания, обещанного в 1904 г.»⁴. Действительно, на обложке было указано, что с января 1904 г. «Русское обозрение» начнёт выходить полноценными толстыми «книжками» по 25–30 печатных листов, причём «возобновляемому изданию обещано участие выдающихся литературно-художественных и научных сил России. Об условиях подписки будет опубликовано особо». Эти слова Филиппова были блефом – он не мог найти сотрудников для журнала, растерял связи даже с теми авторами, которые ещё участвовали в выпуске 1901 г., и не имел достаточных средств. Правда, некая Л. В. Лепёшкина 15 ноября 1903 г. внесла залог 2 500 руб. за «Русское обозрение», но 20 декабря потребовала деньги обратно. Однако начальник ГУДП Н. А. Зверев, хотя и предписал Филиппову внести новый залог, не спешил возвращать прежний залог Лепёшкиной. 29 декабря он пояснил, что она согласно закону должна ждать целый год. После целого года жалоб деньги будут возвращены ей лишь 7 января 1905 г.⁵

В отличие от бурно обсуждавшегося предыдущего номера «Русского обозрения» 1901 г., в декабре 1903 г. новый выпуск журнала прошёл незамеченным для современников. Тем не менее его содержание заслуживает отдельного рассмотрения.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 8. Д. 576. Л. 169–170.

² Переписка Горького и Андреева (1889–1916) / комм. В. Н. Чувакова // Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М.: Наука, 1965. С. 86; Тарасова А. А. Указ. соч. С. 242.

³ Андреев Л. Н. Впечатления. М., 2010. С. 30; Письма Леонида Андреева к М. П. Неведомскому // Искусство. 1925. № 2. С. 270.

⁴ Тарасова А. А. Указ. соч. С. 243.

⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 8. Д. 576. Л. 171–178, 189–194.

Социально-политическая программа «Русского обозрения» 1903 г.

В новом номере «Русского обозрения» абсолютно преобладала публицистика (7 материалов из 11). Тон задавало вступительное слово Филиппова («От редакции»), в котором, по словам В. Н. Чувакова, «содержался призыв отрешиться от партийной и кружковой борьбы и объединиться на пользу отечеству и “мудрому служению государственным интересам”»¹. Действительно, Филиппов заявлял о желании «объединить в чисто русском журнальном предприятии разрозненные литературные русские силы и дать русскому обществу действительно русский орган, независимый от кружков и партий, свободный от чуждых нам наслоений и настроений. Настоящий момент, по мнению редакции, представляется чрезвычайно благоприятным для возникновения и успеха такого органа»². По словам мыслителя, «кружковая и партийная жизнь достигли апогея своих крайностей; в России не осталось ни одного печатного органа, свободного от фанатичных давлений кружковщины; правда жизни, как искра, тлеет только в кабинетах одиноких мыслителей да в горнилах народной мысли; жизнь же культурного общества, как известного корпоративного начала, переплелась сетью лжи и взаимного недоверия; слова “провокаатор” и “сикофант” стали самым употребительным выражением людского отчуждения во всех литературных лагерях. Запустение духа достигло своих пределов, и в данную минуту уже можно наблюдать реакцию, еле уловимое течение к примирению, к солидарности и дружной работе на пользу всем нам одинаково дорогой родины». В полном противоречии с реалиями России 1903–1904 гг. Филиппов утверждал, будто в стране чувствуется «примирительное течение», что публицисты устали от полемики, «всем

хочется тихого служения правде и красоте, справедливости и чести». «Благотворный поворот к лучшему чувствуется в каждом органе; непримиримые хотят мира, кружковщина и фанатизм теряют поле сражения, на пепелище сектаторства, как феникс, возрождается великое национальное чувство, одухотворённое неисчерпаемой любовью к родине и всему родному, одушевляемое гордым сознанием принадлежности нашей к культурным народам», – заключал редактор «Русского обозрения»³. Таким образом, он возвращался к своей излюбленной идее надпартийного печатного органа, под эгидой которого могли бы уживаться авторы различных политических ориентаций. Подобную широкую программу проводил в жизнь первый редактор «Русского обозрения» Д. Н. Цертелев в 1890–1892 гг., она снова будет востребована в период 1909–1914 гг. (в т. ч. тем же Филипповым), но в 1903 г. такая программа выглядела явно неуместной, преждевременной и непопулярной.

Наряду с этим Филиппов посвятил ряд страниц осмыслению проблемы национализма и космополитизма. Он хвалил природную русскую терпимость (в современной терминологии «толерантность»), но отмечал: «Между национальной терпимостью и космополитизмом лежит глубокая пропасть, через которую нельзя перекинуть моста. Космополитизм отрицает национальность; терпимость её украшает, космополитизм – морила народного творчества и горе тому народу, который ищет в слиянии наций – свою историческую миссию. Гибель национального творчества равносильна смерти народа, но обособление точно также противно здоровому духу нации. Мы должны брать от других всё хорошее, но более обязаны дорожить своим хорошим, и пуще всего бояться замены действительно устойчивого родного миссурным блеском чужого». Филиппов утверждал: «Россия едва ещё вступила

¹ Переписка Горького и Андреева. С. 86.

² [Филиппов А. Ф.] От редакции // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. I.

³ Там же. С. II.

в возраст зрелого государства, но о ней уже говорят, что „Россия только для русских“. Это выражение необходимо принимать с осторожностью и непременно с маленьким коррективом. Есть Россия физическая и Россия духовная. Да, Россия, как территория – только для русских, но Россия духовная – для всего мира! Пусть у этого великого костра мысли и духа, бодро горящего на протяжении десятков тысяч верст – греется вся вселенная и прежде всего, сами мы, русские люди, слишком далеко раскиданные друг от друга и разделённые враждебными перегородками¹.

Пройдет несколько лет, и после 1909 г. подобные проповеди будут звучать из-под пера опытных политиков-либералов П. Б. Струве и В. А. Маклакова, из уст умеренных националистов В. В. Шульгина и П. Н. Балашова, от знаменитых авторов «Вех». Но в 1903 г. из уст Филиппова идеи сочетания национальной гордости и здравого патриотизма под знаменем центризма ещё не могли быть восприняты ни либеральной и социалистической, ни правой, монархической общественностью. Что касается лозунга «Россия для русских», чрезвычайно сложная и запутанная история которого блестяще вскрыта в книге А. А. Иванова [2], то буквально каждый публицист к началу XX в. истолковывал его по-своему. Филипповскую интерпретацию сложно назвать ясной. Признавая всемирную миссию русской культуры, он в то же время говорил о России как о «территории только для русских». Правда, Филиппов всегда понимал под русскими все народы Российской империи и не раз заявлял о себе как об имперском националисте, но в контексте процитированной статьи это было не очевидно для читателей и легко могло приводить к недоразумениям и обвинениям автора в шовинизме.

Дополнительный повод к этому давали следующие слова Алексея Фроловича о том, что редакция журнала намерена

¹ Там же. С. II–III.

«посильно служить чисто русским идеям и способствовать возрождению национального самосознания» и надеется, что «русские люди радушно отзовутся на наш призыв к мирной и дружной работе на пользу отечества, к мудрому служению государственным интересам». В напыщенном стиле Филиппов обещал проводить «государственную точку зрения в освещении вопросов» и «величаво служить родине». Он призывал брать пример с европейской прессы, которая ставит общенациональные интересы выше партийных и «идёт рука об руку со своим правительством, не позволяя себе, как у нас, видеть злонамеренность там, где следует искать только ошибку»². Такой прагматичный подход редактор «Русского обозрения» обещал проводить в жизнь, критикуя русскую печать за отвлечённые, односторонние, пристрастно-партийные нападки на правительство. Однако при анализе остальных материалов анализируемого выпуска филипповского журнала оказывается, что его идейный облик был эклектичным, невнятным и не вполне соответствующим декларации «От редакции»

Статья некоего Д. А. «Патриотизм»³ развивала идеи Филиппова. Она началась со славянофильских ноток: «Как во многом, так и в вопросе патриотизма наша недомыслящая и полуобразованная интеллигенция облюбовала один ничтожный побочный ручеек социальных тенденций Запада и сделала его единственным руслом своего мышления»⁴. Но в каждой западной стране, говорил автор, есть свой патриотизм и национализм, есть почтение к семье и предкам. Отсюда он выводил националистическую программу для России: «Если народ не проникнут одною душой, то это не народ, но уравновешенная борьба appetitов и вожделений. Самостоятельное существо-

² [Филиппов А.Ф.] От редакции. С. III–IV.

³ Д.А. Патриотизм // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 78–84.

⁴ Там же. С. 79.

вание такого скопления людей весьма непрочно»¹. В качестве отрицательных примеров назывались поздний Рим и современная Австрия. Вместе с тем автор статьи не ограничивался катковским требованием политического единства российской нации, а в духе К. Н. Леонтьева и Л. А. Тихомирова делал акцент на культурной и идейной общности: «Политическое единство достаточно, чтобы установить государство, но его недостаточно для установления отечества, которое может пережить само государство. Представление об отечестве даёт государству силу и прочность. На идее отечества происходит та концепция народной энергии, без которой государство не может существовать. Поэтому все элементы населения, не только враждебные, но и равнодушные к этому представлению, должны разлагать государственный организм»². «Государство сильно и прочно лишь солидарностью его населения», – провозглашал публицист, призывая утвердить в России единые учреждения и верования, не останавливаясь даже перед чистками по примеру Черногории³.

Д. А. обрушивал критику на немецкое влияние в России, подкреплённое расцветом русофобии и сепаратизма на окраинах. В таких условиях, развивал он мысль Филиппова, космополитизм делает русский народ беззащитным. Публицист выдвигал лозунг: «Россия для русских, то есть Россия для тех, кто любит её, служит ей во имя приносимой пользы, готов своею кровию защищать её»⁴. Автор статьи обращал внимание на то, что в Германской империи государственная патриотическая программа воспитания существует с 1890 г., в России же ничего подобного на тот момент не было. Автор упоминал учение В. Г. Белинского о национальном духе и языке и явно отсылал к представлению Фихте и Гегеля о патриотизме. В

некотором смысле рассмотренная статья Д. А. предвосхищал призывы будущей филипповской газеты «Дым Отечества» (1912–1914 гг.) брать пример с немецкого национализма и воспитывать в аналогичном духе русскую молодежь, пусть и в целях борьбы с самой Германией.

Содержание последнего номера «Русского обозрения»

Другие статьи рассматриваемого выпуска «Русского обозрения» носили узкоспециальный характер. В частности, работа Е. Н. Тарновского была переполнена статистическими таблицами данных о преступности в странах Европы и её неравномерной динамике за последние полвека⁵. Своеобразно перекликалась с этим материалом заключительная статья номера, автор которой скрывался за псевдонимом Икс (наверняка им был сам Филиппов)⁶. В ней вновь звучала критика в адрес неподобающего поведения русской прессы, расширявшаяся до масштабов критики российской армии, либералов, средних сословий, народных театров, порнографии и вообще многих явлений общественной жизни. Автор перечислял разнообразие случаев драк, самоуправства, административного произвола в разных городах России. Ехидно отмечалось, что либералы, требуя свободы слова, сами являются её душителями на местах, как орловский предводитель дворянства М. А. Стахович, не пропускавший в печать протоколы губернского земского собрания.

Весьма специфичны в новом номере «Русского обозрения» были сразу три статьи о женском вопросе. Автором первой из них был одиозный протеже князя В. П. Мещерского и женоненавистник И. И. Колышко, который осмеливался критиковать христианскую моногамию

¹ Там же. С. 80.

² Там же. С. 80–81.

³ Там же. С. 84.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Тарновский Е. Н. Движение преступности в Западной Европе // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 28–53.

⁶ Икс. Из русской жизни // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 107–116.

и в то же время рассуждал о слабо выраженном «Я» у женщин, которые чаще выступают в роли ведомых, жертвывая своей жизнью любимым людям. Лицемерно звучали призывы Кольшко к женщинам вступать в брак и становиться матерями, отказаться от феминизма, подвергать obstructии «пустоцветов», не вышедших замуж¹.

Статья «Мировая любовь и женщины» была анонимной и основывалась на цитатах французских биологов о любви как феномене борьбы организмов за жизнь. В полном противоречии со статьей Кольшко здесь утверждалось, что женщины должны получить равноправие, могут быть учительницами в школах и т. д., хотя разводы и бездетность современных французов осуждались и в этой статье².

Наконец, ещё одна заметка представляла собой перевод обзорной статьи начальницы американского женского колледжа в Константинополе Мэри Патрик о женском образовании в Германии³. Подчеркивалось, что за пределами Пруссии в 1898 г. появились женские гимназии, в Гейдельбергском университете женщины могли получить учёную степень, но в Пруссии они не допускались даже как вольнослушательницы. Таким образом, 3 разнородные статьи о женском вопросе противоречили друг другу и создавали у читателей «Русского обозрения» ощущение неясности позиции редакции по данной проблеме.

Две статьи рассматриваемого номера касались религиозных вопросов. Статья А. И. Яцимирского носила исторический характер⁴. В ней (к сожалению, с грубыми опечатками в датах) перечислялись

разнообразные реликвии, подаренные молдавским и валашским монастырям российскими царями и императорами XVI–XIX вв. В публикации были приведены примеры русских пожертвований, отправки посольств, ремонта церквей в Дунайских княжествах, опровергнут слух о якобы ушедшей в Немецкий монастырь дочери Петра I Марии. Появление такой статьи можно объяснить устойчивым интересом Филиппова к любым окраинам Российской империи.

За ней следовала перепечатка материала из «Миссионерского обозрения», содержащего рассуждения английского писателя Р. Лонга о Льве Толстом⁵. Толстовская тема не раз звучала в «Русском обозрении» в 1890-е гг., да и Филиппов в 1900 г. лично посещал Толстого, а в 1901 г. опубликовал в своём журнале постановление Синода об отлучении писателя от церкви. На сей раз статья Лонга о Толстом в «Русском обозрении» была крайне невнятной. Писатель обрисовывался в ней как глубоко двойственный человек, высказывающий подчас прямо противоположные мнения. В то же время Лонг утверждал, что «Толстой думал не о своём собственном спасении, а о спасении русского общества», хотя его нельзя причислить к либералам или революционерам. Автор считал, что писатель ближе к славянофилам в отрицании применимости к России западных моделей («русские больше христиане, чем европейцы»), но в то же время не чужд кооперативному социализму. Определённый интерес представляет описание Толстого: «Его внешность – внешность интеллектуального фанатика, не мечтателя. У него, как и у Тургенева, выражение преобразившегося мужика. Но в нём нет ничего похожего на лучшие типы христолюбивого крестьянина... Общее выражение лица аскетическое и раздражительное,

¹ Кольшко И. И. О женском вопросе // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 66–71.

² Мировая любовь и женщины // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 72–77.

³ Патрик М. Женское образование в Германии // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 101–106.

⁴ Яцимирский А. И. Благотворительность русских государей в Румынии в XVI–XIX вв. // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 1–19.

⁵ Английский писатель R.E.C. Long о графе Л. Н. Толстом как мыслителе и деятеле («Миссионерское обозрение») // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 20–27.

во взгляде – что-то *татарски-жестокое*. Его лицо подходит скорее казачьему офицеру, чем мечтательному, добродушному крестьянину»¹.

Некогда внушительный раздел прозы в «Русском обозрении» теперь сжался до маленького рассказа И. П. Белоконовского «Из-за процентов» о том, как гусар не доверяет земству и банкирам и занижает площадь своего имения, чтобы меньше платить за кредит². Удивительно, что Белоконовский был опытным революционером, прошедшим сибирскую ссылку и к моменту описываемых событий эволюционировавшим от народничества к либерализму. Публикация рассказа такого автора делала монархиста Филиппова неблагоприятным редактором в глазах властей.

Наконец, славившемуся в 1890-е гг. научному разделу «Русского обозрения» теперь наследовала только одна статья известнейшего военного музыканта А. А. Берса. Как раз перед этим вышел его труд «Что такое понимание музыки», жестоко раскритикованный А. В. Луначарским³. Для «Русского обозрения» же Берс представил статью «Психологическое воздействие музыки», в которой ставил вопрос о том, как физиологическое восприятие различных характеристик звука переходит в эмоции⁴. Эта тематика не была нова в журнале: в 1890 г. Н. Ю. Зограф публиковал там же цикл статей «Музыка природы»⁵. В отличие от него, Берс высказывался против подражания природным звукам в музыке и подчеркивал искусственность многих элементов авторской музыки. «Художественное

чувство подсказывает гениальным композиторам то, до чего наука додумалась только при помощи философских соображений», – заключал он⁶.

Несомненно, что все рассмотренные выше материалы, опубликованные Филипповым, по-своему интересны, однако они подбирались преимущественно случайно, и читатели не могли судить по ним об идейном направлении журнала. Его последний выпуск оказался достаточно эклектичным.

Заключение

Таким образом, недооцененный исследователями выпуск «Русского обозрения» за 1903 г. оказался последним в относительно долгой и славной истории этого журнала. Предложенная А. Ф. Филипповым программа умеренного «имперского национализма» не была понята читателями, оттолкнула от журнала и правые, и левые силы. Содержательное наполнение рассмотренного номера «Русского обозрения» оказалось эклектичным. Несомненно, Филиппов сделал всё возможное для того, чтобы при отсутствии финансов возродить некогда славный печатный орган, однако не смог сохранить коллектив именитых сотрудников, окончательно утратил доверие властей и смирился с отсутствием перспектив возобновленного «Русского обозрения». Он числился издателем-редактором журнала на протяжении шести лет, но издал всего лишь два номера. В 1904 г. Филиппов будет зондировать почву на предмет перевода редакции «Русского обозрения» в Петербург, но вновь безуспешно. К 1905 г. его внимание будет всецело поглощено иными проектами и изданиями. Неспособность Филиппова без поддержки сверху интересно и разносторонне осветить жизнь русского общества в это бурное время внесла свою лепту в крах одного из самых оригинальных русских журналов консервативного направления рубежа XIX–XX вв. Тем не

¹ Там же. С. 232.

² Белоконовский И. П. Из-за процентов // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 54–65.

³ Луначарский А. В. Что такое понимание музыки? Рецензия на «психологический очерк» А. А. Берса (СПб., 1903, 49 с.) // Образование. 1903. № 11. С. 113–116.

⁴ Берс А. А. Психологическое воздействие музыки // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 85–100.

⁵ Зограф Н. Ю. Музыка природы // Русское обозрение. 1890. № 5. С. 264–279; № 6. С. 765–781; № 7. С. 204–219; № 9. С. 310–336.

⁶ Берс А. А. Психологическое воздействие музыки // Русское обозрение. 1903. Вып. 1–3. С. 97.

менее высокой оценки заслуживает предвосхищение в рассмотренном выпуске журнала некоторых новых тенденций в общественном мнении в России, про-

явившихся в полную силу уже после революции 1905–1907 гг.

Статья поступила в редакцию 18.11.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведерников В. В. «Русское обозрение» // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 432–436.
2. Иванов А. А. Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.
3. Медоваров М. В. А. Ф. Филиппов и возобновление журнала «Русское обозрение» (1898–1904 гг.) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2018. № 5. С. 27–33.
4. Сергеев А. С. Литературная критика в журнале «Русский вестник» 1900-х годов: дис. ... канд. фил. наук. Саратов, 2015. 223 с.
5. Сергеев А. С. Творчество Леонида Андреева в оценке «Русского вестника» 1900-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 2. С. 64–70.
6. Сергеев А. С. Творчество Максима Горького в оценке «Русского вестника» 1900-х годов // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 4 (60). С. 174–177.
7. Тарасова А. А. Реакционно-охранительная журналистика // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М.: Наука, 1982. С. 234–260.
8. Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. СПб.: Пушкинский дом, 2013. 1056 с.

REFERENCES

1. Vedernikov V. V. [«Russkoe obozrenie»]. In: *Russkij konservatizm serediny XVIII – nachala XX veka: enciklopedija* [Russian Conservatism in the Middle 18th – Early 20th centuries: An Encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. P. 432–436.
2. Ivanov A. A. Vyzov nacionalizma: Lozung Rossija dlja russkikh» v dorevoljucionnoj obshhestvennoj mysli [Challenge of Nationalism: Slogan «Russia for Russians» in Pre-Revolutionary Social Thought]. S.Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2016. 511 p.
3. Medovarov M. V. [A. F. Filippov and the Renewal of «Russkoe Obozrenie» journal (1898–1904)]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 2018, no. 5, pp. 27–33.
4. Sergeev A. S. *Literaturnaja kritika v zhurnale «Russkij vestnik» 1900-h godov: dis. ... kand. filol. nauk* [Literary Criticism in the «Russkij Vestnik» Journal in 1900s: PhD thesis in Philological sciences]. Saratov, 2015. 223 p.
5. Sergeev A. S. [Leonid Anrdreev's Creativity in the Assessment of «Russkij Vestnik» in 1900s]. In: *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Saratov University News. New Series. Series Philology, Journalism], 2015, no. 2, pp. 64–70.
6. Sergeev A. S. [Maxim Gorky's Creativity in the Assessment of «Russkij Vestnik» in 1900s]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i socialnye nauki* [Scholarly Memoirs of Orel State University. Series Humanities and Social Sciences], 2014, no. 4 (60), pp. 174–177.
7. Tarasova A. A. [Reactionary-Potective Journalism]. In: *Literaturnyj process i russkaja zhurnalistika konca XIX – nachala XX veka. 1890–1904. Burzhuazno-liberalnye i modernistskie izdaniya* [Literary Process and Russian Journalism of the late 19th – early 20th century. 1890–1904. Bourgeois Liberal and Modernist Organs of Press]. Moscow, Nauka Publ., 1982. P. 234–260.
8. Fateev V. A. *Zhizneopisanie Vasilija Rozanova* [Biography of Vasily Rozanov]. S.Petersburg, Pushkin Dom Publ., 2013. 1056 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Медоваров Максим Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского;

e-mail: mmedovarov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim V. Medovarov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Informatic Technologies in Humanitarian Studies Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

e-mail: mmedovarov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Медоваров М. В. Последний номер журнала «Русское обозрение» (1903 г.): подготовка, программа, содержание // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 81–90.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-81-90

FOR CITATION

Medovarov M. V. The last issue of the “Russkoe obozrenie” journal (1903): Preparation, program, content. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 81–90.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-81-90

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-91-99

КОГДА ЖЕ СОСТОЯЛОСЬ ПОДЛИННОЕ ОСНОВАНИЕ КОМИНТЕРНА?

Суздальцев И. А.*ГБОУ Школа № 1381**129346, г. Москва, ул. Коминтерна, д. 52, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть вопрос о том, какую дату считать фактическим основанием Коммунистического Интернационала – международной организации, объединявшей коммунистические партии в 1919–1943 гг.

Процедура и методы. В работе проанализирована литература, делопроизводственные материалы, а также программные и организационные документы Коминтерна для выявления особенностей деятельности Коминтерна в период между первыми его конгрессами (с марта 1919 г. по июль 1920 г.)

Результаты. Сделан вывод, что допустимо считать Коминтерн действующей международной организацией с момента его основания.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введён ряд организационных документов, посвящённых деятельности Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала.

Ключевые слова: I конгресс Коминтерна, II конгресс Коминтерна, ИККИ, РКП(б), Малое Бюро ИККИ

WHEN WAS COMINTERN ACTUALLY FOUNDED?

I. Suzdaltsev*GBOU School no. 1381**52 Comintern ul., Moscow 129346, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the question of what date should be considered the actual foundation of the Communist International (Comintern) – an international organization that united the communist parties in 1919–1943.

Methodology. Research literature, office-work materials, as well as program and organizational documents of Comintern were analysed to identify the specific features of Comintern's activities in the period between its first congresses (from March 1919 to July 1920).

Results. It is concluded that Comintern can be considered as a functioning international organization from the moment of its foundation.

Research implications. Previously unknown materials were analysed; a number of organizational documents on the activities of the Executive Committee of the Communist International were introduced into scientific circulation.

Keywords: 1st Comintern Congress, 2nd Comintern Congress, Executive Committee of the Communist International, Russian Communist Bolshevik Party, Small Bureau of the Executive Committee of the Communist International

Введение

В 2019 г. была опубликована монография специалиста по истории Коммунистического Интернационала А. Ю. Ватлина, в которой он приходит к выводу, что «подлинное основание Коминтерна состоялось на его II конгрессе, на который в Москву съехались делегаты из нескольких десятков стран мира» [3, с. 4]. Ранее эта позиция была озвучена А. Ю. Ватлиным в 2014 г. в журнале «Оксфордская история коммунизма» [13, р. 188]. Историки, изучающие деятельность Коминтерна, в основном не акцентируют серьёзного внимания на этом вопросе, видимо, ввиду того, что для них очевидно совпадение формальной и фактической даты основания Коминтерна, либо их в более значительной степени интересуют иные аспекты истории этой международной организации, однако кое-какие оценки данной проблемы в историографии всё же присутствуют.

Схожая позиция с А. Ю. Ватлиным высказывалась ещё в 1997 и 2003 гг. историками Г. М. Адиебековым, Э. Н. Шахназаровой и К. К. Шириней («в период до II конгресса организационная структура ИККИ лишь создавалась» [1, с. 14]), а также К. В. Киселёвым, который считает, что II конгресс фактически явился действительным началом Коминтерна, и готовили его со всей тщательностью [4, с. 232]. Аргументирует историк своё мнение ссылкой на отчёт Исполкома Коминтерна (ИККИ) на II конгрессе, в котором заявлялось, что «задачей I Конгресса было: поднять коммунистическое знамя, провозгласить идею Коммунистического Интернационала, однако существовавшие в это время условия не позволяли сколько-нибудь широко поставить практические вопросы организационного строительства III Интернационала» [4, с. 231].

Однако ряд исследователей придерживаются позиции о гораздо более раннем подлинном основании Коминтерна. Например, А. И. Колпакиди пишет, что

фактически Коминтерн и вовсе был основан ещё до I конгресса: 2 ноября 1917 г. при ВЦИК был создан международный отдел, важнейшей задачей которого было осуществление связей с революционным движением за границей. В результате установления связей с революционно-интернационалистскими партиями и группами было принято решение о созыве конгресса уже в марте-апреле 1918 г., однако, «активизация внутренней контрреволюции и иностранная военная интервенция помешали тогда созыву международной конференции» [5, с. 272–273]. Американский историк К. Маккензи считает, что конгресс не был главным органом Коминтерна, и решающими полномочиями обладал ИККИ, который (названный тогда Бюро ИККИ) был избран на I конгрессе, т. е. уже в марте 1919 г. Коминтерн обладал руководящим органом, сосредоточившим в себе ключевые полномочия [6, с. 21].

Швейцарский историк Г. Ю. Альберт, а также доцент Высшей школы экономики (ВШЭ) А. В. Резник высказывают мнение, что 1919 г. был пиком активизации сторонников идеи мировой революции [2, с. 158], а ко времени II конгресса уже происходила постепенная рутинизация, выражавшаяся в шаблонном копировании официальных риторических формул, в пресловутой «бюрократизации» и растущем политическом отчуждении [2, с. 162]. Британские исследователи Дж. Эли и Д. Пристланд пишут, что в 1919 г. Коминтерн уже был фактически основан, т. к. именно Коминтерн стал импульсом для создания советских республик в Венгрии, Баварии и Словакии [7, с. 189; 12, р. 154–155], а в 1920 г. большевики стали решать новую задачу – централизацию интернационального коммунизма [7, с. 210]. Также Дж. Эли считает, что под влиянием Коминтерна ряд социал-демократических партий, в т. ч. и в 1919 г., покинули Второй Интернационал [12, р. 177].

Аргументация А. Ю. Ватлина в пользу подлинного основания Коминтерна сводится, в основном, к следующему: Учредительный конгресс во многом был обусловлен конъюнктурными соображениями при почти полной изоляции большевиков от их единомышленников в Европе; о его преждевременности предупреждали руководители «Союза Спартака»; сами большевики на II конгрессе говорили о том, что Коммунистический Интернационал на I съезде мог наметить только общие пути пролетариата в борьбе за власть (К. Б. Радек) [3, с. 6]; «Мы были в сущности только пропагандистами, мы только бросали призывы к борьбе» (В. И. Ленин) [3, с. 18]; практически полностью отсутствовали делегаты из-за рубежа [3, с. 17]; в первые месяцы существования Коминтерна лидеры РКП(б) были заняты гражданской войной и внутривнутриполитическими проблемами, мировые проблемы отошли на задний план [3, с. 20].

В заключении монографии А. Ю. Ватлин пишет о том, что II конгресс стал реальным основанием, и что об этом «вслед за Лениным говорили все лидеры большевизма» [3, с. 152], приводя ссылку на страницы т. 41 полного собрания сочинений В. И. Ленина, где присутствует вышеуказанная цитата лидера РКП(б) о том, что «мы были в сущности только пропагандистами»¹, а также его статья в журнале «Коммунистка», где он пишет, что «год тому назад на I конгрессе было только водружено знамя коммунизма, вокруг которого должны были собираться силы революционного пролетариата»². Высказывания же других лидеров «большевизма» не представлены.

Итак, далее в статье с помощью ряда тезисов мы предпримем попытку доказать факт подлинного основания Коминтерна на его I конгрессе.

¹ Ленин В. И. Доклад о международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит.-ры, 1981. С. 235.

² Ленин В. И. Второй конгресс Коммунистического Интернационала // Там же. С. 274.

Созыв I конгресса Коминтерна и оценки его деятельности в 1919 – начале 1920 гг.

В 1919 г. большевики находились в международной изоляции. Но если обратиться к биографиям делегатов I конгресса Коминтерна, то можно установить, что в действительности иностранными делегатами можно считать следующих: Г. Эберлейн (Коммунистическая партия Германии), К. Штейнгардт (Коммунистическая партия Немецкой Австрии), О. Гримлунд (Шведская левая социал-демократическая партия), Э. Станг (Норвежская социал-демократическая партия), Ф. Платтен (Швейцарская социал-демократическая партия), Ю. Сирола, К. Маннер, О. Куусинен, И. и Э. Рахья (Коммунистическая партия Финляндии, хотя с 1918 г. находились в Советской России после бегства из Финляндии, вызванного поражением Красной гвардии в Гражданской войне), А. Гильбо (Циммервальдское левое крыло Франции), Ст. Джоров (Болгарская коммунистическая группа), И. Милкич (Югославская коммунистическая группа), И. Файнберг (Английская коммунистическая группа), Ж. Садуль (Французская коммунистическая группа), С. Ю. Рутгерс (Голландская социал-демократическая группа), Л. Кашер (Швейцарская коммунистическая группа). Даже без учёта Б. Рейнштейна, который в 1901–1917 гг. жил в США, был активистом Социалистической трудовой партии Америки, а также военнопленных социал-демократов, находящихся в Советской России (австрийца К. Петина, венгра Э. Руднянского, немца Г. Клингера, чеха Я. Гандлиржа), получается, что 17 из 52 делегатов I конгресса были представителями зарубежного коммунистического и социал-демократического движения, что составляет практически 1/3 из всех участников конгресса. На II конгрессе тех, кого можно отнести к иностранным делегатам, насчитывалось примерно половина от общего числа; безусловно, количество делегатов серьёзно

возросло, но процентное соотношение иностранных делегатов к российским увеличилось незначительно.

Лидеры РКП(б) на II конгрессе говорили о том, что I конгресс являлся неким началом формирования Коминтерна, но, по нашему мнению, данные высказывания являлись тактическим ходом, продиктованным тем, что в 1919 г. не удалось осуществить перевороты в развитых западноевропейских странах, а советские республики, установленные в течение 1919 г. в Венгрии, Баварии и Словакии, уже были ликвидированы. Соответственно, спустя год после основания III Интернационала, в Европе не существовало ни одной вновь созданной советской республики посредством участия Коминтерна, и была острая необходимость этот факт так или иначе оправдать, в данном случае тем, что Коминтерн ещё находится на стадии формирования.

Обратившись же к 1919 г., можно сделать вывод, что вскоре после I конгресса риторика большевистских «вождей» в отношении успешности революций в Европе, для содействия в осуществлении которых и создавался Коминтерн, была максимально оптимистична: в обращении ИККИ «К трудящимся всего мира» прозвучало: «Не пройдёт и года, как вся Европа будет советской» [10, с. 293]. Председатель ИККИ Г. Е. Зиновьев также писал, что в ближайший год «вся Европа будет коммунистической» [10, с. 293]. Члены РКП(б) Д. З. Мануильский и И. Ф. Арманд считали, что наиболее близкая к революции ситуация весной 1919 г. сложилась во Франции: «Французская революция не за горами» [10, с. 293]; «Франция сейчас уже накануне революции — это можно сказать с уверенностью» [10, с. 293].

Также достаточно однозначно деятели Коминтерна высказывались в 1919 – начале 1920 гг. и о III Интернационале как об организации, уже подлинно основанной и готовой к осуществлению возложенных на него задач.

Среди них:

– В. И. Ленин: «Третий Интернационал фактически создан в 1918 г., когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привёл к образованию коммунистических партий в ряде наций. Новое, третье международное общество рабочих стало уже теперь совпадать в известной мере с союзом советских, социалистических республик»¹; «Третий Интернационал начал осуществлять диктатуру пролетариата»²; «Коммунистический Интернационал за несколько месяцев 1919 г. стал всемирным Интернационалом, ведущим массы»³; «III Интернационал одержал ряд блестящих, невиданных побед за несколько месяцев. Быстрота его роста удивительна»⁴. В начале 1920 г. В. И. Ленин продолжал: «В течение года Коммунистический Интернационал достиг таких побед, которых нельзя было ожидать, и можно смело сказать, что никто не ожидал таких громадных успехов при его основании»⁵.

– Г. Е. Зиновьев: «III Интернационал имеет своей главной базой уже 3 советские республики – в России, в Венгрии и в Баварии. Но никто не удивится, если к тому моменту, когда эти строки появятся в печати, мы будем иметь уже не 3, а 6 или большее количество советских республик»⁶; «Идея международного пролетарского выступления (которое, судя по всему, должен был возглавить Комин-

¹ Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Ленин В. И. Как буржуазия использует ренегатов // Коммунистический Интернационал. 1919. № 5. С. 609.

⁴ Ленин В. И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам // Коммунистический Интернационал. 1919. № 6. С. 914.

⁵ Ленин В. И. Третий Коммунистический Интернационал // Коммунистический Интернационал. 1920. № 10. С. 1453.

⁶ Зиновьев Г. Е. Перспективы пролетарской революции // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 38.

терн. – *прим. авт.*) носится в воздухе»¹; «Всего полгода назад в Москве родился III Коммунистический Интернационал. А теперь он уже стал великой державой. Коммунистический Интернационал имеет уже больше миллиона членов»²; «Коммунистический Интернационал представляет в настоящее время крупнейшую силу, которая уже объединила важнейшие, действительно революционные элементы международного пролетарского движения»³.

– *Ж. Садуль*: «Скоро, самое большое через несколько месяцев (написано в мае 1919 г. – *прим. авт.*), III Интернационал будет во Франции, как и во всех странах Европы, именем великой партии рабочего класса, вокруг знамени которой объединятся все действительно революционные элементы»⁴.

– *К. Цеткин*: существование Коминтерна «ещё не урегулировано параграфами уставов и пунктами программ, но зато оно покоится на более солидном и глубоком основании: на принципах международного социализма»⁵.

И только в преддверии II конгресса в печати стали появляться высказывания, подобные тем, что представлены в монографии А. Ю. Ватлина «Второй конгресс Коминтерна: точка отсчёта истории мирового коммунизма»: «Теперь наступает эпоха непосредственной борьбы за коммунистическую революцию»⁶; «Первый

год работы Коммунистического Интернационала исчерпывается, главным образом, пропагандой и агитацией коммунистических идей»⁷.

Деятельность Коминтерна как международной организации в 1919 – начале 1920 гг.

За 1919 г. к Коминтерну, помимо 35 партий и групп, участвовавших в Учредительном конгрессе, присоединились: Итальянская социалистическая партия, Норвежская социал-демократическая рабочая партия, Шведский социал-демократический союз молодежи, Шведская социал-демократическая партия, Болгарская социал-демократическая партия тесняков, Коммунистическая рабочая партия Польши, 2 коммунистические партии США, Коммунистическая партия Восточной Галиции, Британская социалистическая партия⁸, соответственно за период между конгрессами его представительство и численность значительно увеличились.

На I конгрессе Коминтерна не был принят устав, но, например, II Интернационал и вовсе не имел ни устава, ни программы, ни руководящего центра, однако дата его основания никогда не была темой для дискуссии в исторической науке. В Коминтерне же с 26 марта 1919 г. уже функционировало Бюро ИККИ, 18 июля 1919 г. из его состава было выделено Малое Бюро ИККИ, в августе в ИККИ был введён первый иностранец (поляк Ю. Мархлевский), управление делами ИККИ, отдел международной про-

мирного конгресса Коммунистического Интернационала // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1703.

⁷ Тезисы Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала ко Второму конгрессу Коммунистического Интернационала // Коммунистический Интернационал. 1920. № 11. С. 1705.

⁸ Зиновьев Г. Е. Ко всем рабочим Германии, Центральному комитету Германской коммунистической партии и Центральному комитету Независимой социал-демократической партии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С. 1390.

¹ Зиновьев Г. Е. Две даты // Коммунистический Интернационал. 1919. № 4. С. 438.

² Зиновьев Г. Е. Русская революция и международный пролетариат // Коммунистический Интернационал. 1919. № 6. С. 791.

³ Зиновьев Г. Е. Ко всем рабочим Германии, Центральному комитету Германской коммунистической партии и Центральному комитету Независимой социал-демократической партии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С. 1389.

⁴ Садуль Ж. Третий Интернационал и Франция // Коммунистический Интернационал. 1919. № 1. С. 62.

⁵ Цеткин К. Да здравствует III Социалистический Интернационал // Коммунистический Интернационал. 1919. № 3. С. 286.

⁶ Зиновьев Г. Е., Радек К. Б. О созыве Второго все-

паганды, также в период до II конгресса были созданы восточный отдел и разветвленная сеть подчинённых Коминтерну организаций за рубежом: Бюро III Интернационала в Венгрии, Баварии, Швеции, Норвегии, Голландии, Австрии, Балканское и Ближневосточное бюро Западноевропейский секретариат ИККИ [1, с. 7–13]. И если в структуры Коминтерна, находящиеся в Москве и Петрограде, входили в основном представители РКП(б), то состав зарубежных бюро практически полностью был представлен иностранными коммунистами и социал-демократами.

С мая 1919 г. стал выпускаться главный печатный орган Коминтерна – журнал «Коммунистический Интернационал», в период между конгрессами вышли в свет 11 номеров, в которых в большом количестве публиковались представители зарубежных коммунистических и социал-демократических партий: Л. Рудаш (Венгрия), Г. Эберлейн (Германия), Штейнгардт (Австрия), Ф. Платтен и А. Картины (Швейцария), Ф. Лорио (Франция), С. Рутгерс, А. Паннекук, Г. Роланд Холст (Нидерланды), С. Панкхёрст и А. Инкпин (Великобритания), Э. Станг и Я. Фринс (Норвегия), Дж. Маклин (Шотландия), И. Милкич (Югославия), Ю. Мархлевский (Польша), З. Арборералли (Румыния), О. Гримлунд (Швеция), Дж. Рид (США), С. Катаяма (Япония) и др. Регулярно приводилась хроника революционного движения за рубежом, печатались письма от зарубежных коммунистов, описывающих текущую политическую ситуацию в их странах. Поэтому, как выразился Н. И. Бухарин, номера «Коммунистического Интернационала» не носили русский характер¹. Также в Москву со значительными сложностями доставлялась зарубежная пресса для оценки руководством Коминтерна ситуации в отдельных европейских странах (через шведских, английских и немецких

матросов²). Бюро ИККИ получило доступ к радио Народного комиссариата по иностранным делам и всех сообщений дипломатического характера³.

О функционировании Коминтерна как международной организации говорит факт значительного финансирования им формирующихся зарубежных компартий: к маю Коминтерн по решению Политбюро ЦК получил 4 млн руб.⁴, часть из которых была отправлена за рубеж: в марте в Болгарию – 20 тыс. руб.⁵, в апреле в Чехию – 20 тыс., в Германию – 32 тыс.⁶, в конце апреля еще 250 тыс.⁷. В мае сумма ассигнований в Германию возросла до 500 тыс. руб.⁸; в июле по 500 тыс. руб. были отправлены в Англию, Францию и Голландию⁹; в августе – по 250 тыс. руб. в Германию¹⁰ и Австрию¹¹; в сентябре – по 500 тыс. в США и Голландию¹²; в октябре – 2 млн руб. в Германию¹³; в ноябре – по 200 тыс. в США¹⁴, Чехословакию и Францию¹⁵, в Венгрию –

² Письмо Меньшого (Гая) В. И. Ленину с извещением о получении его записки и с информацией о ходе работы по собиранию заграничной партийной литературы // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 3. Д. 194. Л. 1.

³ Протоколы заседания ИККИ от 26 марта 1919 г. // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б). 7 мая 1919 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 28.

⁵ Протокол №2 заседания Бюро ИККИ от 28 марта 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁶ Протокол №9 Бюро ИККИ. Заседание от 21 апреля 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

⁷ Протокол №13 заседания Бюро ИККИ от 29 апреля 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 25.

⁸ Протокол №15 заседания Бюро ИККИ от 15 мая 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.

⁹ Протокол №19 заседания Бюро ИККИ от 1 июля 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

¹⁰ Протокол №24 заседания Бюро ИККИ от 22 августа 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 50.

¹¹ Протокол №25 заседания Бюро ИККИ от 30 августа 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 51.

¹² Протокол №26 заседания Бюро ИККИ от 16 сентября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 52.

¹³ Протокол №30 заседания Бюро ИККИ от 25 октября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 77.

¹⁴ Протокол №31 заседания Бюро ИККИ от 11 ноября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.

¹⁵ Протокол №32 заседания Бюро ИККИ от 18 ноября 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.

¹ Протокол заседания Исполнительного Комитета от 10 августа 1920 г. // РГАСПИ Ф. 495. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

400 тыс.¹; в декабре – 1 млн руб. для Шведского бюро², 2 млн руб. – во Францию³, 300 тыс. руб. – в Югославию⁴. В феврале 1920 г. финские и латвийские коммунисты получили по 5 млн рублей, далее Оргбюро ЦК РКП(б) постановило ежемесячно ассигновать по 2 млн рублей⁵. В июне – американским коммунистам были отправлены 100 тыс. долларов⁶. Да, действительно, в первые месяцы существования Коминтерна лидеры РКП(б) были заняты гражданской войной и внутривнутриполитическими проблемами, однако, помимо указанных нами фактов финансирования, существует также точка зрения, что весной-летом 1919 г. большевики даже в сложившейся тяжелой для них ситуации в Гражданской войне планировали в случае успешного итога переговоров с организатором повстанческой войны на Украине атаманом Н. А. Григорьевым отправить его отряды на помощь Венгерской советской республике [11, с. 150], однако этот план не осуществился. Соответственно, вопросы зарубежных революций были одними из приоритетных для руководства Коминтерна даже в 1919 г.

Заключение

Таким образом, по нашему мнению, даты формального и фактического основания Коммунистического Интернационала совпадают, т. к. I конгресс был достаточно широко представлен иностранными делегатами (особенно в условиях международной изоляции Советской России); лидеры РКП(б) в 1919

– начале 1920 г. вполне очевидно высказывались в прессе о целях Коминтерна, его достижениях за указанный период, а также о мировой революции, которая должна была произойти при непосредственном в ней участии III Интернационала; количество политических партий, находящихся в Коминтерне, за данный период увеличивалось и к началу II конгресса насчитывало немногим меньше 50; было создано значительное количество организаций Коминтерна за рубежом, в которые входили в основном представители тех стран, где эти организации функционировали; было издано 11 номеров журнала «Коммунистический Интернационал», где в достаточно большом количестве были представлены статьи зарубежных коммунистов и социал-демократов; зарубежным коммунистическим и социал-демократическим партиям и группам было оказано значительное финансирование в размере нескольких миллионов рублей, что даже с учётом инфляции представляется значительной суммой, причём часть их них переправлялась золотом и драгоценностями, ещё часть материальной поддержки осуществлялась в иностранной валюте.

Коминтерн в 1919 – начале 1920 г. уже серьёзно функционировал, иначе как объяснить тот факт, что благодаря ему был зафиксирован идейный раскол между коммунистами и теми социал-демократами, которые входили во II Интернационал [8, с. 118]. К тому же идеологическая концепция самого Коминтерна уже в период между первыми двумя конгрессами претерпела изменения. Идея мировой революции по-прежнему являлась первоочередной задачей, Г. Е. Зиновьев и Л. Д. Троцкий, например, считали, что господствующие классы не способны восстановить экономической положение в Европе, однако В. И. Ленин склонялся уже к более «гибкой» тактике, допуская деятельность компартий при парламентаризме и в профсоюзах. В схожем русле высказывался и Бухарин, также подра-

¹ Там же.

² Протокол №33 заседания Бюро ИККИ от 1 декабря 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.

³ Там же. Л. 87.

⁴ Протокол №40 заседания Бюро ИККИ от 27 декабря 1919 г. // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 1. Л. 124.

⁵ Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б) 9 февраля 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 38.

⁶ Из протокола №23 заседания Политбюро ЦК РКП(б) 29 июня 1920 г. // Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. М.: РОССПЭН, 2004. С. 49.

зумеая участие в парламентской деятельности, если это вызвано необходимостью конкретного исторического момента [9, с. 54]. Соответственно, в 1919 г. в Коминтерне, уже имевшем определённое влияние в мировой политике, был

заложен фундамент для эволюции его тактики и стратегии, что также говорит о полноценном функционировании его как международной организации.

Статья поступила в редакцию 19.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Адиебеков Г. М., Шахназарова Э. М., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М.: РОССПЭН, 1997. 287 с.
2. Альберт Г. Ю., Резник А. В. Основание Коммунистического Интернационала в советской политической коммуникации, 1917–1919 гг. // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 4 (47). С. 157–167.
3. Ватлин А. Ю. Второй конгресс Коминтерна: точка отсчёта истории мирового коммунизма. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 176 с.
4. Киселев К. В. К вопросу о логике развития организационной структуры мировой партии (Коминтерн и судьба мирового коммунизма) // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2003. № 4. С. 227–261.
5. Колпакиди А. И. Коминтерн: что это было? // Коммунизм и фашизм: Братья или враги? / ред.-сост. И. Пыхалов. М.: Яуза-пресс, 2008. С. 269–300.
6. Маккензи К. Коминтерн и мировая революция. 1919–1943. М.: Центрполиграф, 2008. 352 с.
7. Пристланд Д. Красный флаг: история коммунизма. М.: Эксмо, 2006. 973 с.
8. Сорокин А. К., Лукашин А. В., Тимофеева М. А. «Василий Иванович, ты за какой Интернационал? – А Ленин за какой?». О чём дискутировали делегаты Первого конгресса Коминтерна, состоявшегося 100 лет назад // Родина. 2019. № 4. С. 118–125.
9. Суздальцев И. А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. 206 с.
10. Суздальцев И. А. Формирование и изменение тактики Коммунистического Интернационала в 1919–1922 гг. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды / отв. ред. Ю. А. Петров, В. Н. Круглов. М., 2020. С. 292–298.
11. Ульрих Ю. Лев Каменев – умеренный большевик. Судьба профессионального революционера. М., 2013. 304 с.
12. Eley G. Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000. Oxford: Oxford university press, 2002. 698 p.
13. Vatlin A. The Evolution of the Comintern, 1919–1943 // The Oxford handbook of the history of communism / S. A. Smith, ed. Oxford: Oxford university press, 2014. P. 188–194.

REFERENCES

1. Adibekov G. M., Shakhnazarova E. M., Shirinya K. K. *Organizatsionnaya struktura Komintern. 1919–1943* [Organizational structure of the Comintern. 1919–1943]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 287 p.
2. Albert G. Yu., Reznik A. V. The founding of the Communist International in Soviet political communication, 1917–1919. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Perm University. History], 2019, no. 4 (47), pp. 157–167.
3. Vatlin A. Yu. *Vtoroy kongress Komintern: tochka otscheta istorii mirovogo kommunizma* [Second Congress of the Comintern: the starting point of the history of world communism]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. 176 p.
4. Kiselev K. V. On the Logic of Development of the Organizational Structure of the World Party (Comintern and the Fate of World Communism). In: *Nauchnyy yezhegodnik IFiP UrO RAN* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Politics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2003, no. 4, pp. 227–261.
5. Kolpakidi A. I. Comintern: what was it? In: Pykhalov I., ed. *Kommunizm i fashizm: Bratya ili vragi?* [Communism and Fascism: Brothers or Enemies? Collection]. Moscow, Yauza-press Publ., 2008. P. 269–300.

6. Mackenzie K. *Komintern i mirovaya revolyutsiya. 1919–1943* [Comintern and the World Revolution. 1919–1943]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008. 352 p.
7. Pristland D. *Krasnyy flag: istoriya kommunizma* [Red Flag: The History of Communism]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 973 p.
8. Sorokin A. K., Lukashin A. V., Timofeeva M. A. «Vasily Ivanovich, what International are you for? – And what is Lenin for?». What the delegates of the First Congress of the Comintern, held 100 years ago, discussed. In: *Rodina* [Rodina], 2019, no. 4, pp. 118–125.
9. Suzdaltsev I. A. *Bolsheviki i politika Kominterna v 1919–1924 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [The Bolsheviks and the Politics of the Comintern in 1919–1924: PhD thesis in Historical sciences]. Mytishchi, 2019. 206 p.
10. Suzdaltsev I. A. [Formation and change of tactics of the Communist International in 1919–1922]. In: Petrov Yu. A., Kruglov V. N., ed. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novyye vzglyady* [History of Russia from ancient times to the 21st century: problems, discussions, new views]. Moscow, 2020. P. 292–298.
11. Ulrich Y. *Lev Kamenev – umerenny bolshevik: Sudba professional'nogo revolyutsionera* [Lev Kamenev – a moderate Bolshevik: The fate of a professional revolutionary]. Moscow, 2013. 304 p.
12. Eley G. *Forging Democracy: The History of the Left in Europe, 1850–2000*. Oxford: Oxford university press, 2002. 698 p.
13. Vatlin A. The Evolution of the Comintern, 1919–1943. In: Smith S. A., ed. *The Oxford handbook of the history of communism*. Oxford: Oxford university press, 2014. P. 188–194.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суздальцев Илья Алексеевич – кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ Школа № 1381; e-mail: ialoko90@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Suzdaltsev – Cand. Sci. (History), teacher of History, GBOU School № 1381; e-mail: ialoko90@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Суздальцев И. А. Когда же состоялось подлинное основание Коминтерна? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 91–99.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-91-99

FOR CITATION

Suzdaltsev I. A. When was Comintern actually founded? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 91–99.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-91-99

УДК 94(470) «1941/1945»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-100-113

ОБРАЗЫ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОМ ПЛАКАТЕ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.

Ларионов А. Э., Дворковая М. В.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить особенности репрезентации детских образов в советском пропагандистском плакате периода Великой Отечественной войны.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ источников по истории советской пропаганды 1941–1945 гг. с опорой на результаты исследований истории советской пропаганды в трудах отечественных учёных. В исследовании использовались методы: идеографический, историко-генетический и типологический методы. Кроме того, был применён метод частотного анализа с той оговоркой, что в роли исходных смысловых единиц выступают не лингвистические структуры, а визуальные образы.

Результаты. Образы детства занимали значимое место в едином нарративе советской визуальной пропаганды на всём протяжении Великой Отечественной войны. Образы детей служили мощным средством консолидации советского общества ради будущего, мотивируя людей в тылу и на фронте на сверхнапряжение. Сакрализация детства и восприятие всех детей как общего достояния и активных участников борьбы за будущее страны позволяет говорить о дуалистическом характере советского общества: традиционная сущность при внешних формах модерна, что сохранило за Россией статус субъекта истории.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщённые в статье данные и полученные результаты могут стать базой для дальнейших исследований в сфере истории социальных коммуникаций советского времени, а также способствовать патриотическому воспитанию учащихся в школьном и вузовском сегментах современного российского образования.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, массовая пропаганда, плакат, дети, традиционное общество

IMAGES OF CHILDHOOD ON THE SOVIET POSTER IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

A. Larionov, M. Dvorcovaya

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Annotation

Aim. To identify the distinctive features of the representation of children's images on Soviet propaganda posters created in the period of the Great Patriotic War.

Methodology. A comprehensive analysis of sources on the history of Soviet propaganda between 1941 and 1945 was performed. The research was supported by the results of studies on the relevant subject presented in Russian scientists' works. Ideographic, historical-genetic, and typological methods were

used in this scientific investigation. In addition, the method of frequency analysis was employed with the caveat that virtual images but not linguistic structures act as the original units of meaning.

Results. Images of childhood ranked high in the unified narrative of Soviet visual propaganda throughout the Great Patriotic War. Children's social roles and their status in Soviet society underwent major changes. Images of children were a powerful means of consolidating Soviet society for the sake of the future; they motivated people on the home front and on the frontline to withstand tremendous strain. The sacralization of childhood and the perception of all children as society's common heritage and at the same time active participants in the struggle for the future of the country allow us to postulate the dual nature of Soviet society. Its traditional essence combined with external forms of modernity preserved Russia's status as a subject of history.

Research implications. The summarised data and the obtained results can be used as a basis for further research in the field of the history of the social communications of the Soviet period. In addition, they can promote patriotic education of Russian school and university students.

Keywords: The Great Patriotic War, mass propaganda, poster, children, traditional society

Хотя мы и были дети, но спрос был как со взрослых, потому что была война...¹

Введение

Последнее десятилетие ознаменовалось повышенным интересом отечественных исследователей к вопросам истории советской пропаганды и к различным аспектам «детской политики» в идеологии и социальной политике раннего СССР. Непосредственно пропаганде в годы Великой Отечественной войны посвящён ряд научных статей [5; 6; 7; 8] и монографий [1]. Дети и детство как составная часть публичного властного дискурса подвергались анализу в целом ряде глубоких и интересных исследований как в научной периодике [10; 11; 12; 17], так и в монографических изданиях [3; 14].

Первые же годы Советской эпохи дают основание говорить о формировании детской политики как специфического и очень важного направления во всём советском социальном проекте, в дискурсивных практиках власти, в многообразных формах диалога государства и общества. Детство мыслилось, во-первых, как особая социопсихологи-

ческая реальность, требующая специального осмысления и регулирования; во-вторых, как непосредственное воплощение будущего страны, о котором необходимо заботиться; в-третьих, как такое состояние человека, которое требует сугубой заботы, любви и защиты. В современных исследованиях можно отыскать безусловные подтверждения этого. Например, нижегородский исследователь В. А. Сомов в своей работе «Первое советское поколение: испытание войной» на основе документальных материалов успешно реконструирует важнейшие тенденции государственной политики в сфере воспитания подрастающего поколения в 1920–1930-х гг. Можно сказать, что мелочей в этом деле не было. Регламентам подвергалось даже тематическое и художественное оформление детской игрушки [14, с. 24].

Хотя в области массового воспитания детей значительное место отводилось военизированному компоненту, но общая установка на необходимость заботы и защиты детей взрослыми неукоснительно проводилась в жизнь, внедрялась в общественное сознание, в т. ч. средствами культуры, которая, будучи достаточно жёстко подчинена идеологии, неизбежно соотносилась с пропагандой. Только за период 1922–1930 гг. многотысячными тиражами было выпущено более 20 плакатов, центральной темой которых

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИКО). Ф. 1290. Оп. 7. Д. 44. Л. 57 // Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Нижний Новгород: Издательство ВВАГС. 2008. С.199.

были детство и материнство. Посредством плакатов в сознание общества и в повседневные социальные практики последовательно внедрялась идея необходимости особой заботы о детях¹. На факт сакрализации самой категории детства, хотя и не лишённой существенных противоречий при воплощении в культурном нарративе, указывает ульяновский филолог Л. П. Якимова: «Престижной формой социального поведения стало жить не настоящим, а будущим, во имя счастья детей. «Счастливое будущее детей» превратилось в знак качества текущей жизни строителей социализма, обрело значение ценностной категории» [17, с. 4].

Этот последовательно создаваемый образ был разорван самой исторической реальностью: с первых дней Великой Отечественной войны дети наравне со взрослыми оказались втянуты в её огненный водоворот. Детские судьбы были трагичны своей незащищённостью, детские смерти и страдания вызывали особенно острое восприятие и чувство вины у взрослых и особенно – военнослужащих. Взрослый человек может себя хотя бы теоретически защитить, он обладает социальным опытом, пожилые люди, даже умирая, могут сказать, что повидали этот мир. Дети же ничего этого за плечами не имеют. Но страдают и погибают наравне со взрослыми. Потому трагический феномен пребывания советских детей в пространстве войны потребовал самого серьёзного осмысления в обществе, которое наиболее адекватно могло быть осуществлено средствами художественной культуры, которая в самое ближайшее время вступила в тесное взаимодействие с пропагандой. Советская культура и пропаганда предвоенного времени могла помещать детей в ту или иную испытательную среду, когда от них требовалось проявлять вполне взрослые качества –

ответственность, смелость, необходимость самостоятельно осуществлять нравственный выбор. Однако прямые страдания, телесные повреждения, наконец, смерть ребёнка являлись почти табуированными темами – причём, скорее, на уровне общественного сознания, нежели в рамках административного дискурса. Исключения, в данном случае, лишь подтверждают правила. Во-первых, они редки в советской предвоенной культуре. Во-вторых, вознесены до уровня героического эпоса. Фигуры героизированных персонажей (вымышленный Мальчиш-Кибальчиш, реальный Павлик Морозов) в силу особенностей репрезентации воспринимались как мифические герои-демиурги, борющиеся с силами inferнального зла. Так что их смерть, во-первых, приобретала черты сакральной жертвы; во-вторых, оказывалась целесообразной в рамках эпического нарратива – ибо добро торжествовало, а в дальнейшем такого рода ужасов быть не должно, раз искупительная жертва принесена; в-третьих, массовость мемориальных практик как бы лишала страдания и гибель значимости и силы. Герои продолжали свою жизнь. И, повторимся, их героическая гибель за правое дело служила гарантией того, что подобное не повторится.

Но, как было отмечено выше, историческая реальность властно вмешалась в представления, казавшиеся незыблемыми. Снаряды и бомбы, обрушившиеся на советские города и сёла на рассвете 22 июня 1941 г., не делали различия между гражданскими и военными, между взрослыми и детьми. Далее были тяготы эвакуации и обыденный кошмар оккупации... Кто-то из детей оказался угнанным в Германию, кто-то пережил кошмары Саласпилса. Были «сыны полков», и дети-разведчики, и связные в подполье и партизанских отрядах. Сиротство и голод, беспризорность, лишения блокадного Ленинграда, тяжёлый труд – всё это дети военного времени хлебнули полной мерой.

¹ Дети в советском плакате 20-30-х годов // Живой Журнал: [сайт]. URL: <https://soviet-life.livejournal.com/2125904.html> (дата обращения 18.01.2021).

Итак, можно сделать обобщающий вывод: детские страдания и смерти стали константой повседневности социального хронотопа Великой Отечественной войны, вошли в обыденность как объективная данность [2]. Всё отмеченное было реальным и, преимущественно, стихийно возникшим социальным явлением. Можно сказать, что это были вызовы не только обществу и власти, но и советской культуре, императивным нормативом которой было требование опираться на реальную жизнь, черпать из неё материал для вдохновения и творчества. Таким образом, изменения в содержании детского дискурса советской пропаганды были в равной мере продиктованы военно-политической актуальностью и государственным заказом (официальной идеологие); запросами и ожиданиями общества; наконец, личными творческими и нравственными установками деятелей культуры (художники, литераторы, кинематографисты), которые не просто выполняли некий заказ, но и стремились выразить собственное видение окружающей реальности, передать свои впечатления.

Современная российская историография уделяет существенное внимание проблематике детства в условиях Великой Отечественной войны. Но внимание это распределено своеобразно. Ранее цитированный Владимир Сомов рассматривает тему государственной политики воспитания детей в предвоенное и военное время и ускоренной социализации детей в тылу как результат раннего вовлечения в трудовую деятельность, когда взрослые мужчины были мобилизованы в действующую армию [14].

Не менее значителен вклад в разработку темы «Детство и война» сотрудников ЮИЦ РАН: Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлыниной, Е. В. Архиповой и др. Их совместными усилиями подготовлена и опубликована коллективная монография о повседневной жизни детей в хронотопе Сталинградской битвы [3].

Значительным вкладом в изучение военного детства во всём его драматизме является опубликованный сборник архивных документов из фондов РГАСПИ с обширной вступительной статьёй Н. К. Петровой – «Война глазами детей»¹. Особенностью сборника является его нацеленность на то, чтобы с максимально возможной полнотой показать непосредственное переживание событий Великой Отечественной войны детьми. Что, безусловно, придаёт книге особую остроту и непреходящую актуальность.

Итак, описанию и анализу государственной детской политики, жизни детей в годы Великой Отечественной войны, равно как репрезентации их непосредственного героического и страдательного опыта в современной историографии уделяется существенное и неослабевающее внимание. Чего нельзя сказать об изучении особенностей того образа военного детства, который формировался в сознании общества на стыке культуры и государственной пропаганды. Официальный язык государственных документов и даже эмоциональные строки писем, дневников, воспоминаний и интервью хотя и дополняют друг друга, но далеко не всегда позволяют составить исчерпывающее представление о тех идеалах и ценностях, на основе которых выстраивалась как политика государства, так и повседневные социальные практики в отношении детей.

Этот пробел можно восполнить, если обратиться к визуальным источникам – пропагандистскому плакату и кинематографу военного времени. Следует отметить, что образ детей в советской пропаганде военного времени исследуется в работах донецкого исследователя В. Ю. Носкова [10; 11]. Однако в своих публикациях коллега опирается, преимущественно, на текстовые источники, прежде всего – на скрупулёзный анализ ежедневных сводок Совинформбюро, лишь

¹ Война глазами детей. Свидетельства очевидцев // отв. сост. Н. К. Петрова. М.: Вече, 2010. С. 3–28.

изредка упоминая советский плакат. Тем не менее его научные результаты имеют несомненную ценность – как вообще, так и в отношении темы настоящей статьи в частности.

Таким образом, налицо проблемная ситуация: комплекс источников присутствует, но его потенциал в полной мере не востребован. Попытка восполнить данную лауну предпринята в настоящей статье. В качестве ожидаемого научного результата предполагается углубление академического знания об аксиологической сущности советского общества военного времени и, соответственно, понимания сути истории всей Советской эпохи в максимальном освобождении от пристрастных и эмоциональных, а то и априори ангажированных оценочных суждений. В качестве основного источника используются пропагандистские плакаты военного времени и, в меньшей степени, образцы советского киноискусства военных лет.

В достаточно обширном каталоге изданий последних лет, посвящённых советскому плакату 1941–1945 гг., хотелось бы выделить издания под редакцией/авторством А. Ф. Шклярука [16], А. С. Мо-

розова [9], В. П. Панфилова, А. П. Слесарева и А. Г. Шерстнева [13].

Работа А. С. Морозова – это каталог с подробным перечислением всех пропагандистских плакатов военного времени, о которых сохранились сведения. Визуальный ряд составляет сравнительно меньшую часть издания. Тогда как две другие книги отличаются приоритетом к публикации репродукций самих плакатов, что позволяет составить непосредственное представление о смыслах, символах и способах донесения необходимых образов до массового сознания. Интересная информация представлена в публикациях сотрудников ГИМ из сборника трудов, посвящённых 70-летию Великой Победы [6; 8].

Дети на военном плакате: роль и интерпретация образов

Целесообразно начать предметный анализ в рамках темы статьи с издания «Наша Победа» [16]. В книге представлено 397 образцов плакатной продукции за 1941–1945 гг. Из этого достаточно большого объёма образы детей фигурируют на 49 плакатах – это 12% от общего количества (*табл. 1*).

Таблица 1 / Table 1

Образы детей на плакатах 1941–1945 гг. / Images of children on posters of 1941–1945

Годы войны	1941	1942	1943	1944	1945
Количество плакатов	6	13	14	8	8

Источник: Шклярук А. Ф. Наша Победа. Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Контакт-Культура, 2010.

Количественные данные позволяют говорить о том, что «детская тема» занимала достаточно значимое место в советской визуальной пропаганде. Можно сделать предварительный вывод, что в образно-символической коммуникации дети были не переменными и постоянными участниками войны. Соответственно, в общественном сознании и государственной политике, в официальных

и частных социальных практиках вопросы, связанные с судьбой детей в условиях тотальной войны, не просто присутствовали, но постоянно актуализировались. Пик актуализации приходится на 1942–1943 гг. – 27 плакатов из 48! Из общей истории Великой Отечественной войны мы помним, что на эти годы приходится, во-первых, критический момент лета 1942 г. (выход немецкой армии

на Кавказ и к Сталинграду), во-вторых, коренной перелом в ходе всей войны (победы в Сталинградской и Курской битвах, форсирование Днепра и освобождение Киева, ликвидация Ржевского выступа).

Напрашивается интересный вывод: в момент наивысшего накала сражений на фронтах трансляция детских образов в сознание общества и действующей армии также достигает кульминации! Т. е. различно трактуемые образы детства служат очевидным фактором мобилизации тыла фронта – ничуть не меньшим, чем, например, исторические коннотации в советском плакате, когда события и герои русской истории использовались в пропаганде на злобу дня. Визуальная пропаганда предстаёт, таким образом, не только исторически или антифашистски, но и, в не меньшей степени, «детско-ориентированным» ментальным пространством.

Исследуя тематику плакатов, посвящённых детям, можно увидеть следующую рубрикацию:

1. ребёнок на руках у матери;
2. дети, погибшие в результате немецких авианалётов и от рук немецких солдат;
3. дети в фашистском плену и рабстве;
4. дети и подростки – труженики в тылу;
5. подростки, участвующие в борьбе с оккупантами;
6. дети, встречающие солдат-освободителей и победителей.

Плакатный смысловой ряд может быть дополнен образами детей на почтовых открытках – здесь мы видим детей, пишущих и отправляющих письмо отцу на фронт с характерной подписью: «Папа, бей фашистов!» [6].

Таким образом, посредством трансляции визуальных образов в годы войны детям присваивались следующие социальные роли:

– собственно детей, как олицетворения будущего, нуждающегося в защите;

– тружеников, заменяющих взрослых и приближающих победу;

– защитников родной земли, помогающим армии и государству уничтожать врагов;

– жертв, страдающих и погибающих от рук немецко-фашистских захватчиков.

Как видим, ролевой спектр достаточно широк, собственно детская составляющая, как она мыслится в обыденном сознании, оказывается лишь небольшой её частью. Но равным образом достаточно скромное место уделено тематике страдающих и погибших детей. Например, в издании «Наша Победа» из 6 плакатов с детьми, относящихся к 1941 г., только 1 изображает погибшую или тяжело раненую девочку на руках у матери, призывающей бойцов к отмщению (плакат Анатолия Казанцева «Мщениа! Фашизм – это голод, нищета и разорение!») [16, с. 77]. Отсюда можно сделать вывод о частичной ошибке донецкого исследователя Ю. В. Носкова, утверждающего в одной из своих публикаций: «Наиболее распространённым мобилизационным детским образом становится образ ребёнка-жертвы, направленный на формирование образа врага как «детоубийцы», он доминировал в радиоэфирах, газетах, кинематографе, агитационных плакатах, открытках» [9, с. 33]. Тем более что в конце этой статьи автор перечисляет образы «ребёнка-жертвы, ребёнка-подопечного, ребёнка-труженика и ребёнка-героя» без указания на доминирование первого образа. И если справедливость автора можно признать в отношении текстовой пропаганды (сводки Совинформбюро), то визуальная пропаганда в 1941 г. имела несколько иную структурную иерархию. На 5 остальных плакатах в зорам советских воинов и граждан в тылу представляли пионеры, разоблачающие диверсантов (плакаты Николая Кочергина «О том, как пионер Сеня диверсанта провёл к нефтебазе» и Алексея Пахомова «Ребята, защищайте Родину! Выслеживайте врагов, сообщайте взрослым»), собирающие металлолом

и помогающие взрослым в уборке урожая хлебов (плакаты Алексея Пахомова «Металлоломом по фашистам!» и Татьяны Ерёминой «Убрать урожай до единого зерна!»), участвующие в защите столицы от зажигательных бомб (плакат «Москва начеку» коллектив авторов) [16, с. 98].

Ситуация стала меняться в 1942 г.: из 13 относящихся к 1942 г. 6 «детских» плакатов изображают страдания и смерть ребёнка! Причём вполне реалистично: раненый ребёнок на руках у матери; младенец на материнских руках – семья осталась без крова посреди зимы, дети, с надеждой ожидающие Красную Армию из-за колючей проволоки концлагеря. Наконец, как кульминация – не оставляющие и сейчас равнодушными плакаты с изображением убитой маленькой девочки, на которую наступают окровавленный сапог со свастикой. В плакате Виктора Иванова и Ольги Буровой образ помещён посреди полевых цветов, тогда как в другом детоубийца выходит из избы, посреди которой лежит девочка с выпавшей из безжизненной руки куклой [16, с. 100]. Главная функция таких плакатов – не скорбь по мёртвым, но месть детоубийцам. Вражеские солдаты выводились из-под действия законов гуманизма и сострадания и подлежали безжалостному уничтожению. Мечь не просто легитимировалась, но и обретала сакральное обоснование.

Мотивы детских страданий и смертей использовались в плакате и в 1943–1944 гг. В 1943 г.: из 14 плакатов в 7 мы видим мотивы детских страданий – раны, голод, плен, смерть. Удельный вес сюжетов детского страдания сохраняется и в 1944 г. – 4 плаката из 8. Зато из 8 «детских» плакатов 1945 г. только на одном – мать с ребёнком в луже крови и попирающий их тела «эталонный» солдат вермахта. Этот плакат работы Алексея Кокорекина является напоминанием и призывом к беспощадной мести. В левом верхнем углу фраза «Убей его!», отсылающая сразу к стихотворению К. М. Симонова

«Если дорог тебе твой дом» и к знаменитому очерку Ильи Эренбурга «Убей!»¹ В правом верхнем углу помещено недвусмысленное мотивирующее напоминание: «Он убил твоих близких, сжёг твой дом, разорил твоё хозяйство!»

Образы плакатов и историческая реальность

В общей сложности из 49 приводимых в издании «Наша Победа» плакатов 19 обыгрывают тему ребёнка – жертвы войны и захватчиков, т. е. не менее 40%! Получается, что рассмотренный выше тезис Ю. В. Носкова более применим не к 1941 г., а к следующим годам войны. Но всё же он не абсолютен.

При анализе содержания плакатов не может не возникнуть вопрос о том, какова степень соответствия изображаемых сюжетов исторической реальности. Или, иначе говоря, насколько правдивой была советская визуальная пропаганда военного времени? Не создавала ли она «симулякр», вымышленную реальность?! Ранее, в советское время, такой вопрос даже не возник бы. Однако сейчас, в период «войн памяти», агрессивного ревизионизма и поддерживаемого на государственном уровне антисоветизма (не только на Украине, но и в России) для таких вопросов и утверждений создана благоприятная почва.

Для ответа на этот вопрос обратимся к аутентичным свидетельствам. Вот показания Бори Лупполова из Смоленской области: «Мы попали в лапы немцам. Собрали нас всех вместе, огородили проволокой, хлеба давали иногда по 100 г, а воды из колодца не давали. Как что скажешь – бьют до смерти. Насчитали нас 1 000 человек, у всех отобрали маленьких ребят и закопали живыми в землю. В эту страшную могилу попали и мои маленькие 2 сестрёнки и 2 братишки. Мама хотела защитить ребят, но за это поплатилась жизнью. Её убили. А братишек и сестрё-

¹ Эренбург И. Убей! // Красная звезда. 1942. 24 июля.

нок так и закопали. Чтобы не видеть и не слышать, как они кричат, я лёг на землю и уткнул лицом в грязь, а уши заткнул. Я остался один. Когда толпу повели на расстрел, я убежал в лес». А вот что рассказывала 14-летняя Катя Чувакова после освобождения её родного села от немцев: «Солдаты хотели искалечить маленького ребёнка: взять у него стакан крови и вырезать часть кожи со спины для лечения своих раненых фашистов. Мать не дала солдатам маленького сына. За это солдаты на глазах ребёнка повесили мать, а потом вырезали у мальчика четыре пластинки кожи со спины и взяли кровь. Мальчик тоже умер»¹.

Такого рода свидетельств существует и опубликовано великое множество. Их подлинность сомнений не вызывает, т. е. цитированный жуткий рассказ не есть специально отобранный и не имеющий аналогов. И никакие рассказы о «добрых немцах», угощавших советских детей шоколадом, не могут скрыть непреложного факта: детоубийство в традиционном мировоззрении христианской, исламской, буддийской культуры, воспринимаемое как страшный эксцесс, нарушение священного миропорядка и покушение на будущее, для оккупационного режима таковым не являлось. Тем более, если дело касалось «унтерменшей», представителей низших рас. Следовательно, плакаты, изображавшие детские страдания и смерть, были реалистичны настолько, насколько это вообще возможно для массовой пропагандистской продукции. Они предельно доходчиво доносили до сознания тылового населения и военнослужащих правду жизни, сколь бы страшной она не была.

Столь же реалистичными оказываются и плакаты, посвящённые детским тяготам войны. Выше упоминался плакат Виктора Иванова и Ольги Буровой,

изображавший семью, оставшуюся без жилья посреди зимы, с призывом к военнослужащим: «Товарищ боец! Отвоёвывай родную землю, освобождай родных людей!» [16, с. 98] Возможно, из нашего «прекрасного далёка» кому-то сюжет покажется обобщающей гиперболой. Но вот совершенно конкретное свидетельство фронтового художника-корреспондента Александра Гавриловича Вязникова, прошедшего дорогами войны вместе с гвардейцами-танкистами М. Е. Катукоева от Подмоскovie до Берлина. Свидетельство относится к зиме 1943 г.: «Во время марша остановились в небольшой деревеньке Гоголь, в избушке, стоящей у тракта. Хозяйка – бабушка, у которой на руках двое внуков-сирот.

Старший из них, Вася, лет 10–11, рассказал нам о своей невесёлой жизни. Фашисты каждый день гоняли мальчишку работать по 12–14 ч на расчистку большака от снежных заносов. Семья голодала. Бабушка рубила солому, из этой сечки пекли хлеб. От голода начали опухать.

– Как-то раз поздно пришёл с работы усталый, – говорит он, – меня удивило, что бабушка поставила на стол миску мясного варева. Я съел его, а позже заметил, что дома нет собаки. Я понял, что скоро мы погибнем. Спас нас приход советских войск»².

Концентрация образов в этом кратком отрывке очень высока: здесь и подневольный изнурительный труд, сиротство, голод и угроза голодной смерти, возвращение Красной Армии как спасение. И что же? Всё это мы можем увидеть на плакатах, изображающий детей в условиях войны. Художники-авторы плакатов не преувеличили и не придумали ни одного сюжета – все они полностью соответствуют правде истории.

Но самое примечательное в связи с приведённым отрывком – это дальнейшая судьба мальчика Васи Головачёва: он был

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95. Л. 211 // Война глазами детей. Свидетельства очевидцев // отв. сост. Н. К. Петрова. М.: Вече, 2010. С. 97, 107.

² Вязников А. Г. Записки военного художника-корреспондента. 1941–1945. Л.: Художник РСФСР, 1968. С. 46.

принят в редакцию газеты 1-й Гвардейской танковой армии, прошёл до Берлина в качестве «сына полка», а впоследствии был зачислен в суровское училище.

Между тем ещё в 1942 г. за авторством художника Фёдора Антонова вышел плакат на актуальную тему судеб детей, пострадавших от войны. На фоне женщины, заботливо обнимающей маленького ребёнка, помещена надпись: «Окружим лаской и заботой детей, пострадавших от фашистских варваров!» [16, с. 105]. А в 1943 г. плакат «Окно ТАСС № 815» художника Петра Алякринского был посвящён приёму детей в суровское училище.

Получается, что если мы соединим в один визуально-смысловой ряд 3 плаката и сопоставим их с кратко рассказанной историей из дневника А. Вязникова, то получим совершенно правдивую биографическую линию маленького человека. Микроистория, основанная на источниках личного происхождения, оказывается полностью совпадающей с официальным макроисторическим нарративом в его визуально-символической репрезентации! И этот вывод имеет принципиальное методологическое значение для дальнейшего изучения истории советской пропаганды, коммуникации власти и общества в годы Великой Отечественной войны.

Получив и успешно апробировав данную концептуально-методологическую модель, приложим её к другим сюжетам советской плакатной пропаганды, связанным с «детской темой» войны. В силу объективных обстоятельств труд детей и подростков стал неотъемлемой частью повседневной реальности войны и важным фактором Победы СССР. Совершенно логичными в этом социально-историческом контексте выглядят плакаты, мотивировавшие советских детей заменить ушедших на фронт отцов и старших братьев в промышленности и сельском хозяйстве.

Уже в 1941 г. взорам советских граждан, в т. ч. и детей, предстал плакат Татьяны Ерёминой «Убрать урожай до единого

зерна!»: три женских образа – пожилая крестьянка, зрелая женщина и девочка-пионерка – за уборкой хлеба [16, с. 64]. Примечательна сугубая реалистичность: девочка скручивает жгут из колосьев для перевязки очередного снопа. Работа ей выделена по силам, но не менее важная. На плакате Алексея Пахомова (1942 г.) подросток 12–14 лет изображён у станка в цеху одного из заводов Ленинграда (плакат обращён к юношам и девушкам Ленинграда) [16, с. 92]. Таким образом, дети представлялись общественному сознанию в качестве очень важных и полноправных участников трудовой жизни, производственного процесса в масштабах страны.

А как обстояло дело в реальности? Для ответа на этот вопрос обратимся к монографии В. Сомова «Потому что была война», которая в значительной степени построена на анализе источников личного происхождения тружеников тыла в годы войны (на материалах Поволжья). Вот лишь один пример из многих: «Как вспоминала жительница Лысковского района Горьковской области В. В. Никитина (1927 г. р.): «Мужчины почти все ушли на фронт. А выращивать и убирать хлеб надо было. Работали все – и стар, и млад. Дома никто не сидел. Большие надежды возлагались на нас – школьников 8–9-х классов... Опускались руки от усталости, хотелось спать и есть, и не видеть бы снопов. Жали с нетерпением, когда сломается молотилка, чтоб хоть часок вздремнуть прямо на копне. Починят молотилку, затарахтит она, окаянная, а всех как ветром сдуло. Бегают Мишка Злой (бригадир), кричит, матерится, никто не слушает его. Сон все переборол. Но вдруг в ночи раздастся чей-то голос:

– Ребята, вставайте, пора! За Родину, за Сталина – давай! И пошла работа» [15, с. 200].

В этом откровенном отрывке слились воедино и реалии военного детства, и единство народа, наивные, по-человечески понятная мечта о поломке молотилки,

чтобы хоть немного передохнуть. Но и способность детей к сверхнапряжению, и торжество духа над плотью во время ночных подъёмов. Степень релевантности исторической реальности в личном преломлении и образов визуальной пропаганды представляется близкой к 100%.

Образ детей, пишущих и отправляющих письмо на фронт отцу, при ближайшем рассмотрении оказывается не менее реалистичным. Детские письма составляют особую часть военно-эпистолярного жанра. В фондах Центрального государственного архива Московской области (ЦГАМО) автору удалось обнаружить письмо ребёнка крёстному на фронт, которое целесообразно привести здесь полностью с сохранением орфографии и пунктуации подлинника:

«Здравствуй дорогой хрёсный шлю я тебе свой привет. Хрёсный бей немца прямо в бок крёсный приезжай домой я выросла большая. Хрёсный мы тебе будем ждать хрёсный приезжай блины есть шлют тебе мама и папа ещё шлёт тебе брат коля и сестра тома. Хрёсный песать больше нечего. Пока до свидания. Мы сейчас едим блины. Писала 11-го марта 1945 года.

Я пока учусь хорошо и Юля учится хорошо Юля учится в пятом классе а я учусь во втором классе Песать пока нечево»¹. Судя по датировке письма, оно было написано в период Масленицы накануне Великого поста (Пасха в 1945 г. выпала на 6 мая). Маленькая девочка пишет письмо на фронт, с детской непосредственностью передавая подробности жизни. Художественный образ на открытке получает буквальное подтверждение в такой важной социальной практике войны как обмен письмами тыла с фронтом.

Не будет искажением истины утверждение, что данная положительная связь пропаганды и жизни с незначительными вариациями прослеживается и в прочих сюжетах тех советских плакатов, которые посвящены детям. Нарратив советского

¹ ЦГАМО. Ф. 953. Оп. 1. Д. 466. Л. 8-об.

плаката времён Великой Отечественной войны может быть идентифицирован как правдивый и реалистический. Бесспорно, определённая идеализация и эстетизация в нём присутствовала. Однако в своём плакатном творчестве советские художники неизменно опирались на окружающую их социальную действительность. Получается, что плакаты не просто изображали эталонные образцы социальных практик и коммуникаций, но и говорили языком художественных образов о том, что миллионам простых советских людей было понятно и очевидно. Советская пропаганда не творила некий «симулякр реальности», как то утверждают некоторые современные авторы [1, с. 234–235], но конституировала существующую реальность, в то же время придавая ей вектор движения к будущему, к Победе как желаемому состоянию бытия страны, народа и каждого человека в отдельности.

Заключение

Всё сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) «Детская тема» в советском пропагандистском плакате военного времени занимала важное место и постоянно актуализировалась в публичном дискурсе.

2) Статусно-ролевая нагрузка детей, равно как и сам их образ в сознании общества и в государственной политике претерпел существенные изменения по сравнению с довоенным временем, приобретая многоплановый характер. По сути можно говорить о множественных модулях социального бытия детей и подростков в годы войны.

3) Наряду с образом ребёнка – жертвы войны и немецких захватчиков, безвинного страдальца, активно формировался образ ребёнка-труженика и ребёнка-участника борьбы с агрессорами. Причём речь шла не только о вспомогательных функциях рядом со взрослыми, но и о вполне автономных.

4) Фактически плакаты конституировали и легитимировали сверхбыстрое

взросление советских детей, чьё детство пришлось на пору военного лихолетья. Грань между детством и взрослостью стремительно истончилась, порой до неразличимости.

5) Однако уравнивая детей со взрослыми в плане исполняемых социальных функций (в интересах всего социума и защиты его будущего), советская пропаганда делала детей полноправными участниками и даже вершителями судеб Большой Истории. С долей горькой иронии можно сказать, что мечта многих детей поскорее повзрослеть и сравняться с родителями по значимости, а то и превзойти их сбылась столь быстро, трагично и непредсказуемо. Фраза, вынесенная в качестве эпиграфа к настоящей статье, абсолютно точно отображала социальную действительность военного детства.

6) При всём том советское государство не забывало ни на миг об изначальном, естественном статусе детей. Отсюда постоянное присутствие в плакатах сюжетов, посвящённых необходимости защищать и опекать детей. К концу войны происходит образно-символическое восстановление статуса детства как сакральной социальной страты – солдаты, вернувшиеся с войны и держащие на руках своих и чужих детей, символизировали возвращение детей в прежнее, довоенное состояние.

7) Очень важным является и ещё один аспект визуализации детских образов на плакатах: дети как бы становились общенародным достоянием – благодаря плакатам каждый ребёнок мог теперь восприниматься как сын/дочь каждого взрослого человека. Защита детства становилась общим делом. Соответственно, и будущее, олицетворением которого естественно является детство, также оказывалось предметом коллективной заботы. Резко усиливалась концепция «общества-семьи». Впрочем, дети также учились и привыкали воспринимать страну, её будущее как общее достояние, за которое они также в ответе. Идея слу-

жения Родине в полной мере распространилась на детей. Таким образом, степень традиционализма СССР в годы войны возрастала – не в последнюю очередь, благодаря «детской теме» в пропаганде.

8) Поскольку образцы плакатной продукции доставлялись также в действующую армию, размещаясь в политотделах и агитпунктах частей и соединений, печатаясь в армейских газетах, то образы детей – страдающих, работающих, ждущих освобождения, нуждающихся в защите красноармейцев – неизбежно становились частью ментальности Красной Армии, духовного пространства фронтовой повседневности.

9) На примере «детского сегмента» советской визуальной пропаганды можно утверждать, что в целом она являлась правдивым отражением действительности. Т. е. власть говорила с народом на одном языке, в основе которого лежали правда и общие ценности. Именно этим можно объяснить в целом высокую эффективность советской пропаганды (коль скоро общество сохранило единство, идентичность и лояльность даже в периоды тяжелейших военных кризисов).

10) На примере детских образов советского агитационного плаката отчётливо видно, что советское общество как социально-исторический феномен носило характер традиционного, но облечённого в защитные технологии модерна (массовая пропаганда есть порождение именно эпохи модерна). Этот консервативно-традиционалистский характер советской модернизации, который подчас негативно-саркастически характеризуется некоторыми представителями либеральной парадигмы в историографии [4, с. 565, 575], по нашему мнению, был единственным спасением русской цивилизации в исторических реалиях XX в. И именно в освоении его опыта, а не в огульном безграмотном утверждении, что СССР не производил «ничего кроме калош», заключается возможность сохранения исто-

рической субъектности России в условиях современного «глобального тупика».

Таким образом, в процессе работы над статьёй проблема о роли и функциях детских образов в советской визуальной пропаганде была успешно решена. Полученные результаты и структурированные в тексте факты и свидетельства могут

быть использованы для дальнейших исследований по истории советской эпохи в целом и Великой Отечественной войны в частности, а также преподавании курса отечественной истории и в патриотическом воспитании детей и молодёжи.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина О. А., Давыдов А. Ю. Власть, информация, общество: их взаимосвязи в деятельности Советского информбюро в условиях Великой Отечественной войны. СПб.: Евразия, 2020. 336 с.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Очерки по исторической поэтике. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
3. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, Е. В. Архипова, И. И. Курилла, М. П. Назарова. Волгоград, 2015. 336 с.
4. Добренко Е. А. Поздний сталинизм. Эстетика власти. Т. 1. М., 2020. 712 с.
5. Задворнов Г. Д. Роль и место идеологической работы в психологическом противоборстве в годы Великой Отечественной войны // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2017. Т. 19. № 3 (2). С. 308–312.
6. Инджия Л. Б. Почтовые карточки и открытые письма периода Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война. Исследования. Документы / под ред. О. Афанасьевой, Е. Князевой. М., 2015. С. 100–121.
7. Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы русской истории в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны. Часть 1 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 213–225.
8. Миняйло Н. Г. Взгляд на войну из «Окон ТАСС» // Великая Отечественная война. Исследования. Документы / под ред. О. Афанасьевой, Е. Князевой. М., 2015. С. 6–21.
9. Морозов А. С. Агит-окна. Окна ТАСС. 1941–1945. (Советский политический плакат. Библиографический указатель). М.: Контакт-Культура, 2013. 479 с.
10. Носков В. Ю. Формирование образа военного детства в советской пропаганде на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь–декабрь 1941 года) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 2 (58). С. 30–37.
11. Носков В. Ю. Образ ребёнка-жертвы в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны (по материалам сообщений Совинформбюро) // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2018. № 1 (64). С. 7–17.
12. Рябова Т. Б., Рябов О. В. Образы детей и детства в символической политике // Политическая экспертиза: Политэкс. 2019. Т. 15. № 3. С. 417–434.
13. Смех – дело серьёзное: сатирическая печатная графика Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: из коллекции Государственного центрального музея современной истории России / сост. В. П. Панфилова, А. П. Слесарев, А. Г. Шерстнева. М., 2015. 77 с.
14. Сомов В. А. Первое советское поколение: испытание войной. М., 2015. 176 с.
15. Сомов В. А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород, 2008. 234 с.
16. Шклярчук А. Ф. Наша Победа. Плакаты Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Контакт-Культура, 2010. 256 с.
17. Якимова Л. П. Образ ребёнка в советской литературе 20-х годов // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. №1. С. 4–17.

REFERENCES

1. Balandina O. A., Davydov A. Yu. *Vlast, informatsiya, obshchestvo: ikh vzaimosvyazi v deyatelnosti Sovetskogo informbyuro v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny* [Power, information, society: their interrelationships in the activities of the Soviet Information Bureau during the Great Patriotic War]. S.Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 336 p.
2. Bakhtin M. M. [Forms of time and chronotope in the novel]. In: *Ocherki po istoricheskoi poetike* [Essays on Historical Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. P. 234–407.
3. Ryblova M. A., Krinko E. F., Khlynina T. P., Arkhipova E. V., Kurilla I. I., Nazarova M. P. *Detstvo i voina: kul'tura povsednevnosti, mekhanizmy adaptatsii i praktiki vyzhivaniya detei v usloviyakh Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Stalingsradskoi bitvy)* [Childhood and war: the culture of everyday life, the mechanisms of adaptation and practice of survival of children in the conditions of the Great Patriotic War (based on the materials of the Battle of Stalingrad)]. Volgograd, 2015. 336 p.
4. Dobrenko E. A. *Pozdnii stalinizm. Estetika vlasti. T. 1* [Late Stalinism. The aesthetics of power. Vol. 1]. Moscow, 2020. 712 p.
5. Zadornov G. D. [The role and place of ideological work in psychological confrontation during the Great Patriotic War]. In: *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2017, vol. 19, no. 3 (2), pp. 308–312.
6. Indzhiya L. B. [Postcards and open letters from the period of the Great Patriotic War]. In: Afanaseva O., Knyazeva E., ed. *Velikaya Otechestvennaya voina. Issledovaniya. Dokumenty* [The Great Patriotic War. Research. Documents] M., 2015. C. 100–121.
7. Larionov A. E., Dvorkovaya M. V. [Images of Russian history in Soviet propaganda during the Great Patriotic War. Part 1]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 4, pp. 213–225.
8. Minyailo N. G. [Look at the war from the «Windows TASS»]. In: Afanaseva O., Knyazeva E., ed. *Velikaya Otechestvennaya voina. Issledovaniya. Dokumenty* [The Great Patriotic War. Research. Documents]. Moscow, 2015. P. 6–21.
9. Morozov A. S. *Agit-okna. Okna TASS. 1941–1945. (Sovetskii politicheskii plakat. Bibliograficheskii ukazatel)* [Agit windows. TASS windows. 1941–1945. (Soviet political poster. Bibliographic index)]. Moscow, Kontakt-Kultura Publ., 2013. 479 p.
10. Noskov V. Yr. [Formation of the image of military childhood in Soviet propaganda at the initial stage of the Great Patriotic War (June–December 1941)]. In: *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy* [Journal of Historical, Political and International Studies], 2016, no. 2 (58), pp. 30–37.
11. Noskov V. Yu. [The image of a child victim in Soviet propaganda during the Great Patriotic War (based on materials from the Sovinformburo)]. In: *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy* [Journal of Historical, Political and International Studies], 2018, no. 1 (64), pp. 7–17.
12. Ryabova T. B., Ryabov O. V. [Images of children and childhood in symbolic politics]. In: *Politicheskaya ekspertiza: Politeks* [Political Expertise: Politeks], 2019, vol. 15, no. 3, pp. 417–434.
13. Panfilova V. P., Slesarev A. P., Sherstneva A. G., ed. *Smekh – delo seryeznoye: satiricheskaya pechatnaya grafika Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: iz kollektzii Gosudarstvennogo tsentral'nogo muzeya sovremennoy istorii Rossii* [Laughter is a serious matter: satirical printed graphics of the Great Patriotic War of 1941–1945: from the collection of the State Central Museum of Modern History of Russia]. Moscow, 2015. 77 p.
14. Somov V. A. *Pervoe sovetskoe pokolenie: ispytanie voinoi* [First Soviet Generation: Trial by War]. Moscow, 2015. 176 p.
15. Somov V. A. *Potomu chto byla voina... Vneekonomicheskie faktory trudovoi motivatsii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [Because there was a war ... Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nizhny Novgorod, 2008. 234 p.
16. Shklyaruk A. F. *Nasha Pobeda. Plakaty Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg.* [Our Victory. Posters of the Great Patriotic War 1941–1945]. Moscow, Kontakt-Kultura Publ., 2010. 256 p.
17. Yakimova L. P. [The image of a child in Soviet literature of the 20s]. In: *Vestnik Ulyanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Ulyanovsk State Technical University], 2015, no. 1, pp. 4–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ларионов Алексей Эдиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: allar71@yandex.ru

Дворковая Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: marinadvorkovaya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey E. Larionov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: allar71@yandex.ru

Marina V. Dvorkovaya – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: marinadvorkovaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ларионов А. Э., Дворковая М. В. Образы детства в советском плакате периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 100–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-100-113

FOR CITATION

Larionov A. E., Dvorkovaya M. V. Images of childhood on the Soviet poster in the period of the Great Patriotic War (1941–1945). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 100–113.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-100-113

УДК 329. 8 (470) «1962»

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-114-125

«Я ПОКОНЧИЛ С КУЛЬТОМ СТАЛИНА, НО ПОЛНОСТЬЮ РАЗДЕЛЯЮ СТАЛИНСКУЮ ПОЗИЦИЮ В ОБЛАСТИ РУКОВОДСТВА КУЛЬТУРОЙ». ПРОТИВОБОРСТВО Н. С. ХРУЩЁВА С НОВЫМИ НАПРАВЛЕНИЯМИ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Горлов В. Н.

Московский государственный лингвистический университет

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить изобразительное искусство эпохи оттепели, как официальное, так и неофициальное, в контексте социальной и политической жизни эпохи.

Процедура и методы. В работе использованы принципы историзма, объективности и системности, включая сравнительно-исторический и конкретно-исторический методы. Исследование проводилось на основе проблемно-исторического анализа изобразительного искусства в контексте с идеологическими и политическими факторами данного советского периода.

Результаты. Исследованы взаимоотношения власти и искусства между разными направлениями в изобразительном искусстве в эпоху оттепели. Исследованы средства, которыми советское государство вело борьбу с абстракционизмом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён ряд вопросов в области изобразительного искусства в эпоху оттепели. Материалы статьи адресованы историкам, исследующим период хрущёвской оттепели для понимания современного этапа культурных отношений.

Ключевые слова: авангардизм, выставка, художники, абстракционизм, изобразительное искусство, культурная жизнь

“I HAVE DONE AWAY WITH STALIN’S CULT OF PERSONALITY, BUT I FULLY SHARE STALIN’S STAND CONCERNING CULTURAL GOVERNANCE”. N.S. KHRUSHCHEV’S ANTAGONISM TO NEW TRENDS IN THE VISUAL ARTS

V. Gorlov

Moscow State Linguistic University

38-1 Ostozhenka ul., Moscow 119034, Russian Federation

Abstract.

Aim. To study the visual arts (both official and unofficial) of the Thaw era in the context of the social and political life of the period.

Methodology. The work utilized the principles of historicism, objectivity and systematicity in conjunction with comparative-historical and specific-historical methods. The study was based on a problem-historical analysis of visual arts in the context of the ideological and political factors of the above-mentioned Soviet period.

Results. The paper examines the relationships between power and art and also between different movements in the visual arts during the Thaw. Additionally, the means employed by the Soviet state to fight against abstract art were studied.

Research implications. The paper summarises a few issues in the field of visual arts in the era of the Thaw. The materials of the research are aimed at historians who study the period of the Khrushchev Thaw to understand the current stage of cultural relations.

Keywords: Avant-garde, exhibition, artists, abstract art, visual arts, cultural life

Введение

В Советском Союзе после войны идеологический партийный диктат на культуру увеличивался, что негативно отражалось на творческих процессах в стране. Постановления партии по идеологическим вопросам в очень сложное послевоенное время не затронули только изобразительное искусство.

Для советского руководства с его патримониальным отношением к искусству Союз художников был наиболее идеологически и политически выдержанным и лояльным к властям творческим союзом. Изобразительному искусству отводили пропагандистско-воспитательную роль, что оно вполне добросовестно и выполняло. В идеологическом плане живопись в эпоху доминирования соцреализма рассматривалась наиболее значимым видом искусства, в котором не позволялись эксперименты. При идеологическом контроле в сфере изобразительного искусства использовался термин «формализм» для борьбы с художниками, которые не выполняли государственные художественные установки. В сталинскую эпоху такие обвинения имели политический подтекст.

Изобразительное искусство сдерживалось конкретно сформулированным набором тем и задач. Цензурные рамки в изобразительном искусстве были ужесточены из-за внутривластной обстановки в стране. Творения искусства обязательно должны были соответствовать внутренней и внешней государственной политике. Требования к сфере изобразительного искусства в послевоенные годы многократно возросли, в первую очередь, к содержанию и распространению творческих работ. С началом холодной войны ситуация в области идеологии усложнилась. Партийный пропагандистский аппарат был направлен

на путь противопоставления и обрыва контактов с западным миром. Для этого требовались масштабные пропагандистские усилия во всех областях культуры, в т. ч. в изобразительном искусстве. На ситуацию в изобразительном искусстве значительное влияние оказала кампания против космополитизма. Власти старались ограничить воздействие западного искусства до минимума. Идеологические органы всегда относились с недоверием к западному искусству как к рассаднику «формалистических» влияний.

Общественно-политическая обстановка в советском государстве после смерти И. Сталина значительно преобразилась. Политические события в стране затронули различные аспекты художественной жизни. Идеологическое давление на культурные процессы было ослаблено. Смерть Сталина остановила «космополитическую» кампанию. Происходило реальное оживление культурной жизни страны. Процессы обновления начались с расширением информационного поля. Преодоление изоляции от западного мира выражалось политикой открытости: в стране проходили международные выставки, фестивали, конкурсы. И это несмотря на то, что сохранялись и строгая цензура, и идеологический отбор.

Политический процесс обновления в искусстве был закреплен на XX съезде КПСС. Культурный свод правил, установивший «запрещённое» и «разрешённое» в искусстве, стал постепенно освобождаться от демагогии и нравоучений. В советской публицистике появляются критические статьи против «парадной» живописи. Для художников появляются альтернативные возможности в творчестве. Происходит осмысление творчества художников 1910–1920-х гг., которое для ряда молодых художников становится

образцом для подражания [2, с. 445]. В журнале «Искусство» в статье К. Юона «О чувстве нового» утверждалось: «Создание нового, современного, действительно искусства не может быть достигнуто в бесконечно повторенных, слишком привычных староакадемических формулах, которые доминируют на наших выставках и которые с недостаточной яркостью выражают наше время и нашу культуру... В искусстве хочется видеть больше художественной инициативы, больше новаторства; оно должно захватывать зрителя своей декоративной красотой, новизной композиционных концепций» [5, с. 3].

В эпоху оттепели происходило расширение контактов как художественных организаций, так и самих художников с представителями западного искусства. Благодаря увеличению государственного финансирования сферы изобразительного искусства открылось большое количество художественных выставок. Происходили необратимые изменения в сфере изобразительного искусства, которые постепенно формировали другую духовную атмосферу с множеством художественных представлений, с идеями свободной творческой личности. Советские художники стали использовать недоступные до этого темы, повернулись к нетрадиционным формам.

Постепенно стали подвергаться сомнению священные постулаты социалистического реализма. Преобладание единого направления в советском искусстве с обязательным для всех художественным стилем не могло продолжаться бесконечно. Молодые художники стремились к самовыражению, к собственным ощущениям жизни, к обновлению изобразительного искусства, понимая, что этот процесс будет не простым и серьёзным. В культурном сознании художников существовали потребности на творческий поиск, творческий диалог и публичные дискуссии в изобразительном искусстве, уверенность отстоять свою точку зрения силой доводов, надежда быть услышанными.

Противоречивость политики государства в художественной сфере

Следует сказать не только о положительных изменениях в культурной жизни советского государства, но и о противоречивости и ограниченности. Руководство страны, предпринимая реформы «сверху», устанавливало и границы «свободы творчества». Поэтому, несмотря на демократичные тенденции в культурной жизни, она по-прежнему оставалась подконтрольной, хотя и в не такой степени, как это было до эпохи оттепели.

Противоречивость политики в художественной сфере заключалась в том, что, с одной стороны, шёл процесс возвращения в контекст современного мирового искусства, смягчение идеологического давления – с творческими спорами, выставками, дискуссиями с деятелями искусств. С другой стороны, непримиримое вступление в процесс художественного творчества с требованиями следовать политическому курсу государства на построение коммунизма. В Союзе художников во время творческих дискуссий решительно и категорично провозглашали сюжетно-тематические положения и идейные содержания социалистического реализма, которых должны твёрдо придерживаться советские художники.

Специфической проработкой деятелей культуры стали встречи с руководителями советского государства в конце 50-х – начале 60-х гг. На этих встречах солировал Н. С. Хрущёв с монологами и распоряжениями о правильном воплощении генеральной линии коммунистической партии. Встречи больше походили на партийную идеологическую разборку с навешиванием политических ярлыков и субъективных оценок, чем на творческую дискуссию. Лидер государства постоянно демонстрировал партийный стиль с пренебрежительным, а порой грубым отношением к тем художникам, творчество которых не соответствовало поставленным задачам партии. Практика эта сло-

жилась в эпоху оттепели. Это было необходимо руководству страны в первую очередь для показа контрольных функций партии в идеологической политике, партийного руководства искусством.

Несмотря на наличие противоречий, двойственности в решениях и действиях руководства государства, эта эпоха стала заметным и имеющим важное значение этапом в культурной жизни советского общества, который вызвал взлёт творческой энергии и изменения в общественной атмосфере. Твёрдый и безоговорочный культурный свод правил в эпоху оттепели стал преобразовываться в художественное многообразие. Значимость оттепели состоит в том, что взяли старт процессы размывания устоявшихся доктрин художественной системы, появления многообразия художественных методов, освобождённых от официальной идеологии. Всё это привело к возникновению неофициального, альтернативного изобразительного искусства, на возникновение которого значительное воздействие оказало современное западное искусство. И это воздействие произошло из-за изменения политической обстановки в стране. Отказ нового руководства советского государства от жёстких идеологических послевоенных постановлений способствовал диалогу с западным искусством. Отдельные художники открыто выступали против следования эстетике социалистического реализма, они совершенно не были заинтересованы в «парадном» искусстве и отказывались участвовать в выставках в условиях контроля Союза художников. Деятели изобразительного искусства, отвергавшие каноны соцреализма, признавали абсолютную свободу творчества, стремились писать по-своему, не считаясь с существующими идеологическими установками.

Представители неофициального искусства, заявившие о себе в эпоху оттепели, в качестве образца использовали лучшие творения современного западного изобразительного искусства. Исходным

стимулом для появления советского неофициального искусства стал фестиваль молодежи и студентов в Москве в 1957 г., к которому была приурочена экспозиция работ современных западных художников. В список крупнейших культурных событий хрущёвской оттепели вошли выставки польских, американских, французских абстракционистов, оказавших огромное влияние на расширение круга неконформистов в СССР. Их выставки вызвали настоящую сенсацию в культурной жизни страны. Свободное творческое мышление, другая духовная атмосфера формировались во многом под влиянием московских международных выставок 1950-х гг.

Особенностью ситуации в изобразительном искусстве эпохи оттепели было сосуществование и официального искусства, согласованного с идеологической политикой партии, и неофициального искусства, представляющего один из типов духовного сопротивления. Возникновение такой конфигурации в изобразительном искусстве было неотделимо от политической ситуации в советском государстве. Принятие определённых действий руководителей государства в области культурной политики, причины появления неофициального искусства можно понять исключительно из политической обстановки в стране после смерти Сталина. Вмешательство властей в творческую жизнь, по сути, не прекращалось. Просто руководство государства учитывало политическую ситуацию в стране.

Фестиваль в Москве, приоткрыв железный занавес, познакомил советских художников с новыми видениями пространства, восхитив советскую молодежь. Однако фестиваль и редкие международные выставки были отдельными удивительными событиями в культурной жизни страны, фрагментарными знакомствами граждан с миром западной культуры, которые вызывали большой интерес и горячие споры в среде художников. На официальных выставках доминиро-

вали привычная тематика и стилистика социалистического реализма с очень редким появлением новых имён.

Если западное неофициальное искусство появилось как вызов эстетическим нормам и тематике «общества потребления», то в советском государстве неофициальное искусство было вызовом официальной идеологии и приобретало в первую очередь политизированный смысл. Неофициальное искусство возникло на волне оттепели против противоречивой и непоследовательной политики в сфере искусства в послесталинскую эпоху. Да и сам руководитель государства дал «зеленую улицу» появлению неофициального искусства, проводя десталинизацию советского общества. Художники получили свободу поиска художественных ориентиров, заново открывали прошлые достижения отечественного изобразительного искусства. Однако, как показали последующие события, возможности ищущих художников были далеко не безграничны.

XX съезд КПСС во многом повлиял на эволюцию культурной политики в СССР. Для власти становится проблемой построение конструктивных взаимоотношений с теми деятелями искусств, которые стали проявлять нелояльность к политическому режиму. Партийному руководству приходилось постоянно проводить идеологическую работу в творческих союзах, наставляя интеллигенцию в ходе встреч и бесед на выполнение текущих задач. «Нездоровые тенденции» некоторых творческих деятелей изменили уравновешенное отношение руководителей государства к интеллигенции. В эпоху оттепели политика по отношению к творческим работникам имела свою специфику и механизмы реализации. Эти взаимоотношения менялись в зависимости от определённого периода оттепели. Противоречивость этих взаимоотношений во многом связана с ослаблением официальных идеологических доктрин после смерти Сталина.

Деятели изобразительного искусства, так же как и литературы, театра, кинематографии, оказывали значительное влияние на душевное состояние общества, отражая в своём творчестве изменения в общественном сознании, и поэтому занимали особое место в жизни советского общества. В силу этого руководство советского государства было глубоко заинтересовано в содействии и лояльности советских художников. Да и творческие работники стремились к сотрудничеству с властью предрешающими. Им предоставлялись необходимые условия для труда, обеспечивались различные привилегии и блага за «проведение в жизнь» идеологической политики партии. Поэтому и процесс творчества должен был находиться под неослабным контролем власти. Министерство культуры СССР и Академия художеств продолжали контролировать художественную сферу и не позволяли покушаться на доминирование социалистического реализма в изобразительном искусстве. Крупные официальные выставки демонстрировали работы привычной тематики обласканных властью художников старшего поколения. В этом во многом и действительно состояло противоречивое положение художников в советском обществе.

Несмотря на взаимное стремление к сотрудничеству, отношения между интеллигенцией и властью в эпоху оттепели было довольно сложными. У власти была потребность в сотрудничестве с интеллигенцией, т. к. творческие люди должны были выполнять социальную функцию по сохранению единого культурного пространства граждан, обязаны были идеологически воспитывать советских людей без отставания принципов свободы художественного творчества, проводить весь комплекс идей власти в массы. Таким образом, для руководителей советского государства художники, без сомнения, были работниками «идеологического фронта».

Соблюдение неизменных идеологических установок, которые должны

были обеспечивать устойчивость власти, никто не отменял. Попытки демократизации отношений с творческими деятелями, заигрывания с ними сочетались с грубыми вмешательствами власти в творческий процесс и требованиями выполнения идеологических канонов. Довольно жёсткий стиль общения с интеллигенцией, характерный для послевоенных лет, в эпоху оттепели постепенно стал возвращаться в виде жёстких проработок «очагов нигилизма». Характерные для начала оттепели рассуждения о свободе творчества стали восприниматься властями как «политические ошибки». В партийном руководстве консервативные тенденции постоянно усиливались, что обостряло идеологическое противостояние в сфере изобразительного искусства. Число конфликтных ситуаций росло, встречи Н. С. Хрущёва с творческими работниками стали напоминать партийные разносы. Власть пыталась восстановить свою монументальность, которая была поколеблена со смертью И. Сталина. Конфликт между руководителями государства и художниками был неизбежен. Характер и личные качества Н. С. Хрущёва во многом повлияли на культурные политики. Хрущёв не понимал, что творческим процессом управлять полностью бесконфликтно невозможно, т. к. специфика творчества требовала относительной свободы.

Проблемы были не только во взаимоотношениях власти с творческими деятелями, но и между известными и признанными мастерами изобразительного искусства и талантливой малоизвестной молодежью. Консервативно настроенные деятели культуры порой в штыки принимали новаторские устремления в творчестве части художников, обвиняя власть в попытке увести молодых художников демагогическими лозунгами свободы творческой индивидуальности и разнообразия жанров от работы над важными и значимыми темами.

Хрущёв и новые направления в изобразительном искусстве

ЦК КПСС в декабре 1956 г. направил во все парторганизации письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», в котором рекомендовалось покончить с идейными шатаниями работников искусства и не дать ни малейшей возможности пересмотреть линию партии в области искусства. Самое удивительное, что в этом закрытом письме была подтверждена обоснованность постановлений ЦК 1946–1948 гг., направленных против деятелей искусства. Изобразительное искусство перестало устраивать партийное руководство, т. к. не отвечало задачам партии. Н. С. Хрущёв обвинял Министерство культуры и Академию художеств СССР в том, что они не контролируют процессы, которые происходили в изобразительном искусстве, идеологически не ориентируя советских художников в их творческой деятельности [6].

Критике подвергалась «определённая тенденция», борьбу с которой поручили парткомам творческих союзов. Перед парткомами стояла задача превратить творческие союзы в проводники политики партии в художественной среде. Союз художников всегда был под пристальным контролем советских властей. Финансовое обеспечение творческих союзов и их художественных фондов не могло не способствовать влиянию госорганов на творческих деятелей. Руководство государства сделало акцент на преференциальной политике по отношению к творческим союзам, материально стимулируя художественные процессы и членов творческих союзов. Такая коллективная ответственность и политизация творческой деятельности вынуждали совершивших «неправильный поступок» художников каяться перед руководством страны, что и последовало после нашуевшей выставки в Манеже. Э. Неиз-

вестному пришлось направить письмо самому Хрущёву с благодарностью за критические наставления. Таковы были правила, которые следовало соблюдать.

В лице Н. С. Хрущёва власть постоянно вмешивалась в художественную политику, поучая художников, как и что им следует писать. Октябрьская 1959 г. выставка молодых художников Москвы в Центральном Доме литераторов вызвала серьёзную тревогу руководителей партии. В аппарат ЦК КПСС пришло письмо от президиума Академии художеств СССР, в котором говорилось об оживлении эстетских и формалистических настроений среди некоторой части художников и искусствоведов, которые проявлялись как в творчестве художников, так и в устных и печатных выступлениях [1, с. 536].

Руководство Союза художников СССР осудило молодых художников за то, что они «скатываются к абстракционизму», противопоставляя себя советскому искусству. В принципе, такие обвинения можно понять. Союз художников подчинялся высшим партийным органам, да и молодые непослушные художники не скрывали, что на их творчество оказали сильное влияние не только традиции советской живописи 1920-х гг., но, в первую очередь, выставки современного зарубежного искусства.

Н. С. Хрущёв ещё и потому был так непоколебим в противоборстве с новыми направлениями в изобразительном искусстве, что соцреализм на самом деле был самым востребованным направлением и полностью соответствовал его вкусу. В СССР, начиная с 1930-х гг., авангардистские направления подвергались репрессиям со стороны государства, т. к. отходили от традиций, радикально изменяя живопись.

Власть небезосновательно опасалась, что через разрушение принятых канонов авангардисты повлияют и на общество в целом. В эпоху оттепели авангардизм, претерпев определённое обновление,

получил название «советский нонконформизм» со своим внутренним поиском, разговором со своей душой. В послевоенные годы «формализм» и «западничество» были почти синонимами. В идеологии преобладали представления о политических смыслах того или иного художественного направления, служащего интересам какой-либо политической группы. Одним из идеологических постулатов было марксистское видение искусства, которое ограничивало роль индивидуальности в процессе творчества. Другим постулатом было представление, что в капиталистическом мире художник имеет статус наёмного работника и не имеет творческой среды для самовыражения. Для советского художника произведения изобразительного искусства связаны с построением коммунистического общества и поэтому связаны с жизнью через принятие социалистической идеологии.

Благодаря оттепели возникло сосуществование различных художественных направлений. Среди сторонников реалистического была группа художников, получивших название мастеров «сурового стиля». Их живопись отличали аскетизм и нарочитая грубость форм. Художники этого стиля пытались понять противоречивость и драматизм действительности без приукрашивания, правдиво показывая реальную трудовую жизнь.

Следует отметить, что обласканных властью официальных художников беспокоили амбиции художников «сурового стиля», которые постепенно встраивались в структуры советского изобразительного искусства, нередко занимали важные посты в различных художественных комиссиях, претендуя на привилегии Союза художников и Академии художеств. Академики искусств их опасались больше, чем абстракционистов, т. к. видели в них правопреемников, угрожающих их власти в изобразительном искусстве. Именно художники «сурового стиля» инициировали и организовали нашумев-

шую выставку «30 лет МОСХа». Живопись «сурового стиля» не была абстрактным искусством, тем не менее в Манеже Н. С. Хрущёв набросился на представителей этого стиля с не меньшей яростью, что и на представителей авангардизма.

Помимо художников «сурового стиля» всё чаще о себе заявляли художники, которые опирались в своём творчестве на традиции русского авангарда начала XX в. и на западное современное искусство (абстракционизм и экспрессионизм). Однако на выставках под управлением Союза художников и Академии художеств им выставляться не было никакой возможности.

Несмотря на все идеологические запреты, благодаря оттепели, смогли появиться уникальные творческие объединения. Именно в эти годы заявила о себе художественная студия «Новая реальность» под руководством Э. Белютина. Работы студии были наполнены личными переживаниями, выраженными в форме абстракций.

Активная деятельность художников неофициального направления вызвала раздражение представителей Союза художников и Академии художеств. Здесь роль играла не только творческая зависть, но и распределение материальных благ. От расположения властей зависели госзаказы, выставки, музеи, студии, и т. п. Представители официальной живописи, академики искусств вряд ли хотели делиться такими благами со своими творческими конкурентами.

Сценарий партийного погрома художников студии «Новая реальность», которые не планировали показывать свои работы в Манеже на выставке «30 лет МОСХа», был тщательно разработан. В ноябре 1962 г. в Москве открылась выставка «Экспериментальной студии живописи и графики» Э. Белютина. На открытие выставки специально прилетел руководитель Союза польских художников, появились иностранные корреспонденты, критики, телевидение. На следую-

щий день прошла пресс-конференция с участием иностранных корреспондентов, а по Евровидению был показан телесюжет о «Новой реальности». В те годы присутствие иностранных корреспондентов обязательно контролировалось «компетентными органами», а несанкционированных ими телесъёмки и интервью просто не могло быть. Резонанс от камерной, известной только в узких кругах выставки студии случился огромный, иностранцы проявляли большой интерес. В западных масс-медиа напечатали материалы о советских художниках-абстракционистах, пересматривающих все каноны соцреализма. Буквально на следующий день Хрущёва, находящегося за границей, атаковала пресса с вопросами о существовании в СССР новых художественных тенденций. Можно представить негодование руководителя государства, ничего не знающего об этой выставке. Как только Хрущёв вернулся в страну, с руководителем студии связался заведомо культуры ЦК партии Д. Поликарпов, высказав пожелание идеологической комиссии при ЦК КПСС выставить картины студии в Манеже как доказательство расширения рамок советского искусства. Пригласив билютинцев в Манеж и отдав им несколько отдельных залов, их представили как членов московского отделения Союза художников, что не соответствовало действительности. Таким образом, встал вопрос о признании нового направления искусства. Э. Билютин отказаться от такого предложения не мог, на что и рассчитывали академики. Без предварительного просмотра, без приёмки и утверждения экспозицию абстракционистов организовали в главном выставочном зале страны.

Н. С. Хрущёв на выставке в Манеже

1 декабря 1962 г. Первого секретаря ЦК КПСС Хрущёва, окружённого свитой из члена Политбюро ЦК КПСС по идеологическим вопросам М. А. Суслова, тогдашнего заместителя председателя Совета министров А. Н. Шелепина, первого

секретаря ЦК ВЛКСМ С. П. Павлова, министра культуры СССР Е. А. Фурцевой, председателя идеологической комиссии при ЦК КПСС Л. Ф. Ильичева, первого секретаря Союза художников В. А. Серова и др. водили по залам Манежа на юбилейной выставке МОСХа¹. Событие это было особенное, т. к. такие посещения не практиковались среди лидеров советского государства, да и сам Хрущёв не планировал свой визит в Манеж – его хитростью привезли на выставку и подвели к экспозиции студии Э. Билютина, прекрасно зная, что авангардистские абстракции очень сложны для понимания Первого секретаря партии. Хрущёв безрадостно постигал переключение от социалистического реализма к выражению непонятных для него чувств. Это подтвердили и его недоумённые вопросы Л. Ф. Ильичеву: зачем его сюда привезли и почему сами не могли разобраться при наличии парторганизации МОСХа, выставкома и т. п.

Расчёт заговорщиков на негодование лидера государства, который встретился с непонятным для него искусством, оправдался. Многие сразу поняли, что это была спланированная акция. Художник Б. Жутовский в своих воспоминаниях о событиях в Манеже заметил, что «одна команда живописцев, находившаяся у власти, решила, что пора сводить счёты с другой командой, которая подошла к этой власти слишком близко, и придумала, как воспользоваться обстоятельствами и сделать это руками первого человека в государстве» [3, с. 18].

Хрущёв не сомневался, что художники должны служить партии и государству, как это было при Сталине, и понимание искусства должно быть одинаковым и у художников, и у партии, и у народа. Тогда в Манеже Н. С. Хрущёв в сердцах заявил: «Да, я покончил с культом Сталина, но полностью разделяю сталинскую пози-

цию в области руководства культурой» [4, с. 122].

Первый секретарь партии, рассуждая о предназначении искусства, делал акцент на то, что живопись должна вдохновлять советских людей на трудовые подвиги, особенно после принятия программы коммунистического строительства. Можно согласиться с художниками, что Хрущёв ничего не понимал в абстракции. Но как лидер государства он отвечал за распределение государственных средств. Он знал бюджет Союза художников и ожидал увидеть за эти деньги картины уровня Третьяковской галереи. Творчество, с которым он познакомился в Манеже, было расценено им как расхищение немалых государственных средств. Хрущёв обвинял абстракционистов в паразитическом труде, который ничего не даёт обществу, и поэтому они не достойны государственного финансирования.

Руководитель государства относился к подавляющему числу граждан, которым абстракционизм был совершенно чужд и странен. Хрущёв считал эти работы извращением искусства, называл картины абстракционистов мазнёй. Советский народ был воспитан на реалистических произведениях Шишкина и Репина, Сурикова и Васнецова, которыми можно было часами любоваться. Он не только не воспринимал живопись абстракционистов, но и относился к ней враждебно, считая абстракционизм бездарным изображением действительности.

Нужно понимать время, когда происходила выставка в Манеже. Шла холодная война между политическими системами по всем фронтам. Конфронтация с Западом касалась и изобразительного искусства. Н. С. Хрущёв понимал, куда может привести в конечном счёте т. н. «свободное капиталистическое искусство». И отступать ни в какой сфере деятельности, тем более в изобразительном искусстве, он не собирался. У нас социалистическое общество, а эти псевдохудожники,

¹ Высокое призвание советского искусства – служить народу, делу коммунизма // Правда. 1962. 2 декабря/

получившие образование на деньги государства, тащат нас в буржуазный дом. Отступление от идеологических норм в искусстве трактовалось партийными органами происками стран империализма, протаскивающими в советское общество доктрины «беспартийности» искусства, «абсолютной свободы творчества». На «непослушных» творческих деятелей навешивали ярлыки «агентов» вражеской идеологии и антикоммунизма.

Не надо забывать, что на Хрущёва могли подействовать и международные события октября 1962 г. Для Хрущёва отзыв ракет с ядерными боеголовками с Кубы был равносильен поражению в условиях холодной войны. Реванш на идеологическом фронте с Западом был очень кстати. Разнос представителей «сурового стиля», абстракционистов студии Э. Билютина и его соратников был своеобразной трибуной, чтобы покончить с неудобными направлениями изобразительного искусства, отметив «формалистические» творения прямым отступлением от социалистического реализма, который прославил советское искусство.

Хрущёв, не обладая соответствующими знаниями, следовал примеру Сталина, вмешиваясь в вопросы искусства. Необходимо понять и главу государства. Он искренне считал, что после XX съезда жёсткий контроль по отношению к культуре больше не нужен из-за неизбежности построения коммунизма в нашей стране. А в коммунистической идеологии неизбежно превосходство социалистического реализма. И в коммунистической формации конкуренции быть не может, и изобразительное искусство станет самым народным без альтернатив.

Борьба с современным искусством после событий в Манеже

В СССР авангардизм со своим вольным взглядом на действительность считался неплодотворным. Лояльность советских властей к новым направлениям в изобразительном искусстве после со-

бытий в Манеже закончилась. Мнение лидера партии, как это было и до эпохи оттепели, сыграло ключевую роль в установлении приоритетов в сфере изобразительного искусства. Политика власти к изобразительному искусству кардинально поменялась. Терпимое отношение к новациям в изобразительном искусстве сменилось полным неприятием отступления от принятых норм.

На следующий день после скандала в Манеже главная газета страны «Правда» подвергла уничижительной критике не только абстрактные произведения студии «Новая реальность», но и работы художников «сурового стиля», подчеркнув линию партии: «Во время беседы Н. С. Хрущёв обратил внимание на то, что некоторые художники высокомерно, пренебрежительно относятся к общественному мнению об их произведениях, и сказал, что если произведение понятно только его автору и не признаётся народом, такое произведение нельзя отнести к настоящему искусству»¹. Общий вектор борьбы с неудобными художниками был задан. Абстракционистов загнали в подполье, отстранив от участия в официальных выставках, преподавания в художественных вузах, оформления художественных книг и т. п. Чтобы больше этого не повторялось, Союз художников был взят под жёсткий контроль с указанием, что и как художники должны творить. В Союзе художников продолжали работать только те, кто полностью поддерживал политику партии в изобразительном искусстве.

Борьба с современным искусством после событий на выставке в Манеже 1962 г., которые были инспирированы руководителями Союза художников и Академии художеств СССР, вышла на новый виток. Признанным мастерам социалистического реализма во главе с первым секретарем Союза художников В. А. Серовым, поддержанным партий-

¹ Высокое призвание советского искусства – служить народу, делу коммунизма // Правда. 1962. 2 декабря

ным идеологом М. Суловым, с помощью продуманной провокации удалось осуществить задуманное – заклеить неуютное искусство руками самого руководителя государства. Художественный конфликт разрешился в результате заговора. Благодаря руководителю государства, исполнившему роль «строгого критика», советское изобразительное искусство приостановилось на признании всем массового понятного стиля в изобразительном искусстве. Вольнолюбивые настроения среди советских художников должны были прекратиться.

После Манежа художники разделились: одни, готовые идти на компромиссы с властью и признать свои труды творческими ошибками, продолжили творческую работу, а другие ушли в подполье, которое получило название художественный андеграунд или нонконформизм. Противники новых явлений в изобразительном искусстве победили. Консервативное крыло в изобразительном искусстве значительно укрепило своё положение.

Заключение

Политическая обстановка в стране после смерти Сталина способствовала стремлению художников к большей самостоятельности от идеологических установок, образованию индивидуального сознания. По отношению к творческой деятельности это была серьёзная общественная задача.

Несмотря на обстановку оттепельной десталинизации в политической сфере, изобразительное искусство по-прежнему полностью контролировалось и регламентировалось Министерством культуры и Союзом художников СССР, способствуя тому, чтобы социалистический реализм по-прежнему пребывал в статусе единственного официального направления изобразительного искусства. Выступлений художников против власти после XX съезда не было. Молодые художники искали себя вне рамок соцре-

ализма в русле современного западного искусства. Естественно, власть видела в этом подражании прозападнические настроения, что в условиях холодной войны вызывало раздражение. Параллельно молодые художники настроили против себя и представителей постсталинского официоза. Мотивы расправы с авангардистами были и художественные, и политические.

Идеологические постулаты соцреализма сталкивались с противодействием поколения молодых художников. Это неизбежно вело к самому значимому и принципиальному конфликту, противостоянию между властью (в лице Н. С. Хрущёва) и представленным на выставке в Манеже в 1962 г. искусством, завершившееся расколом на *официальное* и *неофициальное* искусство. К неофициальному искусству примкнули те художники, которые были вынуждены начинать свой индивидуальный путь в искусстве и вести поиски самостоятельного художественного языка в подполье. Это направление сложилось как попытка реализовать в искусстве провозглашённые оттепелью принципы: право на свободу творческого поиска, индивидуальное художественное видение. Из-за противоречивости политической ситуации в стране раскол в изобразительном искусстве был неизбежен, который и определил последующее развитие изобразительного искусства в советском государстве.

В эпоху оттепели «десталинизация» изобразительного искусства выражалась в противоборстве с некоторыми содержательными аспектами искусства сталинского периода. Однако в рамках этого противоборства основные эстетические установки предыдущей эпохи сохранялись в неприкосновенности и продолжали линию развития советского искусства. Происшедшее в Манеже стало поворотным моментом в истории советского изобразительного искусства, и его нельзя рассматривать без восстановления социально-исторического контекста эпохи от-

тепели. Необходимо акцентировать внимание на изменившихся идеологических и политических факторах существования и политического искусства в рассматриваемую эпоху.

Статья поступила в редакцию 19.01.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы / под ред. В. Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.
2. Воробьев В. И. Враг народа. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 816 с.
3. Жутковский Б. И. Я болен временем // Огонек. 1989. № 15. С. 18–19.
4. Молева Н. Годы надежды // Наше наследие. 1989. № 6. С. 119–123.
5. О чувстве нового // Искусство. 1956. № 1. С. 3.
6. Письмо ЦК КПСС «Об усилении политической работы в массах и пресечении вылазок анти-советских враждебных элементов» от 14.12.1956 // Реабилитация: как это было. Февраль 1956 – начало 1980-х годов. Документы. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2000. С. 208–213.

REFERENCES

1. Afiani V. Yu., ed. *Apparat TSK KPSS i kultura. 1953–1957: Dokumenty* [The apparatus of the Central Committee of the CPSU and culture. 1953–1957: Documents]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 808 p.
2. Vorobev V. I. *Vrag naroda* [Enemy of the people]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 816 p.
3. Zhutovsky B. I. [I'm sick of time]. In: *Ogonek* [The Spark], 1989, no. 15, pp. 18–19.
4. Moleva N. [Years of hope]. In: *Nashe nasledie* [Our Legacy], 1989, no. 6, pp. 119–123.
5. [About feeling new]. In: *Iskusstvo* [Art], 1956, no. 1, pp. 3.
6. [Letter from the Central Committee of the CPSU «On strengthening political work among the masses and suppressing the sorties of anti-Soviet hostile elements» dated 12.14.1956]. In: *Reabilitatsiya: kak eto bylo. Fevral 1956 – nachalo 1980-h godov* [Rehabilitation: how it was. February 1956 – early 1980s. Documentation. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000. P. 208–213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Gorlov – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Historical Sciences and Archive Studying, Moscow Linguistic State University;
e-mail: Gorlov812@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Горлов В. Н. «Я покончил с культом Сталина, но полностью разделяю сталинскую позицию в области руководства культурой». Противоборство Н. С. Хрущёва с новыми направлениями в изобразительном искусстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 114–125.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-114-125

FOR CITATION

Gorlov V. N. “I have done away with Stalin’ cult of personality, but I fully share Stalin’s stand concerning cultural governance”. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 114–125.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-114-125

УДК 37/09

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-126-130

ДОНБАСС: СМЫСЛ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЙ СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Ковалёв С. А.

*Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького
283003, г. Донецк, пр. Ильича, д. 16, Украина – ДНР*

Аннотация

Цель. Рассмотреть необходимость формирования массового пролетариата, его мотивации и сущность развития профессиональной школы в 20–30 гг. XX столетия.

Процедура и методы. Установлена взаимосвязь с основными процессами общественной жизни. Используются методы: историко-сравнительного, генетического и математического анализа на основе динамических диаграмм, ретроспективы, корреляции и обобщения.

Результаты. Сделан вывод о том, что командно-административная система оказалась неэффективной для длительного эволюционного развития. Однако она обеспечила предприятия необходимой рабочей силой.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ходе проведённого исследования автор изучил 10 тыс. источников из 48 фондов государственных и ведомственных архивов. Подобного анализа за 20 предвоенных лет ещё не проводилось. Современную инновационную политику на рынке труда следует осуществлять на основе положительного опыта отечественной истории.

Ключевые слова: профессиональная школа, коренизация, классовый подход, соревнование, новаторы

DONBASS: THE MEANING OF TRADITION AND A MODERN SYSTEMIC ANALYSIS

S. Kovalev

*Donetsk National Medical University named after M. Gorky
16 pr. Ilyicha, Donetsk 283003, Ukraine – DPR*

Abstract

Aim. To consider the need for the formation of proletariat masses, the proletariat's motivation, and the essence of the development of vocational schools in the 1920s and 1930s of the 20th century.

Methodology. A relationship with the main processes of public life has been established. Comparative-historical and genetic methods in conjunction with mathematical analysis based on dynamic diagrams, retrospectives, correlations, and generalizations were employed.

Results. The command-administrative system proved to be ineffective for long-term evolutionary development. However, it provided the necessary workforce for enterprises.

Research implications. During the research phase, the author studied 10 000 sources from 48 state and institutional archive fonds. A similar analysis of the 20 pre-war years has not yet been performed. Modern innovative policies in the labour market should be implemented taking into consideration the positive experience in the national history.

Keywords: vocational school, korenization policy (indigenization), class approach, competition, innovators

Введение

Развитие Донбасса в 20–30 гг. XX в. спасало крестьян от голода и колхозных трудностей. При этом маргинализация рабочих, их крестьянско-люмпенское происхождение на 70–80% позволило партийным функционерам ликвидировать рыночные отношения, дискредитировать инженерно-технических работников.

Рост уровня профессиональной подготовки рабочих наглядно проявился в ходе их артельной самоорганизации и трудового соревнования. Особенно это характерно для движения новаторов, инициированного компартийной элитой в дальнейшем. Рабочие почину позволяли легко манипулировать сознанием масс.

С начала 1920-х гг. это были ударные артели, производственные конкурсы, смотры, делегатские собрания. В 1927 г. на большинстве предприятий Украины действовали цеховые совещания, рассматривавшие вопросы экономии ресурсов и совершенствования технологии. Около 140 тыс. рабочих выдвинули на руководящие должности. Так, бывший коногон Е. Т. Абакумов возглавил Рутченковское шахтоуправление в Юзовке, где его помощником по политработе с 1920 г. был Н.С. Хрущёв.

В марте 1925 г. ВУЦИК наградил орденом Трудового Красного Знамени УССР 26 шахтеров – Героев Труда: Н. Бурлуцкого, В. Елинареенко и др. Политика выдвигательства и репрессий привела к потере монолитности рабочего класса, снижению его квалификации. Возникло напряжение между властями и субпролетариатом, пришедшим из презираемой доколхозной деревни [2, с. 221].

И. Сталин умело использовал то обстоятельство, что неграмотный человек стоит вне политики, имея слабое представление о демократии [5, с. 17]. Энтузиасты-выдвиженцы верили вождю, но их личная судьба часто оказывалась трагичной. Кризисный социум порождал амби-

валентность, двойственность сознания, рост энтропии.

Подготовленные рабочие стали движущей силой массового трудового соревнования, начавшегося в 1929 г. Его основу заложило движение ударников.

Значительное место в трудовом творчестве рабочих заняла деятельность хозрасчётных бригад в 1931–1933 гг. В начале первой пятилетки между собой соревновались 262 предприятия (150 тыс. чел.)¹. Однако элементы самоуправления и мотивации труда в бригадах в дальнейшем не нашли поддержки руководства. По мнению исследователя М. Коваля, планируя ускорение темпов, В. В. Куйбышев и его команда технократов надеялись, что рабочий класс без материального стимула обеспечит выполнение повышенных заданий [6, с. 264].

План 1928/1929 хозяйственного года промышленность Украины выполнила на 104%, при этом брак составил 30–40%. Деловые предложения рабочих далеко не всегда принимались во внимание. Важным способом активизации масс были проводимые профсоюзами предприятий смотры-конкурсы. В 1931 г. союз горнорабочих провёл весьма актуальный сегодня смотр экономии горючего и энергии. В дальнейшем такие конкурсы стали основой подписания коллективных договоров.

Внедрение с 1931 г. непрерывной работы врубовых машин по методу инженера К. Карташова значительно повысило производительность труда и материальную заинтересованность шахтеров – «работа на пай». Одной из форм технического творчества рабочих стало их рационализаторство.

В июле 1931 г. в «Рабочей газете» выступили прокатчики Керченского завода им. Войкова с инициативой о преодолении цеховщины и закреплении за ветеранами по 3–5 новичков. Их почин продолжили изотовцы.

¹ Вісник проффруху України. 1929. № 24. С. 24.

Изотовские школы содействовали развитию ударничества, обучению молодых горняков на производстве. В 1933 г. на красноармейской шахте им. Димитрова врубмашинист И. Жуков и начальник участка И. Бридько также достигли высоких показателей, работая циклично новаторскими методами.

Качественным итогом всей предварительной работы по формированию, повышению технического образования рабочих и мотивации их труда явилось стахановское движение, начавшееся в 1935 г. в Донбассе.

Массовый пролетариат, его мотивации и сущность развития

На наш взгляд, к ранее принятым показателям массовости движения новаторов следует подходить критически. Отбрасывая официальную показуху, следует подчеркнуть его эффективность в управлении производством и повышении производительности труда рабочих. Это была старая сдельщина на основе новой техники и бригадной организации труда. Работа оплачивалась сдельно-прогрессивно. При зарплате забойщиков в 130–200 руб. стахановцы получали в 10 раз больше.

Для пропаганды опыта новаторов партийные органы создали институт общественных инструкторов стахановского метода, стахановские производственные совещания и рабочие совещания по профессиям. Первыми на отстающие шахты направили: А. Стаханова, Н. Изотова, И. Молостова [8, с. 86].

Одновременно, под давлением административных органов, на предприятиях часто нарушалась технология, что создавало аварийные ситуации. Работа наспех подготовленных «фабзайчат» также была связана с высокой аварийностью. Эти причины явились удобным поводом для репрессий. Только в 1936 г. за саботаж было осуждено 20% руководящего состава промышленности Донбасса (1 тыс. ИТР).

На их место выдвигались рабочие-стахановцы, что на деле приводило к снижению производительности труда (в 1937 г. – 40,5% от США), имела место инволюция [11, с. 468]. Формами передачи передового опыта работы являлись доклады стахановцев на производственных совещаниях, стахановские слёты, общественные смотры и т. д.

В апреле 1936 г. 96% норм выработки в угольной и машиностроительной промышленности Украины были значительно увеличены с учётом опыта новаторов. В драконовское законодательство 1940 г. ввели уголовные статьи за опоздание, прогул, самовольный уход с работы. Рабочих отдавали под суд за 3 опоздания на несколько минут. Политика возвеличивания рабочих маскировала партийную номенклатуру как господствующий слой советского общества. Её диктатурой и был тоталитаризм [3, с. 598].

Стахановское движение как система новой организации труда и управления производством с самого начала было ограничено скудными материальными ресурсами и политическими репрессиями [1].

Несмотря на это, в годы предвоенных пятилеток промышленность Украины поднялась на качественно новый уровень развития. Решающей силой технической реконструкции народного хозяйства явились подготовленные за тот период многочисленные кадры рабочих, обладавшие невостребованным запасом технического и социально-политического потенциала.

Повышение профессионального уровня рабочих опосредованно вело и к совершенствованию организации их труда: производственные совещания, хозрасчётные бригады, наставничество и новаторство. В то же время, если в 1924 г. американский рабочий получал в день 5–6\$, английский – 2,2, немецкий – 1,5, то советский лишь 0,8 [12, с. 25]. Годовая производительность труда в 1930 г. на 1 рабочего была в 5–6 раз ниже по

углю и стали, чем в США¹. Следует подчеркнуть, что смертельный травматизм в отечественной угольной промышленности на 1 млн т добытого угля в 1935 г. составил 12,4 чел. (в США – 3,01 чел.) [7, с. 126]. Индекс цен также увеличивался: в 1913–1922 гг. – в 1,7 млн раз [10, с. 328], в 1928–1932 гг. – в 2,6 раза, в 1928–1940 гг. – в 6,4 раза [9].

Таким образом, меры, предпринятые руководством СССР в 1921–1941 гг. по формированию, профессиональному обучению и мотивации труда рабочих, дали определённые положительные результаты. Но эти достижения не были долговременными, т. к. обеспечивались не экономическим регулированием, а в основном за счёт отчуждения рабочих от результатов своей деятельности. Система профессиональной подготовки имела те же успехи и социальные болезни, что и весь общественный организм в целом. Равнодействующая диагональ паралелограмма политических сил равнялась низкой производительности труда.

Это основной показатель уровня воспроизводства рабочей силы. Система профессионально-технического образования оказалась неэффективной для решения качественных задач экономики – ибо действовала в условиях командной системы и однопартийности. В то же время она в значительной мере все-таки «утолила голод» промышленных предприятий в рабочей силе, содействовала решению задач технической реконструкции народного хозяйства Украины.

Следует подчеркнуть, что развитие отечественной профессиональной школы в предвоенный период имеет много общего с современностью. Но если тогда рост производства и конвертируемый червонец содействовали её укреплению, то сегодняшний экономический кризис несёт опасность повторения негативного опыта реформы 1933 г., когда с целью массовой подготовки дешёвой рабочей силы школы фабрично-заводского учениче-

ства (ФЗУ) были переданы в подчинение предприятий и стали штамповать малограмотные «винтики промышленности». Производительность труда советских рабочих так и осталась в 2 раза ниже американских, а разрыв в номинальной зарплате рабочих и ИТР в 1940 г. составил 197% (в 1917 г. – 180%). Фактически же он был ещё больше. Месячное потребление мяса индустриальным рабочим в 1940 г. составило 1,7 кг, что меньше, чем в 1913 г. (2,4 кг) [4, с. 105].

Заключение

Выход из современного системного социально-экономического кризиса на Украине видится в глубоком этнополитическом анализе развития общества указанного периода, практических выводов из него. В 20–30-е гг. XX в. проблемы профессионального обучения, социального партнерства, мотивации труда решали за счёт интеграции, акционирования и структурной перестройки производства, самокупаемости школ ФЗУ. Всё это вызывало трудовой энтузиазм рабочих.

Следует подчеркнуть, что по данным Минстата индекс производительности труда в промышленности Украины в 1997 г. составил 76%, в 1990 г. – 100%². Только в 1999 г. прекратился спад производства, но его объём в 2000 г. составил лишь 58% от 1990 г.³.

Особую актуальность формирование, профессиональное образование и мотивация труда рабочих имеют для восстановления Донбасса, сильно пострадавшего в ходе боевых действий с 2014 г.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021

² Статистичний щорічник України за 1997 р. Київ: Техніка, 1999. С. 98.

³ Україна. Київ, 2001. С. 221.

¹ Вопросы труда. 1930. № 7-8. 10 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бут А. Н. Организация управления промышленностью Украины в 1921–1941. Киев, 1991. 315 с.
2. Верт Н. История советского государства. М., 1995. 230 с.
3. Восленский М. Номенклатура. М., 1991. 598 с.
4. Гордон Л., Клопов Э. Что это было? М.: Политиздат, 1989. 350 с.
5. Зевелев А. Истоки сталинизма. М., 1990. 60 с.
6. Коваль М. Історія України. Київ, 1992. 315 с.
7. Краснонос Ю. Н. Формирование кадров рабочих угольной промышленности Украины: дис. ... канд. ист. наук. Донецк, 1995. 256 с.
8. Лихолобова З. Г. Поступь новаторов. Донецк: Донбас, 1976. 220 с.
9. Попов В., Шмелев Н. На развилке дорог // Студенческий меридиан. 1989. № 1. С. 26–32.
10. Семененко В. І. Історія Східної України. Харків, 1999, 328 с.
11. Струмилин С. Проблемы экономики труда. М., 1982. 520 с.
12. Шаповал Н. Большевизм и Украина, 1926. 25 с.

REFERENCES

1. But A. N. *Organizatsiya upravleniya promyshlennostyu Ukrainy v 1921–1941* [The organization of industrial management of Ukraine in 1921–1941]. Kiev, 1991. 315 p.
2. Vert N. *Istoriya sovetskogo gosudarstva* [History of the Soviet state]. Moscow, 1995. 230 p.
3. Voslensky M. *Nomenklatura* [Nomenclature]. Moscow, 1991. 598 p.
4. Gordon L., Klopov E. *Chto eto bylo?* [What was it?]. Moscow, Politizdat Publ., 1989. 350 p.
5. Zevelev A. *Istoki stalinizma* [The origins of Stalinism]. Moscow, 1990. 60 p.
6. Koval M. *Istoriya Ukraini* [History of Ukraine]. Kiev, 1992. 315 p.
7. Krasnonosov Yu. N. *Formirovaniye kadrov rabochikh ugolnoi promyshlennosti Ukrainy: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of cadres of workers in the coal industry of Ukraine: PhD thesis in History sciences]. Donetsk, 1995. 256 p.
8. Likholobova Z. G. *Postup novatorov* [Act of innovators]. Donetsk, Donbas Publ., 1976. 220 p.
9. Popov V., Shmelev N. [At a fork in the road]. In: *Studencheskii meridian* [Student's meridian], 1989, no. 1, pp. 26–32.
10. Semenenko V. I. *Istoriya Skhidnoi Ukraini* [History of Eastern Ukraine]. Kharkov, 1999, 328 p.
11. Strumilin S. *Problemy ekonomiki truda* [Labor economics problems]. Moscow, 1982. 520 p.
12. Shapoval N. *Bolshevizm i Ukraina* [Bolshevism and Ukraine]. Prague, 1926. 25 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковалёв Сергей Александрович – кандидат исторических наук, докторант, соискатель кафедры истории Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького;
e-mail: shachtar1509@mail.ua

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kovalev – Cand. Sci. (History), Dr. Sci. degree-seeking candidate, Department of History, Donetsk National Medical University named after M. Gorky;
e-mail: shachtar1509@mail.ua

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковалёв С. А. Донбасс: смысл традиции и современный системный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 126–130.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-126-130

FOR CITATION

Kovalev S. A. Donbass: The meaning of tradition and a modern systemic analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 126–130.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-126-130

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145

АРЕАЛЬНО-ДИАЛЕКТНАЯ ДИВЕРГЕНЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ВЕТВИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬИ (ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ОБЗОР)

Алексеев К. А.

Тверской казачий технологический институт

170100, Россия, г. Тверь, Свободный пер., д. 16, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Построение целостной модели диалектного членения индоевропейской семьи с определением места и времени бытования каждой группы диалектов.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ данных антропологии, археологии, генетики и глоттохронологии по принципу их взаимной конвергентности и, насколько возможно, непротиворечивости.

Результаты. Исследование показало, что прародиной восточной ветви индоевропейцев был ареал польгарских культур в бассейне Тисы, откуда несколькими волнами обособившиеся диалектные группы мигрировали через ареал Трипольской культуры в степи Евразии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложена датировка существования Михайловки II, выдвинута гипотеза происхождения Абашевской культуры от Михайловки II.

Ключевые слова: индоевропейцы, индо-иранцы, Михайловка II, средиземноморский антропологический тип

THE AREAL-DIALECT DIVERGENCE OF THE EASTERN BRANCH OF THE INDO-EUROPEAN FAMILY (AN INTEGRATIVE REVIEW)

K. Alekseev

Tver Cossack Institute of Technology

1b Svobodny, Tver 170100, Russian Federation

Abstract.

Aim. To build an integral model of the dialect division within the Indo-European language family and determine the geographical and temporal setting for each dialect group.

Methodology. A comprehensive analysis of anthropological, archaeological, genetical, and glottochronological data was performed on the principles of their mutual convergence and – as far as possible – non-contradiction.

Results. The study showed that the original homeland of the Indo-Europeans' eastern branch was located in the area of the Polg r cultures in the Tisza basin. The isolated dialect groups migrated from the region through the area of the Tripolye culture and spread in the Eurasian steppes.

Research implications. An approach for dating Mikhailovka II was proposed, and the hypothesis that the Abashevo culture originated from Mikhailovka II was suggested.

Keywords: Indo-Europeans, Indo-Iranians, Mikhailovka II, Mediterranean race

Введение

Задачей данного исследования является построение схемы ареально-диалектной дивергенции восточной ветви и. е. семьи на широком отрезке времени и географического пространства, причём за основу принята деривационно-пространственная модель членения общеиндоевропейской языковой области, предложенная Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым [4, с. 415]. К указанной восточной ветви (группа диалектов *B* по Гамкрелидзе и Иванову) относятся две макро-группы: балто-славяно-германская (*нордическая*) и арийско-греко-армянская (*аугментная* по Л. А. Гиндину [6, с. 59]). В аугментную группу входят *палеобалканская группа* (по И. М. Дьяконову) в составе исторических диалектов фракийского, фригийского, армянского и греческого [7, с. 8–10], а так же *индоиранская группа* в составе исторических диалектов иранского и индоарийского (ведического и митаннийского).

Мы проведём системный и комплексный анализ максимально широкого круга данных различных источников археологии, антропологии, генетики и глоттохронологии, которые в наибольшей степени оказываются конвергентны между собой, чтобы построенная модель насколько возможно была внутренне непротиворечива.

Данные глоттохронологии

Благодаря обнаружению в Тепе-Гиссаре в древней Гиркании дунайской $mtHq$ HV (некалиброванная дата 2 315 г. до н. э.¹), которая впоследствии обнаруживается в Гандхарской культуре в долине ведической реки Сват (Буткара, образец BUTK-3), мы можем констатировать, что

выделение арийской группы языков из индоиранской общности произошло не позднее указанной даты. Кроме того, эта дата указывает на момент прихода индоарийцев в Среднюю Азию, откуда они позднее продвинулись в долину Инда [1, с. 37].

Соответственно можно предполагать, что ареально-лингвистическое единство ведических и митаннийских арийцев продолжалось в течение по меньшей мере 555 лет (2 315–1 760 г. до н. э.) на территории Бактрии, Маргианы и Гиркании. Около 1 760 г. до н.э. это единство распадается, митаннийцы мигрируют в район оз. Урмия [24, с. 27], а ведические арийцы начинают миграцию в направлении Индостана, где около 1 710 г. до н. э. создают Гандхарскую культуру, в которую приносят свой митохондриальный ген HV [1, с. 35–37].

Постулируя, что ареально-лингвистическое единство ведических и митаннийских арийцев длилось около 550–600 лет, мы должны предполагать не меньшую длительность существования индоиранской диалектной общности, из которой арийская группа выделилась не позднее 2 315 г. до н. э. (скорее всего, несколько ранее). Таким образом, индоиранская общность должна была существовать в период 2 950–2 350 г. до н. э.

Статистически в середине указанного периода (около 2 650 г. до н. э.) из индоиранской общности должны были выделиться кафиры, у которых не происходит ассимиляции палатальных фонем, тогда как у сохранивших единство индоиранцев в дальнейшем произошла сатемизация (палатализация согласных) [4, с. 915].

Аналогичный процесс протекал в палеобалканской группе диалектов, из которых лишь один греческий не подвергся сатемизации, выделившись прежде начала процесса палатализации, остальные же языки (фригийский, фракийский, ар-

¹ Прим автора: здесь и далее мы будем использовать традиционные некалиброванные даты с отложением 1 950 лет от радиоуглеродного значения ВР.

мянский), сохранившие единство в рамках палеобалканской группы, стали са- темными [7, с. 7–8].

Таким образом, разделение палео- балканцев и индоиранцев мы относим к 2 950 г. до н. э., а их ареально-лингвисти- ческое единство, которое должно было длиться не меньше 600 лет, на период 3 600–2 950 гг. до н. э.

Около 3 600 г. до н. э. мы должны да- тировать распад восточной ветви и. е. семьи и разделение аугментной и норди- ческой макро-групп.

Данные антропологии

Благодаря трудам Е. Е. Кузьминой, по- святившей свою научную деятельность всестороннему изучению этногенеза ин- доиранцев, на данной стадии развития исторического знания уже не остаётся со- мнений в том, что Срубная культура была археологическим эквивалентом западной ветви иранской группы (в составе персов, киммерийцев, мидян и парфян), а Андро- новская культура была археологическим эквивалентом восточной ветви иранцев (в составе согдийцев, хорезмийцев, са- ков-скифов и бактрийцев). Происхожде- ние обеих иранских культур достаточно ясно: в результате синтеза полтавкинских и абашевских древностей [12, с. 201]. Этот культурный синтез происходил на памят- никах Новокумакского горизонта (в т. ч. в Синташте), органично переходящего в алакульскую фазу [20, с. 26].

Антропологический тип алакульского этноса так же хорошо изучен. Его называют по-разному – *грацильным европеоид- ным* (А. Г. Козинцев), *средиземноморским* (С. И. Круц), но в целом он характеризу- ется *гипоморфностью* (грациализацией) скелета, узким лицом, долихоцефально- стью и, вероятно, светлой пигментаци- ей кожных и волосяных покровов [19, с. 130–131]. Появляется он ещё в Син- таште (могильник Бестамак [23, с. 60, 66]) и **именно этот антропологический тип мы должны полагать изначально при- сущим носителям иранских диалектов.**

Что касается срубного этноса, то его антропологический тип был смешанным. Ранние срубники Потаповского типа были в расовом отношении наследниками абори- генного населения Поволжья и Южно- русских степей. Со времён энеолитической Хвалынской культуры на просторах от Днепра до Волги бытовал антропологиче- ский тип, именуемый *гиперморфным, про- то-европеоидным*. Он отличался массив- ностью скелета, широким лицом, но также долихоцефалией и доминировал в культуре Средний Стог [11, с. 130]. В Ямную эпоху он сохранялся в Поволжье и на Урале [19, с. 128, рис. 4], перейдя затем населению полтавкинских и даже синташтинских (могильник Халвай-5 [23, с. 59–60]) па- мятников, однако уступив доминирование средиземноморскому (алакульскому), что свидетельствовало об окончательном тор- жестве иранского языка и культуры.

Напротив, поздние срубники Покров- ского типа и срубники Украины в расо- вом отношении идентичны алакульцам [12, с. 239], имеют единое с ними проис- хождение, составляя по существу ирано- язычный суперстрат Срубной культуры.

Таким образом, перед нами два ан- тропологических типа, и только один из них – средиземноморский (алакульский) – мы можем считать сугубо иранским. Наоборот, полтавкинцев (а равно их предков на Волге – ямников) прото-ев- ропеоидного облика мы никак не можем признать иранцами.

Методом исключения, зная, что син- таштинский (алакульский) этнос был со- ставлен полтавкинцами и **абашевцами, мы должны признать последних соб- ственно иранцами.**

Антропологи справедливо усматрива- ют предков алакульских иранцев в ямном и раннем катакомбном населении Ингуль- ца, Нижнего Днепра (Верхне-Тарасовка, Каховка) и Молочной (в пределах Херсон- ской и Запорожской областей) [9, с. 129]. Здесь в Ямную эпоху был ареал наиболее компактного обитания грацильных сре- диземноморцев (узколицых и долихоце-

фальных). Отсюда ямники расселялись в западном направлении – на Ингул, Буг и в Буджакскую степь, формируя единый с населением Запорожья и Херсонщины антропологический кластер [19, с. 128–129]. При этом их морфологическое сходство с алакульцами свидетельствует о миграции также в восточном направлении.

Являются ли запорожские и херсонские ямники непосредственными предками алакульцев? Это допустимо предполагать в контексте того, что носители многоваликовой керамики с Днепра непосредственно пришли на Урал и приняли участие в формировании Новокумакского горизонта [20, с. 29]. Вопрос в их численности. Если мигрантов с Днепра было так много, что они составили подавляющее большинство алакульского населения, то почему элементы культуры многоваликовой керамики столь неярко выражены по сравнению с абашевской культурной традицией? (Полтавкинские древности и прото-европейским антропологический тип их носителей мы выносим за скобки).

Соответственно, если оставаться верным концепции Е. Е. Кузьминой о полтавкинском и абашевском элементах как основных в формировании Андроновкой культуры, то надлежит признать, что именно абашевцы (помимо того, что

привили иранские диалекты полтавкинскому субстрату) были промежуточным антропологическим звеном между запорожскими ямниками и алакульцами.

Антропологический тип абашевцев определяется как смешанный. В эпонимном кургане Абашево в Чувашии погребён представитель прото-европейского типа [5, с. 147, 151]. Однако наиболее информативно братское захоронение 29 абашевцев в Пепкинском кургане при впадении Суры в Волгу. Погребённые отличны от прото-европейцев, представляют узколищый долихоцефальный антропологический тип, который именуется отдельными исследователями *сиро-палестинским* [5, с. 148, 149, 151]. Для целей единообразия словоупотребления описанный антропологический тип следует именовать средиземноморским.

Аналогичный полиморфизм представлен во II Липецком кургане: один из 2-х черепов являет узколищый долихоцефальный тип (кость 3), другой – широколищый, мезокранный (кость 1) [5, с. 154].

Таким образом, 79% абашевской популяции по антропологическому типу аналогичны ямной популяции Запорожья (с реки Молочной) [19, с. 130] и являет общий средиземноморский антропологический тип (*табл. 1*), что подтверждается

Таблица 1 / Table 1

Расовый состав абашевской популяции по данным краниологии / Racial composition of the Abashevo population according to craniology data

Антропологический тип	Памятники	Количество черепов	Общее количество черепов (доля к итогу)
Уралоидный	Съезжее I/8,9	2	3 (7%)
	Красиково I 3/1	1	
Средиземноморский (узколищый, долихокранный) грацильный европеоидный	Липецк 2/3	1	33 (79%)
	Чуракаево	2	
	Катергино-Бишево	1	
	Пепкино	29	
Прото-европеоидный (долихокранный, широколищый)	Ольгаши к.5	1	6 (14%)
	Абашево 9/2	1	
	Тауш-Касы	3	
	Липецк 2/1	1	
Итого			42 (100%)

Источники: составлено автором по [5, с. 147–150, 154; 23, с. 62].

единством ареала происхождения обеих популяций: для ямников Запорожья ближайшими родичами признаны носители культуры Тисапольгар [9, с. 129], для абашевцев Пепкинского кургана ближайшим регионом происхождения признано Прикарпатье [5, с. 149].

В силу этого мы приходим к следующим выводам:

1) по своим расовым признакам (долихоцефалия и узкое лицо) абашевцы являются предками алакульцев, и поскольку алакульцы – это, несомненно, иранцы, следовательно, мы должны признать иранцами так же и абашевцев. Косвенным, археологическим подтверждением иранской этничности абашевцев является широкое использование священного огня в погребальных ритуалах Абашево [26, с. 128];

2) как носители средиземноморского типа абашевцы происходят из Запорожья, где указанный антропологический тип доминировал в предшествующее – ямное – время, когда иранцы ещё составляли диалектное единство с индоарийцами, а средиземноморский тип был един для всей индоиранской группы. Таким образом, данные антропологии надёжно связывают индоиранцев с Ямной культурой на Нижнем Днепре и с её эталонными памятниками типа Михайловки II.

3) Индоиранские средиземноморцы приходят в Степь (на Днепр) из ареала земледельческих культур Старой Европы (Дунай и Карпаты), в частности являются потомками носителей культуры Тисапольгар. Данный вывод, сделанный на основе антропологического анализа, находится в системной связи с результатами генетического анализа, согласно которому индоиранцы происходят от насельников дунайской культуры Альфельд [1, с. 38], предковой для Тисапольгара.

Сразу уточним, что археологических данных, свидетельствующих в пользу генетической преемственности между Михайловкой II и Абашево, нет. Подобный вопрос даже не возникал в археологических исследованиях, хотя антропологи-

ческие данные свидетельствуют в пользу правомерности его постановки.

А. Т. Синюк высказывал суждение, что в основе формирования Абашево лежат пострепинские древности [18, с. 531, 570]. Однако этому противоречит хозяйственно-культурный тип абашевцев, у которых господствовало скотоводческое хозяйство с преобладанием крупного рогатого скота (КРС) [26, с. 125], напротив, у репинцев в стаде преобладали лошади (80 %, КРС – только 8 %) [10, с. 245], соответственно, репинцы не могли сформировать хозяйственный тип Абашево, хотя допустимо, что они были субстратом этой культуры.

Е. Е. Кузьмина указывает, что Абашево принадлежит к кругу культур шнуrowой керамики типа Фатьяново [12, с. 125]. Однако этому противоречит антропологический тип фатьяновцев, который характеризуют как северный европеоидный (нордический) [26, с. 71] и который отличается от средиземноморского (пепкинского = сиро-палестинского, алакульского) в первую очередь высоким ростом, тогда как в абашевской популяции у мужчин рост был средний – 170 см [5, с. 155, 156]. Кроме того, отличался и хозяйственно-культурный тип, с одной стороны, фатьяновцев и носителей Среднеднепровской культуры шнуrowой керамики (КШК), а с другой стороны, абашевцев. По оценкам Д. А. Крайнова, в стаде обеих КШК на ранних этапах преобладали свиньи, затем увеличивается роль овцеводства [26, с. 66].

Таким образом, мы склоняемся к мнению А. А. Халикова, полагавшего, что абашевцы были обособившейся в лесостепи группой ямного населения (без детализации) [26, с. 130]. Полагаем, что происхождение абашевцев следует искать в тех районах Ямной общности, где в совокупности были распространены средиземноморский антропологический тип и традиция разведения КРС. Таковой оказывается именно Михайловка II, в хозяйственном укладе которой КРС состав-

лял 60% стада, лошади – 10,5%, свиньи – всего 0,4% [10, с. 21]. Перед нами пример хозяйственно-культурного типа обратнo-симметричного (противоположного) и хутора Репин, и КШК.

Данные археологии

Е. Е. Кузьмина права, отмечая, что Абашево предшествует Андроново и составляет один из компонентов при формировании Синташты [12, с. 125]. Соответственно Абашевская культура как таковая должна была сложиться до начала формирования Синташты. Местом формирования Абашево признают бассейн Среднего Дона [12, с. 192] и более конкретно – Липецкую область [26, с. 130]. В уже оформленном виде Абашевская культура принесла свои специфические черты на Урал. Для погребений 11 и 39 кургана V могильника Синташта I в Киевской лаборатории получены следующие радиоуглеродные даты: 4 200+/-100 л. н., 4 100+/-170 л. н. [12, с. 454]. Это позволяет относить начало функционирования могильника, и, следовательно, появление абашевцев на Урале к периоду 2 250–2 150 гг. до н. э. Соответственно Абашевская культура как таковая должна была возникнуть в липецком и воронежском Подонье примерно на столетие раньше – в период 2 350–2 250 гг. до н. э. Именно в этот период ираноязычные выходцы из Михайловки II должны были прийти на Дон.

Представляется, что Ямная культура на Нижнем Днестре была явлением сравнительно поздним, пришлым и не связанным с бытовавшей ранее в этом регионе культурной традицией. Зримым образом культурного и хронологического разрыва может служить стерильный горизонт, толщиной 0,5 м, который отделял Михайловку I от Михайловки II [10, с. 29]. В раннем (нижнем) горизонте Михайловки II обнаружены красноглиняные амфоры с трипольских поселений Сандраки, Печора, Стена [10, с. 64]. Все они принадлежат к городско-касперовской группе Триполья СII, из которой

датировано только поселение Городиштя: 2 665+/- 35 г. до н. э. [3, с. 238–239].

Оснований полагать, что носители ямной культурной традиции приходят на Днестр значительно ранее этой даты, у нас нет. **Таким образом, мы должны датировать основание Михайловки II, а также как таковое появление древних ямников средиземноморского типа на Днестре и в Запорожье около 2 650 г. до н. э.**

Подобная датировка в связи с данными глоттохронологии указывает, что Михайловка II была археологическим памятником не единой аугментной макро-группы и даже не одной из двух её ветвей. Дивергенция палеобалканцев и индоиранцев уже свершилась (не позднее 2 950 г. до н. э.), более того, сама миграция, приведшая к основанию поселения, послужила фактором дальнейшей дифференциации внутри индоиранской общности: Михайловку II основала лишь та группа индоиранцев, у которой в период Михайловки II происходит сатемизация согласных (иранцы и индоарийцы как общность). Напротив, кафиры, не участвовавшие в этой миграции, сохранили архаичный фонетический строй, и, оставшись вне Ямной культуры типа Михайловки II, имели иную историческую судьбу.

На рубеже Михайловки II/III происходит то, что О. Г. Шапошникова назвала *массовым вторжением* [25, с. 54]. Несомненно, что это вторжение повлекло изменение культурного облика Михайловки и возникновение нового, на сей раз укрепленного поселения – Михайловки III [10, с. 29]. Вероятно, что этнически и лингвистически новые насельники Михайловки отличались от предшественников.

Не исключено, что отношения пришельцев с коренными насельниками Михайловки II строились по той же схеме, которую Геродот описал для киммерийцев и вторгшихся скифов («История», 4:11). Вместо того чтобы сражаться против врага, киммерийцы стали сражаться

друг с другом, решая вопрос, сражаться ли со скифами. В итоге ослабленные киммерийцы, не оказывая сопротивления пришельцам, ушли с мест своего обитания. Аналогичным образом произошёл роковой раскол внутри сатемных индо-иранцев: разделение племени нашло свое отражение в ведической мифологии – иранцы выступали под именем *асуров* (*господ*), индоарийцы – под именем *девов* (*богов*).

Эта дивергенция, по данным глоттохронологии, происходит около 2 350 г. до н. э. В результате каждая из двух сатемных ветвей индоиранского племени уходит из Михайловки II своим историческим путём. Предложенная условная дата находит археологическое подтверждение в очередной волне ямной миграции на Балканы, в ходе которой ямники продвинулись вплоть до Тисы, где их присутствие отмечено впускным пог. 4 в кургане 3 Кетедьхаза, для которого имеется некалиброванная дата 2 315+/-80 г. до н. э. [17, с. 166–168]. Основное пог. 7 в кургане 3, несомненно, должно быть несколько старше.

С погребениями в Кетедьхазе синхронны погребения в курганах Вербицы (Verbița близ Крайовы в Олтении), оставленные ямниками по пути к Тисе. Радиоуглеродных дат для Вербицы нет, но по сопровождающей погребения керамике начала Раннего Бронзового века III курганы в Олтении можно датировать в сравнительно узком диапазоне 2 400–2 250 гг. до н. э.¹ В трех курганах одинаковое положение покойного – скорченно на спине, левая рука вдоль тела, правая – в области живота [16, с. 441]. Аналогичная поза встречается на Южном Буге (Ковалевка VI, кург. 4, пог. 6). Данный памятник относится О. Г. Шапошниковой к периоду верхнего строительного горизонта Михайловки II [25, с. 51], когда разросшееся население растекается в западном

и восточном направлениях – на Южный Буг и Молочную (Аккермень, курган 11 [10, с. 9]), формируя единый средиземноморский антропологический кластер (Буг-Ингул-Херсонщина-Запорожье) [19, с. 128–129].

Появление обряда типа Михайловки II в Олтении мы связываем с событиями, которые О. Г. Шапошникова назвала *массовым вторжением* поздних ямников. По существу основатели Михайловки III вытеснили с прежних мест обитания родственных между собою насельников Михайловки II и Буго-Днепровского междуречья. Последние ушли на Дунай. Таким образом, синхронные даты Вербицы и Кетедьхазы указывают (с некоторым временным лагом) на момент, когда Михайловка II была покинута своими насельниками (2 400–2 315 гг. до н. э.), и эти даты совпадают с условно-рассчётной, предлагаемой глоттохронологией (2 350 г. до н. э.).

Судьбу иранцев мы уже рассмотрели. Индоарийцы, преодолев за короткий срок Дон, Волгу и Урал, выходят на Амударью, и основывают в Бухарском оазисе культуру Заман-Баба. По наличию керамики Мундигак IV Е. Е. Кузьмина датирует Заман-Бабу второй половиной – концом III тыс. до н. э. [13, с. 85]. Нам представляется наиболее приемлемой датировкой 2 300–2 000 гг. до н. э.

У Н. Я. Мерперта и Е. Е. Кузьминой не вызывает сомнений происхождение этой культуры из широкого круга степных культур [12, с. 45–46; 14, с. 329] без точного указания места происхождения. Косвенное указание на происхождение даёт антропологический тип насельников Заман-Баба: узколицие долихоцефальные средиземноморцы южного европеоидного типа [22, с. 93]. Соответственно, этот тип однозначно не мог происходить из Волго-Уральского варианта Ямной культуры, где господствовал широколицый прото-европейский тип, но только из того региона Ямной общности, где средиземноморский тип доминировал, т. е. из района Михайловки II (Запорожье и

¹ Здесь мы пользуемся хронологией Бронзового века Юго-Восточной Европы, предложенной Р. Катиншаровым и Н. Тасичем [8, с. 356]

Херсонщина), сколь бы далеко она не находилась от Бухарского оазиса.

Также важно отметить, что в Заман-Бабе обнаруживаются ящичные урны для кремированного праха, аналогичные тем, которые будут использоваться в I и II-ом периодах Гандхарской культуры долины Сват [12, с. 144, 152]. Последнюю мы вслед за А. Х. Дани считаем, несомненно, индоарийской [1, с. 35], соответственно, культуру Заман-Баба надлежит рассматривать как археологическое и антропологическое свидетельство прихода в Среднюю Азию будущих ведических арийцев (ещё в единстве с митаннийцами).

Оговоримся, что хотя индоарийцы и составляли основное население культуры Заман-Баба, это не исключает их дальнейшего проникновения в качестве диаспоры в города Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Анау, Намазга) и далее в Гирканию – в Тепе-Гиссар, где обнаруживается дунайский митохондриальный ген HV, принесённый впоследствии в долину Инда и маркирующий там ведических арийцев. С этого мы начали свою статью, и таким образом круг исследования в части этногенеза индоарийцев замыкается: **около 2 350 г. до н. э. в результате конфликта с ближайшими сородичами индоарийцы выделяются из сатемной индоиранской общности, археологическим эквивалентом которой была Михайловка II, продвигаются на Амударью (где формируют культуру Заман-Баба), а оттуда в качестве диаспоры расселяются в Бактрии, Маргиане и Гиркании.** Около 1 760 г. до н. э. индоарийская диаспора БМАК распадается на митаннийцев и ведических арийцев, и каждое племя совершает свою последнюю миграцию на исторические места обитания соответственно в Верхневьях Евфрата и Инда (Кабула и Свата).

Таким образом, наша модель в части этногенеза сатемных индо-иранцев исходит из предположения, что основателями и насельниками Михайловки II (т. е. классическими ямниками Нижнего

Поднепровья) были выходцы из ареала Триполья. Само по себе данное допущение находится в контексте более широкомасштабного процесса – *сдвига в сторону насторализма* земледельческого населения Старой Европы, о котором писали К. Ренфрю, В. А. Сафронов, Н. А. Николаева [15, с. 49] и мы полностью разделяем данную парадигму [2]. На данной стадии исследований многие авторы (А. Д. Резепкин, И. В. Манзура, Ю. А. Рассамакин, к последнему присоединяется А. В. Файферт) склоняются к мысли, о том, что Михайловка I была основана предшествующей волной мигрантов из ареала Триполья и других земледельческих культур Центральной и Южной Европы [10, с. 81–82; 21, с. 49]. Соответственно нельзя принципиально отрицать аналогичную возможность для Михайловки II, учитывая синхронное возникновение на левобережье Днепра памятников животиловско-волчанского типа, являющихся несомненным примером миграции трипольцев в Степь на этапе С II [10, с. 81; 27, с. 64–65].

Мы уже отметили непосредственное присутствие трипольской керамики в ранней Михайловке II, каковое может рассматриваться не только как импорт, но именно как указание на происхождение населения, которое могло прийти на Днепр со своей старой керамикой и на новых местах обитания начать развивать собственно ямную керамическую традицию. Кроме того, отмечается влияние трипольской керамической традиции на появление плоскодонной посуды в Михайловке II, использование петельчатых ручек и ушек на сосудах [10, с. 63–64]. Несомненно влияние трипольской домостроительной техники [10, с. 49].

Наконец, на наш взгляд, такое новшество, как *печь* в жилище I верхнего горизонта Михайловки II [10, с. 36] могло прийти только из ареала, где печное строительство было широко развито, начиная с третьей ступени периода В II (поселение Старые Куконешты) [14, с. 199].

В силу этих обстоятельств с учётом наших датировок Михайловки II (2 650–2 350 гг. до н.э.) история индоиранской общности (включая кафиров) должна была протекать вне Днепровского региона в ареале Триполья в период 2 950–2 650 гг. до н.э. Учитывая генетическую связь Михайловки II с городско-касперовской группой

Триполья СII, мы должны признать, что общим предком для них была жванецкая группа [3, с. 237–238] в составе поселений Костешты IV, Брынзены III, Бильче-Злота-Вертеба [3, с. 232–233; 14, с. 221].

Для пещеры Вертеба имеются радиоуглеродные даты и генетические данные погребённых (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Радиоуглеродные даты и генетические данные погребённых в пещере Вертеба /
Radiocarbon dates and genetic data of those buried in the Vertebea Cave**

Индивид	Дата BP (л.н.)	Шифр лаборатории	Материал	Традиционная дата (–1 950 лет)	Пол	мтДНК
1.V1a-H1	4890±30	Beta-432808	зуб	2940 г. до н.э.		
1.V1a-H1	4985±30	OxA-25991	черепная кость	3035 г. до н.э.	М	H5a
4.V4a-H4	4976±33	OxA-26203	черепная кость	3026 г. до н.э.	М	T2b
5.V5a-H5	4888±32	OxA-26204	черепная кость	2938 г. до н.э.	М	HV

Источник: [29].

Все даты, очевидно, указывают на нижний рубеж формирования жванецкой группы, являющейся генетической наследницей Брынзен IV и Варваровки XV, для которой имеется радиоуглеродная дата 3 040+/-110 г. до н.э. [3, с. 235, 255]. После этой даты происходит распад группы Варваровка XV на выхватинскую [14, с. 227] и жванецкую. Последняя бытовала в период 3 040–2 650 гг. до н.э. и представляла археологический эквивалент индоиранской общности. Соответственно выхватинскую группу мы должны признать эквивалентом палеобалканской макро-группы.

В связи с этими данными в уточнении нуждается глоттохронология. По аналогии с периодом существования арийской группы – 590 лет (2 350–1 760 гг. до н.э.) – мы предполагали, что индоиранская общность должна была существовать по меньшей мере в течение 600 лет. Теперь с определённой уверенностью можно говорить, что индоиранское единство сохранялось на протяжении почти 700

лет (3 040–2 650 гг. до н.э.), а аугментная общность должна была существовать не менее аналогичного промежутка времени в период 3 750–3 040 гг. до н.э.

Вернёмся вновь к данным антропологии и генетики, оценив их в совокупности с данными археологии. Мы помним, что по краниологическим показателям ближайшими родичами ямников Запорожья признаны носители культуры Тисапольгар [9, с. 129]. MtHg HV, встречающаяся в пещере Вертеба, находит более ранние аналогии в культуре Альфельд (предковой для Тисапольгара). Именно эта MtHg HV была принесена индоиранцами в долину ведической реки Сват и должна рассматриваться как генетический маркер индоевропейцев [1, с. 38]. Совокупность данных указывает, что аугментные и.е. не были коренными насельниками Трипольской культуры – они, несомненно, приходят в ареал Триполья с территории ближайшей культуры Тисапольгар в период её существования, синхронный Ленгиелю III, датированного промежутком

3 450–3 080 гг. до н. э. [17, с. 105, 115, 126].

Наиболее восточные памятники Тисапольгара обнаруживаются в Закарпатской Украине (район Мукачево), откуда аугментные и. е. продвигаются в ареал Трипольской культуры и оседают на Пруте в районе современного водохранилища Костешты в Молдавии. Археологически приход аугментных и. е. в ареал Триполья никак не фиксируется, однако имеет место факт обнаружения тисапольгарской керамики на поселениях жванецкой группы Брынзены III и Корстешты IV [14, с. 259], когда собственно тисапольгарская керамическая традиция уже прекратила своё существование на территории Альфельда. Данные обстоятельства позволяют сделать следующие взаимосвязанные выводы:

1) именно уход части тисапольгурского населения (около 3 080 г. до н. э.) на восток – в ареал Триполья – повлёк за собой прекращение тисапольгарской культурной традиции в Альфельде и трансформацию её в культуру Бодрокерештур;

2) обнаружение тисапольгарской керамики на поселениях жванецкой группы Триполья CI (3 040–2 650 гг. до н. э.) свидетельствует о действительном приходе сюда носителей указанной керамики, продолживших на новых местах обитания прежние керамические традиции;

3) очевидно, что миграция из ареала Тисапольгара в ареал Варваровки XV около 3 080 г. до н. э. привела к перенаселению и практически сразу повлекла распад и археологической, и лингвистической групп (около 3 040 г. до н. э.), в ходе которого часть аугментных и. е. с частью коренных трипольцев (*корпоративная миграция* по Е. Е. Кузьминой [12, с. 157]) ушла на Днестр (в район Дубоссар), образовав выхватинскую (палеобалканскую) макро-группу.

Таким образом, если история неразделённой индоиранской общности целиком протекала в ареале Триполья CI, то история аугментной макро-группы практически целиком прошла в регионе Альфель-

да в рамках Тисапольгара (3 450–3 080 гг. до н. э.) и предшествующего периода польгарских культур, синхронных с Ленгиелем II [3, с. 296], датируемым 3 750–2 450 гг. до н. э. (верхняя дата установлена радиоуглеродным методом) [17, с. 105].

Выстроив схему этногенеза аугментной макро-группы, мы необходимо должны признать, что нордическая макро-группа вела своё происхождение из того же круга польгарских культур, и её историческая судьба следовала в направлении, аналогичном аугментным индоевропейцам.

Очевидно, что нордическая макро-группа отделяется от восточной ветви и. е. семьи на рубеже раннего и среднего периодов польгарских культур – около 3 750 г. до н. э. и мигрирует в ареал Триполья VI (ступени 1-2, 3 850–3 500 гг. до н. э. [2]). Очевидных археологических доказательств этому ещё меньше, чем позднейшей миграции тисапольграцев в ареал Варваровки XV. Однако отметим появление в указанный период краснорасписной керамики на трипольских поселениях типа Красноставка (верховья Синюхи, Уманщина) [3, с. 220] и Поливанов Яр III (на Днестре близ Каменца-Подольского). Причём характерно, что по мере удаления на восток в глубь ареала Триполья количество такой керамики сокращается: в Поливановом Яру – 10%, в Красноставке – всего 2% [14, с. 197].

Трассологически это свидетельствует о том, что распространение данной керамической традиции шло с запада – с территории вне ареала Триполья. При этом керамику, расписанную темно-красной краской, мы не можем считать принадлежащей краснораспиному Ленгиелю I, поскольку в указанный период Тр. VI (1-2) в трипольский ареал хотя и проникают выходцы из Ленгиеля (прото-тохары), однако они приносят с собою белорасписную керамику Ленгиеля II [2], что позволяет уточнить дату тохарской миграции – позднее 3 750 г. до н. э.

Таким образом, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов были правы, когда ут-

верждали, что тохары являлись *предшествовавшей индоиранским миграциям миграционной волной в восточном направлении от ареала первоначального распространения праиндоевропейского языка* [4, с. 935]. Чтобы оказаться на исторических местах обитания соответственно в Восточном Туркестане и в долине Инда, тохары и индоиранцы (в составе аугментной группы) необходимо должны были пройти через ареал Триполья, первые – в период 3 750–3 500 гг. до н. э., вторые – в период 3 080–2 650 гг. до н. э. Однако двум этим миграциям предшествовала самая ранняя миграционная волна нордических и. е. около 3 750 г. до н. э. из ареала польгарских культурах, где синхронно с Ленгием I обнаруживается роспись сосудов темно-красной краской (Береговское поселение в Закарпатье [3, с. 295]).

Ограниченный формат данной статьи не позволяет детально проследить историческую судьбу нордической макро-группы. В общих чертах укажем, что нордические и. е. доходят до Днепра (Мирополье, Тр.VII-7), вступают в тесное взаимодействие с Деревинской культурой (Молюхов Бугор) и на этом базисе формируют Среднеднепровский вариант Ямной культуры (возможно, при участии культуры воронковидных кубков), перерастающий в культуры шнуровой керамики, которые совершают возвратное движение в Европу. Сторонникам курганной гипотезы (М. Гимбутас) это событие представляется нашествием

степняков, на самом деле это были потомки коренных земледельцев Старой Европы, сравнительно на короткое время ушедших в Степь (не далее Днепра), заимствовавших здесь степные гены, которые они на обратном пути принесли в Центральную Европу, поэтому у генетиков (В. Хаак) и складывается превратное впечатление, что носители КШК были коренными степняками [28].

За пределами данной статьи остались так же исторические судьбы палеобалканцев и кафиров. Это темы будущих исследований.

Заключение

Задачей нашего исследования являлось построение модели ареально-диалектной дивергенции восточной ветви и. е. семьи. Результат проделанной работы в графическом виде представлен на *Схеме 1*.

Было выдвинуто несколько гипотез, которые, безусловно, нуждаются в дополнительном материальном обосновании, однако с учётом иных данных имеют право быть вынесенными на повестку дальнейших исторических исследований:

1-2) две волны миграции из ареала Тисапольгара в ареал Триполья;

3-4) основание Михайловки II и Среднеднепровского варианта Ямной культуры выходцами из Триполья;

5-6) происхождение культур Абашево и Заман-Баба от Михайловки II.

Статья поступила в редакцию 08.02.2021

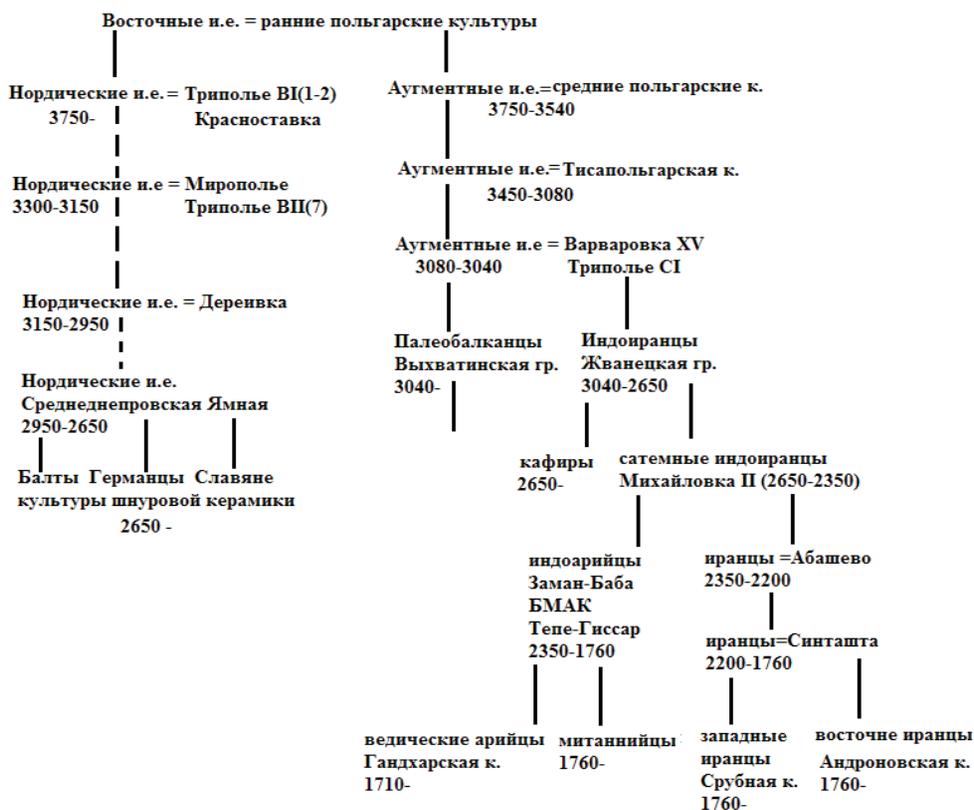

Схема 1. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи / **Scheme 1.** Areal-dialectal divergence of the eastern branch of the Indo-European family

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34–43.
2. Алексеев К. А. Ранние миграции индоевропейцев через степи Евразии: к разрешению тохарской проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 2. С. 55–68.
3. Археология Украинской ССР / гл. ред. И. И. Артеменко. Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985. 568 с.
4. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. В 2-х кн. Тбилиси. 1984. 1328 с.
5. Герасимова М. М., Боруцкая С. Б., Васильев С. В., Тюрин Р. А. Антропологические особенности населения абашевской культуры Подонья // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 143–163.
6. Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54–65.
7. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. 1982. № 3. С. 3–30.
8. История Человечества: в 8 т. / Под ред. З. Я. де Лаата. Т. 2. М.: Магистр-Пресс, 2003. 549 с.
9. Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.

10. Коробкова Г. Ф., Шапошникова О. Г. Поселение Михайловка – эталонный памятник древнейшей культуры. СПб., 2005. 316 с.
11. Котова Н. С. Ранний Энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006. 328 с.
12. Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. М.: Летний сад, 2008. 557 с.
13. Кузьмина Е.Е. Экология степей Евразии и проблема происхождения номадизма // Вестник Древней Истории. 1997. № 2. С. 81–94.
14. Массон В. М., Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., Черныш Е. К. Энеолит СССР. М., 1982. 360 с.
15. Николаева Н. А. Центрально-Европейская линия в развитии Бронзового века Северного Кавказа // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 3 (47). С. 49–54.
16. Николова Л. Ямная культура на Балканах // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 423–458.
17. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989. 400 с.
18. Синюк А. Т. Избранные труды. Воронеж, 2014. 766 с.
19. Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977. 83 с.
20. Солодовников К. Н. Антропологические материалы афанасьевской культуры: к проблеме происхождения // Вестник антропологии. 2009. Вып. 17. С. 117–135.
21. Файферт А. В. Историография нижнемихайловской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 41–53.
22. Хохлов А. А., Солодовников К. Н., Рыкун М. П., Кравченко Г. Г., Китов Е. П. Краниологические данные к проблеме связи популяций ямной и афанасьевской культур Евразии начального этапа бронзового века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 86–106.
23. Хохлов А. А., Китов Е. П. Теоретические и практические проблемы происхождения физического облика носителей культур Синташтинского круга позднего этапа эпохи Бронзы // Поволжская археология. 2019. № 1 (27). С. 59–71.
24. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2007. 270 с.
25. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). Киев: Нукова думка, 1986. 160 с.
26. Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Андреева Ж. В., Артеменко И. И., Бадер О. Н., Граудонис Я. Я., Гурина Н. Н., Косарев М. Ф., Крайнов Д. и др. М., 1987. 472 с.
27. Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. С. 54–68.
28. Haak W., et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe // *Nature*. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.
29. Mathieson I., et al. The Genomic History of Southeastern Europe // *Nature*. 2018. Vol. 555. № 7695. P. 197–203.

REFERENCES

1. Alekseev K. A. [To the question of the origin of the Indo-Iranians and Tocharians in the light of the latest genetic data]. In: *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2020, no. 12, pp. 34–43.
2. Alekseev K. A. [Early migrations of Indo-Europeans across the steppes of Eurasia: towards the solution of the Tocharian problem]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 2, pp. 55–68.
3. Artemenko I. I. *Arkheologiya Ukrainskoi SSR. T. 1* [Archeology of the Ukrainian SSR. Vol. 1]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1985. 568 p.
4. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. *Indoevropskii yazyk i indoevropeitsy*. [Indo-European language and Indo-Europeans]. Tbilisi, 1984. 1328 p.
5. Gerasimova M. M., Borutskaya S. B., Vasilev S. V., Tyurin R. A. [Anthropological features of the population of the Abashev culture of the Don region]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Irkutsk State University Bulletin. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology], 2016, vol. 18, pp. 143–163.

6. Gindin L. A. [Spatial and chronological aspects of the Indo-European problem and the «map of the alleged ancestral homelands of six Nostratic languages» V. M. Illich-Svitych]. In: *Voprosy yazykoznavniya* [Linguistics issues], 1992, no. 6, pp. 54–65.
7. Dyakonov I. M. [About the ancestral home of the speakers of Indo-European dialects]. In: *Vestnik drevnei istorii* [Herald of Ancient History], 1982, no. 3, pp. 3–30.
8. Laata de Z. Ya., ed. *Istoriya Chelovechestva. T. 2* [History of Humanity. Vol. 2]. Moscow, Magistr-Press Publ., 2003. 549 p.
9. Kozintsev A. G. [Early migrations of Caucasians to Siberia and Central Asia]. In: *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia.], 2009, no. 4 (40), pp. 125–136.
10. Korobkova G. F., Shaposhnikova O. G. *Poseleniye Mikhaylovka – etalonnyy pamyatnik drevneyamnoy kultury* [The settlement of Mikhailovka is a reference monument of ancient culture]. S.Petrburg, 2005. 316 p.
11. Kotova N. S. *Rannii Eneolit stepnogo Podneprovya i Priazovya* [Early Eneolithic steppe Dnieper and Azov]. Lugansk, 2006. 328 p.
12. Kuzmina E. E. *Arii – put na yug* [Ariars is the way south]. Moscow, Letnii sad Publ., 2008. 557 p.
13. Kuzmina E. E. [Ecology of the Eurasian Steppes and the Problem of the Origin of Nomadism]. In: *Vestnik Drevnei Istorii* [Herald of Ancient History], 1997, no. 2, pp. 81–94.
14. Masson V. M., Merpert N. Ya., Munchaev R. M., Chernysh E. K. *Eneolit SSSR* [Eneolithic USSR]. Moscow, 1982. 360 p.
15. Nikolaeva N. A. [Central European line in the development of the Bronze Age of the North Caucasus]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2011, no. 3 (47), pp. 49–54.
16. Nikolov L. [Yamnaya culture in the Balkans]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 2, pp. 423–458.
17. Safronov V. A. *Indoevropskie prarodiny* [Indo-European urheimat]. Gorkiy, 1989. 400 p.
18. Sinyuk A. T. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Voronezh, 2014. 766 p.
19. Smirnov K. F., Kuzmina E. E. *Proiskhozhdenie indoirantsev v svete noveishikh arkheologicheskikh otkrytii* [The origin of the Indo-Iranians in the light of the latest archaeological discoveries]. Moscow, 1977. 83 p.
20. Solodovnikov K. N. [Anthropological materials of the Afanasyev culture: to the problem of origin]. In: *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2009, no. 17, pp. 117–135.
21. Faifert A. V. [Historiography of the Lower Mikhailovskaya culture]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2019, no. 5, pp. 41–53.
22. Khokhlov A. A., Solodovnikov K. N., Rykun M. P., Kravchenko G. G., Kitov E. P. [Craniological data on the problem of the relationship between the populations of the Yamnaya and Afanasyevsk cultures of Eurasia at the initial stage of the Bronze Age]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 3 (34), pp. 86–106.
23. Khokhlov A. A., Kitov E. P. [Theoretical and practical problems of the origin of the physical appearance of the carriers of the cultures of the Sintashta circle of the late stage of the Bronze Age]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga archeology], 2019, no. 1 (27), pp. 59–71.
24. Chaild G. Ariitsy. *Osnovateli evropeiskoi tsivilizatsii* [Aryans. Founders of European civilization]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2007. 270 p.
25. Shaposhnikova O. G., Fomenko V. N., Dovzhenko N. D. *Yamnaya kulturno-istoricheskaya oblast (yuzhnobugskii variant)* [Pit cultural-historical region (yuzhnobugsky version)]. Kiev, Nukova dumka Publ., 1986. 160 p.
26. Andreeva Zh. V., Artemenko I. I., Bader O. N., Graudonis Ya. Ya., Gurina N. N., Kosarev M. F., Krainov D., et al. *Epokha bronzy lesnoi polosy SSSR* [The era of the bronze of the forest belt of the USSR]. Moscow, 1987. 472 p.
27. Yarovoy E. V. [Major Chalcolithic burials of a mound near the village of Bursuceni in Central Moldova]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2019, no. 5, pp. 54–68.
28. Haak W., et al. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. In: *Nature*, 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 207–211.
29. Mathieson I., et al. The Genomic History of Southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, vol. 555, no. 7695, pp. 197–203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеев Константин Александрович – кандидат философских наук, преподаватель философии и обществознания Тверского казачьего технологического института;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin K. Alekseev – Cand. Sci. (Philosophy), lecturer of philosophy and sociology, Tver Cossack Institute of Technology;
e-mail: alekseev.k@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 131–145.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145

FOR CITATION

Alekseev K. A. The areal-dialect divergence of the eastern branch of the Indo-European family (An integrative review). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 131–145.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-146-158

ПРИЧИНЫ И МОТИВАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ВЕНДСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА 1147 г.

Прохватиллов И. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Исследование причин и процесса подготовки Вендского крестового похода против балтийских славян в 1147 г.

Процедура и методы. Автором проанализирован ряд текстов первоисточников (латинские хроники, папские буллы и энциклики) для определения причин проведения Крестового похода в земли полабских славян в 1147 г. Помимо этого, привлечён ряд историографических источников (российских дореволюционных и советских, а также монографии и статьи современных иностранных авторов). В работе использовались: метод реконструкции событий на основе подтверждённых исторических данных; сравнительный и хронологический методы.

Результаты. Сделан вывод о переплетении религиозных и экономических интересов и разногласий светской и церковной германской знати на приграничных с балтийскими славянами территориях, лишь временно объединившихся для реализации идеи Вендского Крестового похода 1147 г. Установлены значительные различия в целях и задачах, преследуемых инициаторами и руководителями похода.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён значительного массива данных первоисточников, историографии, а также в исследовании данной темы без религиозных и идеологических интерпретаций и клише сделан ряд выводов о политических, религиозных и экономических причинах Вендского похода.

Ключевые слова: Вендский крестовый поход, Бернард Клервосский, Генрих Лев, Альбрехт Медведь, балтийские славяне, ободриты, лютичи, Рюген

REASONS AND MOTIVATION FOR THE WENDISH CRUSADE OF 1147

I. Prokhvatilov*Moscow Region State University**24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract**

Aim. To study the underlying reasons and the process of preparing the Wendish crusade against the Baltic Slavs in 1147.

Methodology. Primary (Latin chronicles, papal bulls and encyclicals) and historiographic sources (Russian pre-revolutionary and Soviet texts, monographs and articles by contemporary foreign authors) were analysed to determine the reasons for the Crusade in the lands of the Polabian Slavs in 1147. The research was conducted using reconstruction of events based on the confirmed historical data, as well as comparative and chronological methods.

Results. It is concluded that the secular and ecclesiastical German noble communities residing in the territories bordering with the Baltic Slavs had intertwining religious and economic interests and disagreements. These communities united only temporarily to implement the idea of the Wendish Crusade of 1147. Significant differences in the goals and objectives pursued by the initiators and leaders of the campaign were established.

Research implications. A significant array of data from primary and historiographical sources was generalized. Conclusions about the political, religious and economic reasons for the Wendish campaign were drawn without relying on religious and ideological cliché interpretations.

Keywords: Wendish Crusade, Bernard of Clairvaux, Heinrich Leo, Albrecht the Bear, Baltic Slavs, obotrites, lutici, Rügen

Введение

Вендский крестовый поход (нем. *Wendenkreuzzug*), состоявшийся в 1147 г. против балтийских славян – племенных союзов ободритов, лютичей, поморян, проживавших в VI–VII вв. на южном побережье и прилегающих к Балтийскому морю землях, закончился провалом всех целей и задач, первоначально ставившимся перед объединённым крестоносным войском. Провал похода стал последним крупным военным успехом балтийских славян в ходе германской экспансии в славянские земли в VII–XII вв.

Цель данного исследования – изучение причин возникновения идеи и мотивация участников при подготовке Вендского похода в земли полабских славян в 1147 г. Основными задачами работы стали: анализ возникновения идеи крестового похода в земли вендов, как одного из 3-х направлений движения Второго крестового похода; мотивация его церковных и светских руководителей; процесс подготовки войск к походу.

В современной российской историографии тематика балтийских славян освещена совершенно недостаточно. Тем более, не уделяется внимания и первому этапу Балтийских Крестовых походов – Вендскому походу 1147 г.

Необходимо отметить разницу в подходах при изучении данной темы. В до-революционной российской историографии, где была достаточно сильна славянофильская идея, исследованию истории заэльбских славян уделялось достаточное внимание. Историей балтийских

славян в целом и отдельных её аспектов (в т. ч. Вендского похода) в частности занимались такие историки, как А. Ф. Гильфердинг [3], И. А. Лебедев [12], А. А. Котляревский [10], М. В. Бреткевич [2], ряд других.

Советская историография (а вместе с ними – историки стран социалистического лагеря) подходили к исследованию с сугубо классовых позиций, при изучении вопроса отталкиваясь от подходов марксистской философии [21, с. 4]. Тем не менее, несмотря на защиту ряда диссертаций по различным аспектам истории полабских славян, в т. ч. по их борьбе с германской средневековой экспансией, эта тема в СССР оставалась, что называется, «за кадром». Вендский же поход, за исключением отдельных публикаций (очерк Н. П. Грацианского [5], главы в монографиях и статьи М. А. Заборова [7, с. 149–153], В. Д. Королюка [9], Г. Г. Литаврина, В. В. Седова, В. К. Ронина и некоторых других), практически не освещался. Зарубежная литература по этому вопросу (например, энциклопедия под ред. Й. Херманна «Славяне в Германии»), за исключением отдельных статей, в Советском Союзе также не переводилась.

Однако в современных зарубежных исследованиях истории заэльбских славян в целом и Вендского крестового похода в частности уделялось и уделяется стабильное внимание, причём разница в подходах к изучению носит широкий диапазон. Большим плюсом в этом вопросе является то, что историки имеют в своем распоряжении, помимо письменных ис-

точников, самые новые результаты археологических исследований по данной тематике. Данной проблемой занимались и занимаются такие учёные, как немецкие историки и археологи Й. Херманн [11] и А. Пауль [6], английские историки Д. Филлипс [13] и И. Фоннесберг-Шмидт [10], румынский историк М. Драгnea [19], Д. Т. Роше [25], Д. Т. Лис [23] и ряд других исследователей.

Источниками для написания данной работы послужили, прежде всего, латинские хроники Адама Бременского, Саксона Грамматика, «Магдебургские анналы», а также папские буллы, энциклики, тексты проповедей католического священноначалия и материалы археологических изысканий, ранее лишь частично привлекавшие внимание учёных. Также использованы результаты исследований (монографии, статьи, очерки) российских дореволюционных, советских, а также зарубежных специалистов по данной тематике.

В данной статье автор предпринимает попытку исследования причин возникновения идеи и мотивации участников Вендского Крестового похода 1147 г. в земли полабских славян, а также возникновение идеологии этого и последующих Балтийских (северных) крестовых походов.

Второй крестовый поход: причины и мотивы

Причиной возникновения Второго Крестового похода стала осада и взятие штурмом крепости Эдесса – столицы одноименного графства (первого христианского государства на Ближнем Востоке, возникшего в ходе Первого крестового похода) эмиром турок-сельджуков Имадом ад-Дином Занги 24 декабря 1144 г.

Римским Папой Евгением III в ответ на агрессию сельджуков был провозглашён крестовый поход с целью оказания помощи христианам Латинского Востока. Идеологической основой этого похода стала булла «*Quantum Praedecesso-*

res» – главный направляющий документ, опубликованный 1 декабря 1145 г. Папой Евгением III [20, с. 27]. 1 марта 1146 г. вышло в свет продолжение этого письма под тем же названием, адресованное крестоносцам Франции, Германии, Англии. Чуть позднее была опубликована энциклика «*Divini Dispensatione*», обращавшаяся к духовенству и рыцарям Италии [20, с. 28–29].

Главным идеологом похода понтифик назначил французского аббата ордена Цистерцианцев Бернарда Клервосского – сторонника взглядов св. Августина о «справедливой войне» [19], считавшего, что христианство можно проповедовать как словом, так и мечом [19]. Благословлённый Папой Евгением III, он практически весь 1145 г. и большую часть 1146 г. провёл в проповедях об идее участия в крестовом походе, путешествуя во Франции, Англии, Германии, где его выступления имели большой успех.

Замысел масштабной военной экспедиции в славянские земли за Эльбой возник ещё в начале XII в. Впервые идея всеобщего похода в земли балтийских славян (нем. *Wenden* – вендов) появилась в анонимном «Магдебургском письме»¹, в конце 1107–1108 гг., написанного, предположительно, фламандским клерком из окружения архиепископа Адельгоза Магдебургского.

Этот документ был составлен в форме обращения к представителям духовной и светской знати Европы с призывом военного похода против славянских племён и описанием их постоянных набегов, терзавших земли к югу от Эльбы, в ходе которых разрушались церкви и приносились в жертву языческим богам христиане. В «Магдебургском письме» впервые в европейской христианской практике было использовано выражение «наш Иерусалим» (лат. *Hierusalem nostra*), подразумевающее взятие Иерусалима кре-

¹ Оригинальное название письма «Письмо поддержки против язычников (славян)» («*Epistola pro auxilio adversus paganos (Slavos)*») [19, с. 4].

стоносами в ходе Первого крестового похода [19], а также идея того, что захват славянских земель за Эльбой может стать их «освобождением».

Можно с уверенностью предположить, что автор письма обращался к теории «справедливой войны» Папы Григория VII, сложившейся во второй половине XI в. и ставшей одной из идеологических основ Первого крестового похода [19].

Идеи «Магдебургского письма» совпали с очередным этапом экспансии немецких и польских феодалов в северо-восточные славянские земли.

В первую очередь это был ряд походов польского князя Болеслава III «Кривоуста» на племена поморских славян в период 1102–1123 гг., сопровождавшийся их насильственным крещением. Хроника «*Gesta Principum Polonorum*» доносит до нас трактовку основных целей Болеслава, опиравшихся на христианскую концепцию священной и справедливой войны [27, с. 6; 28, с. 1].

Помимо этого, примерами успешного внедрения идей «священной войны» и «справедливой войны» могли стать действия герцога Саксонского Лотаря II Суплинбургского, графов Адольфа Гольштейнского, Генриха Бадевиде и Альбрехта Медведя, герцога Генриха Льва, а также маркграфа Конрада I Мейсенского. В период с 1102 по 1144 г. они значительно продвинули сферу немецкого влияния вглубь от северного берега Эльбы: в областях, населённых ободритами – Вагрия и Гольштейн; в области лютичей – Гавеланде, а также в Лужицкой марке [24, с. 235]. Это не были обычные набеги с целью захвата добычи и обложения данью; они сопровождались колонизацией земель, насильственной христианизацией, а в ряде случаев заселением славянских территорий иностранными колонистами, т. е. носили все признаки полномасштабной долгосрочной экспансии [20, с. 23–24; 27; 28].

Эта тенденция была развита автором «Магдебургского письма», обещавшего

участникам «священной войны» неопределённые духовные награды «для спасения их душ», однако в нём нет речи ни о прощении грехов, ни о каких-либо льготах (защите семей; запрете подачи судебных исков на время похода; прощении прошлых долгов ростовщикам; облегчении условия получения займа для подготовки к походу), гарантируемых Папой Римским крестоносцам, уходящим на Восток [19]. Однако автор письма обещает участникам похода в случае захвата славянских земель вполне реальные материальные блага: «эти иноверцы [язычники] самые злые, но их земля самая лучшая, богатая мясом, медом, кукурузой и птицей; и если бы она была хорошо возделана, никто не мог бы сравниться с ней по богатству её плодов. Так говорят те, кто это знает. И вот, самые знаменитые саксы, французы, лотарингцы, фламандцы – покорители мира, это повод для вас спасти свои души и, если вы хотите, приобрести лучшую землю для жизни» [19].

Таким образом, по мнению ряда историков, «Магдебургское письмо» получило роль идеологической основы для дальнейшей военно-религиозной экспансии в вендские земли, хотя, несмотря на призывы, содержащиеся в нём, масштабный поход в первой четверти XII в. так и не состоялся. Историки ставят под сомнение даже сам факт опубликования данного документа [19; 24, с. 232].

Первоначально Бернардом Клервоским провозглашалась лишь идея похода в помощь Латинскому Востоку. Результатом проповедей аббата стало согласие на непосредственное участие в военной экспедиции германского короля Конрада III. Для дальнейшей вербовки участников из числа германских феодалов 19 марта 1147 г. король созвал во Франкфурте съезд, где и возникла идея Вендского крестового похода [1, с. 219–220].

На Франкфуртском рейхстаге Бернард Клервоский обратился с устными речами и письменным воззванием к его участникам, из числа которых многие

южногерманские феодалы пожелали взять крест для похода на Восток.

Характерно, что северогерманская знать не изъявила особого желания двинуться в поход на сарацин: из саксонских феодалов примеру короля Конрада последовали лишь 2 её представителя [11]. Саксонцы, присутствовавшие на сейме, мотивировали отказ от участия в походе в Святую Землю тем, что их границы со славянами находились под постоянной угрозой нападений из-за Эльбы.

Современным исследователям достоверно неизвестно, кто был инициатором возникновения идеи Вендского похода. Ряд историков склоняются к версии, что основным инициатором мог выступить герцог Генрих Лев, которого поддержала саксонская знать, на фоне всеобщего религиозного порыва преследовавшая цели, далёкие от духовных эксцессов. Можно также выдвинуть предположение, что Бернад Клервосский, столкнувшись с вероятностью потери лояльности саксонской знати, поддержал их в идее похода на вендов: «И многие были помечены [крестом] в этом месте [во Франкфурте-на-Майне], и в то же время мы настоятельно призвали остальных присоединиться к этому начинанию» [23, с. 12].

Более того, Бернад взял на себя ответственность гарантий тех же духовных привилегий для северных крестоносцев, что и для участников похода в Святую Землю. Примечательно, что сделал он это самостоятельно, без согласования с Папой Евгением III, которого аббат смог убедить подтвердить обещанное им крестоносцам лишь позднее, в апреле 1147 г., на встрече с понтификом в Клерво [28].

По всей вероятности, на основе уже сложившейся ранее стратегии на собрании во Франкфурте была выработана и общая тактика похода. По окончании рейхстага в начале апреля 1147 г. феодалы Германии, Польши, Чехии, Дании начали сбор военных отрядов. В это же время в церквях Центральной, Западной и

Северной Европы проводились массовые проповеди с целью вербовки участников и оправдания целей похода, направленного против славян.

После франкфуртской встречи Бернад публикует письмо с программой похода в земли славян, в котором требует обязательного крещения, а в случае отказа от него – полного их уничтожения [5, с. 86]: «Мы полностью запрещаем перемирие по какой-либо причине с этими людьми, либо за деньги или за дань, до тех пор, пока с помощью Бога их религия или их народ не будут уничтожены» [24, с. 239].

При этом в радикальности своих требований он пошёл значительно дальше Папы Евгения, говорившего лишь о крещении вендов [22, с. 626]. В этом же письменном обращении французский аббат также назначил предположительное место и дату сбора – 29 июня 1147 г. в г. Магдебурге (Саксония).

Затрагивая вопрос мотивации крестоносцев, двигавшихся в славянские земли, необходимо отметить, что прагматичные цели их руководителей существенно отличались от первоначального религиозного порыва крестоносцев, двигавшихся на Латинский Восток. Уходящие в Палестину, в первую очередь, основывались на идеях помощи, мести и спасения, лишь подкреплённом обещанием духовных и материальных льгот и благ. Северные крестоносцы изначально руководились идеями захвата добычи и земель, на которые уже было готово юридическое обоснование. Вопросы крещения вендов, провозглашаемые Бернадом и Евгением, по мере практической подготовки похода были отодвинуты на второй план.

Для формального обоснования экспансии подчас использовались и явные подделки. Например, Вибальд, аббат монастыря в Корвее (один из участников похода) высказывал притязания на остров Рюген на том основании, что монастырь обладал грамотой, выданной Людовиком Благочестивым на право владения

островом. Обосновывалось это право легендой о том, что главное божество руянских язычников – бог Свентовид – это видоизменённое название покровителя монастыря св. Витта в Корвее. Данного предлога было достаточно, чтобы требовать возврата этих земель под юрисдикцию Корвейского монастыря [1, с. 279; 11, с. 401].

Помимо всего прочего, немаловажным обстоятельством массового притока рядовых крестоносцев для участия как в походе на Ближний Восток, так и в земли вендов послужил массовый голод в 1145–1147 гг., свирепствовавший в землях Германии [18, с. 23].

Как уже ранее упоминалось, вопрос о мирном проповедовании христианства в землях вендов, первоначально поднятый Папой Евгением III, не нашёл поддержки в среде светских и, по всей вероятности, большинства духовных крестоносцев. Во всяком случае, упоминаний о миссионерской работе в ходе Вендского похода в средневековых источниках мы не встречаем. Возможно, часть служителей церкви первоначально и выступала за мирное проповедование, но их замыслы никак не сочетались с замыслами светских руководителей похода, готовых возродить церковные епархии с выплатой десятин, но в уже ставших их собственностью землях вендов [23].

Вендский поход стал логическим продолжением продвижения саксонской династии Оттонов в земли славян, начавшейся ещё в X в. и имевшей более глубокие корни, лежавшие в т. ч. и во взаимных расприх славян и саксов, письменные подтверждения которых встречаются с начала IX в. [1, с. 172].

Первые упоминания о них относятся к эпохе царствования Карла Великого, когда в 804 г. после окончательного поражения сакских племён в 32-летней войне с Франкской империей 10 000 саксов с семьями были выселены из приграничной области Нордалбингия во внутренние области Франции. Их опустевшие земли,

расположенные по обоим берегам р. Эльба, были отданы соседям и союзникам Карла в войне против саксов – славянскому племени ободритов¹ [8, с. 39; 15].

Однако уже в 816 г. сыном Карла Людовиком Благочестивым начинается процесс постепенного вытеснения ободритов из этой области, в основном закончившийся к 830 г., когда г. Гамбург упоминается в письменных источниках уже как действующая франкская пограничная крепость.

Ещё до начала процесса оттеснения славян от Эльбы по мере подавления сопротивления, покорения и христианизации сакских племён, Карл Великий постепенно уравнивал их в правах с франками (что отражено, например, во втором «Саксонском капитулярии» 797 г.).

Саксонские племенные вожди, войдя в состав Франкской империи и будучи уравнилены в правах с франкской знатью, сохранили память о временном славянском заселении Нордалбингии, что послужило одной из причин вражды [19]. Начиная с X в., уже сложившаяся в составе германского королевства саксонская аристократия стала предпринимать активные попытки расширения своих владений на север – в земли вендских «безбожных язычников», тем самым углубив противостояние.

Юридически, как поход 1147 г., так и более ранние набеги мотивировались тем, что саксонские феодалы шли за Эльбу «забирать своё», поскольку в по-

¹ До начала франкской экспансии в земли саксов взаимоотношения между ними и славянами, по всей вероятности, были вполне характерными для племён, проживавших в условиях родоплеменного строя, то есть представлявших собой сплетение обоюдных мирных договоров, военных набегов, торговых связей, династических браков. По свидетельству немецкого историка и археолога А. Пауля, ещё в середине VIII в. в крепости Делебенде (будущий Гамбург) проживало смешанное сакско-славянское население, о чём свидетельствуют данные археологии. Это даёт основания предполагать, что в тот период времени граница между славянами и саксами по реке Эльба была достаточно условна, и оба племени проживали в этом регионе смешанно [13, с. 298; 14; 16].

следней четверти X в., благодаря активным действиям императора саксонской династии Оттона I Великого, им удалось продвинуться и закрепиться на территориях славян в областях Бранденбург, Гавельберг и в окрестностях Гамбурга, создав Восточную Марку, протянувшуюся практически до реки Одер [23]. На этих территориях было организовано 5 новых епископств (Бранденбургское, Гавельбергское, Мейсенское, Мерзебургское и Цейцское), активно занимавшихся миссионерской деятельностью.

Эти усилия пропали даром через 10 лет после смерти Оттона, когда в ходе Вендского восстания 983 г. саксонцы были изгнаны с занятых территорий, церкви и монастыри разрушены, а бежавшие от вендов главы епископатов остались ими лишь формально, не имея под своей властью земельных угодий. Однако, несмотря на то, что в течение последующих полутора столетий на границах саксонских и славянских территорий мирные периоды сменялись военными действиями, в среде саксонских феодалов всё это время сохранялась уверенность, что земли между Эльбой и Одером принадлежат им и их возвращение – лишь вопрос времени [23]¹.

Помимо вышеназванных причин, согласно христианской традиции, крещённые единожды (даже насильно) оставались в этом статусе навсегда. Если они отказывались от принятой веры, то автоматически переходили в разряд отступников, на которых распространялось

наказание не только духовное, но и земное [24, с. 240]. Таким образом, насильно крещённые в ходе экспансии X–XI вв. язычники Вагрии (и фиктивно – Рюгена), вновь вернувшись к почитанию языческих богов, считались отступниками, достойными возмездия как духовного, так и земного.

При формировании отрядов ополчения не последнюю роль сыграла и внутривосточная конъюнктура, развившаяся, в том числе в личной преданности той или иной знатной фамилии.

В северогерманских областях, граничащих со славянскими территориями, между местной знатью шла постоянная междоусобная борьба, в целом характеризующаяся как затухающее и вспыхивающее противостояние между несколькими знатными родами: Гогенштауфенами (король Конрад III); Вельфами (Генрих Лев); Асканиями (Альбрехт Медведь); Бадевидами (Генрих фон Бадевиде); Веттинами (Конрад Мейсенский) и их поддерживавшими ту либо иную сторону вассалами.

Поскольку император Конрад III убыл в крестовый поход, ему необходимо было оставить в своём тылу относительно стабильное внутривосточное положение, удержать которое мог его верный сторонник Альбрехт I Медведь, являвшийся противником герцога Генриха Льва, основного соперника короля в этом регионе. Альбрехт находился в постоянной вражде с Генрихом, причиной которой послужило соперничество за владения Саксонией и Баварией (несмотря на заключённый со Львом при посредничестве короля в 1142 г. мирный договор).

Корни соперничества короля Конрада III с герцогом Саксонии Генрихом Львом лежат значительно ранее – ещё в годы борьбы его отца Генриха Гордого с Конрадом за германский престол. Став королём Германии, Конрад лишил Генриха Гордого прав на владение Саксонским и Баварским герцогствами. В 1142 г. король возвращает сыну Генриха Гордого Генри-

¹ Впрочем, говорить о всеобщей постоянной вражде славян и саксов не вполне корректно. Этот сложный и противоречивый процесс заслуживает отдельного исследования. Примером хитросплетения политических взаимосвязей может служить тот факт, что в ходе упреждающего набега двух отрядов князя Никлота на земли графа Адольфа Гольштейнского в Вагрии в 1147 г., были разорены подчинённые ему поселения колонистов из фризов, весфальцев, ухтрехцев, фландрцев, но не были тронуты поселения саксов племени гользатов, проживавших в этих местах издревле. Это позднее дало повод обвинить гользатов в сговоре со славянами [11].

ху Льву Саксонское герцогство, однако из-за потери Баварии и обиды за отца Саксонский Лев так и не примирился с королём. Таким образом, обозначилась одна из основных линий конфликта за северогерманские земли: Гогенштауфены (Конрад III) – Вельфы (Генрих Лев) [23].

Вероятно, это было ещё одной причиной того, что Конрад поддерживал нашествие в славянские земли, поскольку данное предприятие позволяло временно объединить усилия ненадёжных саксонцев для достижения перемирия и приостановки междоусобиц за приграничные земли между родами Асканиев, Вельфов, Веттинов и Бадевиде, которые могли получить продолжение в его отсутствие [21, с. 386–388]. Представители враждующих родов получали единую цель – приобретение новых территорий, что позволяло временно объединить их усилия и избежать открытых междоусобиц.

Можно с уверенностью предположить, что Генрих Лев, по всей вероятности, бывший одним из инициаторов и руководителей похода, преследовал при его организации одновременно ряд целей: удержание под своей властью Саксонской марки, которую желал вновь получить её бывший владелец граф Веймар-Орламюнде, маркграф Северной марки Альбрехт Медведь; оставаясь в своём регионе, герцог продолжал борьбу за возвращение Баварии под свою руку; в перспективе мог получить новые вендские территории; провозглашался одним из подвижников распространения христианства в землях язычников (т. е. совершал богоугодное дело, одновременно позволявшее избежать обвинений в неучастии в походе на Восток).

Именно конфликтом Гогенштауфены–Вельфы отчасти и объясняется размежевание в составе руководителей Вендского крестового похода. В армии Генриха Льва собрались сторонники Вельфов; в войске Альбрехта Медведя – военачальники, поддерживавшие его и, соответственно, Гогенштауфенов. Верность им означала,

как максимум, отправку с королём Конрадом на Ближний Восток, как минимум – участие в походе против славян в составе войска Альбрехта Медведя в противовес Генриху Льву [23]. Можно согласиться с утверждением Д. Т. Лис о том, что разделение это было чисто политическим [23].

Помимо северогерманской светской и церковной знати, в походе участвовали и представители других стран. Отряд чешских рыцарей, входивших в состав армии Альбрехта Медведя, возглавляли моравские князья Оттон Ольмюцкий, Святоплук и Вратислав Брюнские.

Во главе двух польских отрядов стояли князья Мешко III и Болеслав IV. Первый отряд, по упоминанию «Магдебургской хроники», выступил вместе с саксонским войском, второй численностью якобы до 20 тысяч воинов направился в земли пруссов [6, с. 280].

В «Магдебургских анналах» содержится упоминание об участии в походе и русского войска: «Против них, по неисповедимой воле Божией, с огромнейшим войском выступила даже Русь, хотя и не совсем правоверная но все же отмеченная званием христианским. И вот все они с несметным снаряжением и обозами, с удивительным благочестием вступили в различных местах в землю язычников...» [6, с. 280–281]. По мнению В. Т. Пашуто, это было смоленско-волынское войско в союзе с Болеславом IV, выступившее против прусского племени ятвагов [17, с. 155–156]. Результаты похода польско-русского войска в источниках не упоминаются, но можно предположить, что особых успехов они не достигли, поскольку уже в 1149 г. угроза ятвагов польским землям стала весьма серьёзной проблемой [17, с. 156].

Помимо чешских, польских и русских князей с их дружинами в походе участвовал также ряд крупных европейских светских и церковных феодалов со своими отрядами, таких, как герцоги Конрад Бургундский и Оттон Аменьслебенский, граф Герман Рейнский; епископы Генрих

Ольмуцкий, Рудольф Хальберштадский, Вернер Мюнстерский, а также ряд других, мотивация участия которых до конца не выяснена, хотя существует версия об их нежелании отправляться в поход на Восток на фоне всеобщего религиозного порыва [23]. Вышеперечисленные феодалы со своими отрядами преимущественно вошли в состав южного ополчения Альбрехта Медведя.

Несмотря на практически полное отсутствие свидетельств о готовящейся миссионерской деятельности [26], в числе лидеров Вендского похода находилось немало высокопоставленной церковной знати. Однако возврат славянских земель, многие из которых церковь считала своими, надзор за воинами с целью исключения возможностей сговора с язычниками и будущая христианизация славян были далеко не полным перечнем причин, по которым в походе участвовали представители церкви.

Не последнюю роль участия в составе того или иного войска представителей церкви сыграла также принадлежность и лояльность к той либо иной знатной фамилии. Это также не могло не оказать определённого влияния как на процесс подготовки, так и на непосредственный ход похода.

В качестве иллюстрации данного утверждения можно привести пример, что архиепископ Адальберо Бременский и настоятель Бременского кафедрального собора Хартвиг, следовавшие с войском Генриха Льва, имели все основания для разногласий с герцогом. В 1144 г. он насильно отобрал владения, отошедшие по наследству настоятелю Хартвику и пытавшегося передать их под юрисдикцию архиепископа Адальберо [23].

Другим примером внутрицерковных распрей может служить конфликт архиепископа Фридриха Магдебургского с епископами Виггером Бранденбургским и Ансельмом Гавельбергским, которые пожелали осуществлять самостоятельную власть над своими епископатами

(недавно отвоёванными у славян), находясь в минимальной зависимости от Ордена Премонстрантов, к которому принадлежали сами. Этому воспротивился архиепископ Фридрих, желавший, чтобы вновь колонизируемые территории были подчинены Магдебургскому архиепископству. Из-за борьбы за свои епископаты Виггер и Ансельм вынуждены были выступать в войске Альбрехта Медведя, союзника короля Конрада, хотя относились к покровителю графа королю Конраду неприязненно и более нуждались в поддержании стабильных отношений с Генрихом Львом.

В то же время император Конрад III поддерживал архиепископа Фридриха Магдебургского, когда с Ансельмом и Виггером прервал любые отношения папский легат Ансельм Гавельбергский [23].

Таким образом, можно заключить, что и в рядах представителей церкви, имевших отношение к Вендскому походу, единства в средствах конечного достижения целей не было. Небольшая их часть (вероятно, во главе с папским легатом Ансельмом Гавельбергским), возможно, не исключала мирных миссионерских действий; однако основная масса церковнослужителей руководствовалась иными, подчас далёкими от заповедей христианства целями: хитросплетениями феодальных междоусобиц и перспективой получения новых земельных угодий.

Фактом, подтверждающим, что высшие иерархи церкви хорошо понимали разницу в мотивации и условиях исполнения крестовых обетов, может служить то, что, по мнению Филиппа, крестоносцам, уже взявшим крест для похода в Святую Землю, запрещалось менять свои планы и примыкать к отрядам, идущим в земли славян [24, с. 241].

Необходимо также отметить, что далеко не все люди в средневековой Европе, в т. ч. в среде католического духовенства, были охвачены религиозным порывом и случалось, подходили к идее крестового похода с резкой критикой. Исто-

рик И. А. Лебедев со ссылкой на «Малые Вюрцбургские анналы» цитирует слова одного из хронистов, по всей вероятности, входившего в число приближённых епископа Вюрцбургского: «За грехи Бог попустил наказание на западную церковь. Ибо воздвиглись некие лжепророки, дети Белиала, слуги антихриста, и пустыми речами соблазнили христиан, лживой проповедью возбуждали всех людей идти против сарацин на освобождение Иерусалима. И проповедь их была столь успешна, что как бы по какому тайному согласию всех почти стран обитатели добровольно предлагали себя на истребление; не только простые люди думали совершить этим угодное Богу, но даже короли, герцоги, маркграфы и остальные сильные мира сего, вместе с впавшими в подобное же заблуждение епископами, архиепископами, аббатами и иными служителями церкви с радостью бросились на страшную погибель души и тела. Что удивляться, если сам господин Евгений, первосвященник римский, не знаю по какому тайному убеждению, будучи подвигнут стараниями аббата Клервоского Бернарда, писал к благочестивому римскому императору Конраду и ко всей империи, к королю Франции, к королю Англии и ко всем королям христианской веры и исповедания и вельможам их и подданным» [12, с. 87].

Третьей силой (помимо германской и европейской знати), принявшей активную роль в подготовке и участии в походе, были даны. Датские короли соправители Свен и Канут рассчитывали от участия в походе, помимо богатой добычи, получить в своё владение портовый г. Любек в Вагрии и о. Рюген, а также поставить под свой контроль южное побережье Балтики, включая богатые славянские портовые города и ликвидировать славянское пиратство, бывшее для данов настоящим «бичом Божьим» [4, с. 120]. Не исключено, что это пересечение интересов явилось одной из причин возникновения последующих распрей, возникших в рядах

саксонско-датского войска, осаждавшего славянскую крепость Добин [24, с. 17].

По предположению Дж. Филиппа, к предшественнику соправителей Свена и Канута датскому королю Эрику Агнцу с проповедями об участии во Втором крестовом походе прибыл папский легат Хибалдус, находившийся при датском дворе с июня по декабрь 1146 г. и заручившийся согласием датчан на участие во вторжении [24, с. 9].

В походе на Восток даны участия не приняли, но «Вражда, возникшая вследствие их (королей Свена и Канута. – прим. автора) соперничества за обладание королевской властью, была укрощена благодаря заключённому для совместного похода союзу, после чего они, объединив свои силы, отправились в Склавия, в то время как германцы согласно уговору напали на эту землю с другой стороны. И вот юты под предводительством Канута и жители Хедебю под предводительством Свено заняли вражескую гавань. Сьяландцы и сканийцы пришли последними и расположились там, где оставалось место, вокруг флота тех, что пришли первыми. Горящие желанием сражаться за церковь саксонцы также пришли [сюда] на берег и заключили военный союз с данами. Вскоре обе армии осадили знаменитый город морских разбойников под названием Добин...» [4, с. 97].

Заключение

Таким образом, анализируя подготовительный этап Вендского крестового похода, можно сделать ряд выводов.

Идея крестового похода в земли полабских славян сложилась ещё в начале XII в. из двух факторов: идеологического («Магдебургское письмо») и практического (успешное военное продвижение ряда крупных польских и немецких феодалов с последующей колонизацией и христианизацией).

Вендский крестовый поход 1147 г. выделился как часть Второго крестового похода, для чего с одобрения Папы Рим-

ского Евгения III аббат ордена Цистерцианцев Бернард Клервосский своими проповедями смог привлечь значительное число европейских рыцарей. Идеологическая подготовка похода велась с амвонов церковью Германии, Франции, Чехии, Англии, Польши.

Несмотря на официально заявляемые руководителями похода миссионерские цели, основными его причинами был захват новых земель саксонской и датской знати. Именно поэтому было придумано юридическое оправдание того, что церковь и светские саксонские феодалы рассчитывали вернуть земли, захваченные ими в первой половине X в. и потерянные в ходе славянских восстаний в последней четверти X в. В этом вторжении северо-германскую светскую и религиозную знать поддержали датские

короли и феодалы, рассчитывавшие, помимо добычи, на получение контроля над приморскими землями южной Балтики (в т. ч. над портовым г. Любек и о. Рюген).

Мотивы участия в Вендском походе для разных социальных и национальных групп крестоносцев существенно различались как при участии в походах на Ближний Восток и Иберию, так и между собой. Несмотря на первоначально заявленную идею обращения славян в христианство (словом либо силой) и мести за «отступничество» от христианства, в ходе подготовки похода она, столкнувшись с реалиями межклановой борьбы северо-германской церковной и светской знати, переформировалась в сугубо прагматическую идею захвата новых земель.

Статья поступила в редакцию 27.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бремениский А. Славянские хроники. М.: Русская панорама, 2011. 584 с.
2. Бреткевич М. В. Введение в социальную историю княжества Славии, или Западного Поморья. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1911. 272 с.
3. Гильфердинг А. Ф. История балтийских славян. М., 1874. 486 с.
4. Грамматик С. Деяния данов: в 2-х т. Т. 2: Книги XI–XVI. М.: Русская панорама, 2017. 616 с.
5. Грацианский Н. П. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты // Вопросы истории. 1946. № 2-3. С. 91–105.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV: Западноевропейские источники / под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. М., 2010. 512 с.
7. Заборов М. А. Крестовые походы. Москва, 1956. 280 с.
8. Карл Великий. Реалии и мифы / под ред. А. А. Сванидзе. М., 2001. 232 с.
9. Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957. 208 с.
10. Котляревский А. А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. 1. Спб., 1895. 215 с.
11. Лебедев И. А. Крестовый поход немцев на славян 1147 года // Русский Вестник. 1873. Т. 108. С. 376–406.
12. Лебедев И. А. Последняя борьба балтийских славян против онемечивания. Ч. I. М., 1876. 305 с.
13. Пауль А. Балтийские славяне. От Рёрика до Старигарда. М.: Книжный мир, 2016. 544 с.
14. Пауль А. Древняя Англия: к вопросу о судьбе остатков племени англов в Ютландии в средневековье // Исторический формат. 2015. № 2. С. 140–175.
15. Пауль А. LEX ANGLIORUM. К вопросу о первой английской марке Франкской империи // Исторический формат. 2015. № 3. С. 25–51.
16. Пауль А. Славяне у берегов Северного моря // Переформат: [сайт]. URL: http://pereformat.ru/2014/02/slaviane_na_beregy_sev_moria (дата обращения: 10.10.2020).
17. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 472 с.
18. Урланис Б. Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М.: Госполитиздат, 1941. 436 с.
19. Dragnea M. Divine Vengeance and Human Justice in the Wendish Crusade of 1147 // Collegium Medievale. 2016. Vol. 29. P. 49–82.
20. Fønnesberg-Schmidt I. The popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden, Boston, 2007. 287 p.

21. Hermann J. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neiße vom. Berlin, 1985. 636 p.
22. Jaffe F, ed. Regesta Pontificum romanorum. Ab condita ecclesia. Ad annum post christum natum. MCXCVIII. Berolini, Veit et socius, 1851. 952 p.
23. Lees J. T. Why did you come with a naked weapon? Leaders of the Vendian campaign of 1147 / 8 Collection «The Second Crusade. Holy War on the periphery of the Latin Christian world». Belgium, Brepols Publishers, Turnhout, 2015. P. 273–301.
24. Phillips J. Second Crusade. Extending the frontiers of Christendom. London, Yale University press, 2007. 364 p.
25. Roche J. The Second Crusade, 1145–1149: Damascus, Lisbon and the Wendish Campaigns // History Compass. 2015. № 13 (11). P. 599–609.
26. Ščavinskas M. On the Crusades and Coercive Missions in the Baltic Region in the Mid-12th Century and Early 13th Century. The Cases of the Wends and Livonians // Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung. 2014. № 4. P. 499–527.
27. Sporzhinsky D. Poland and the papacy before the second crusade // The Papacy and the Crusades / M. Balard, ed. Farnham, Ashgate, 2012. P. 256–268.
28. The Crusades: an Encyclopedia / Alan V., ed. Oxford, 2006. 1554 p.

REFERENCES

1. Bremensky A. *Slavyanskije khroniki* [Slavic Chronicles]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2011. 584 p.
2. Bretkevich M. V. *Vvedenie v sotsialnyu istoriyu knyazhestva Slavii, ili Zapadnogo Pomorya* [An introduction to the social history of the principality of Slavia, or Western Pomerania]. Yuryev, K. Mattisen Publ., 1911. 272 p.
3. Gilferding A. F. *Istoriya baltiiskikh slavyan* [History of the Baltic Slavs]. Moscow, 1874. 486 p.
4. Grammatik S. *Deyaniya danov: v 2-kh t. T. 2: Knigi XI–XVI* [Grammar S. Acts of the Danes: in 2 vol. Vol. 2: Books XI–XVI]. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2017. 616 p.
5. Gratsiansky N. P. [The 1147 crusade against the Slavs and its results]. In: *Voprosy istorii* [History Questions], 1946, no. 2-3, pp. 91–105.
6. Jason T. N., Konovalova I. G., Podosinov A. V., ed. *Drevnyaya Rus v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya. T. IV: Zapadnoevropeiskie istochniki* [Ancient Russia in the light of foreign sources. Reader. Vol. IV: Western European Sources]. Moscow, 2010. 512 p.
7. Zaborov M. A. *Krestovye pokhody* [Crusades]. Moscow, 1956. 280 p.
8. Svanidze A. A., ed. *Karl Velikii. Realii i mify* [Charlemagne. Realities and myths]. Moscow, 2001. 232 p.
9. Korolyuk V. D. *Drevnepolskoe gosudarstvo* [Ancient Polish state]. Moscow, 1957. 208 p.
10. Kotlyarevsky A. A. *Drevnosti yuridicheskogo byta baltiiskikh slavyan. Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskogo prava. Ch. 1* [Antiquities of the legal life of the Baltic Slavs. The experience of the comparative study of Slavic law. Part 1]. S.Petersburg, 1895. 215 p.
11. Lebedev I. A. [The crusade of the Germans against the Slavs in 1147]. In: *Russkii Vestnik* [Russian Bulletin], 1873, vol. 108, pp. 376–406.
12. Lebedev I. A. *Poslednyaya borba baltiiskikh slavyan protiv onemchivaniya. Ch. 1* [The last struggle of the Baltic Slavs against Germanization. Part I]. Moscow, 1876. 305 p.
13. Paul A. *Baltiiskie slavyane. Ot Rerika do Starigarda* [Baltic Slavs. From Rorik to Starigard]. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2016. 544 p.
14. Paul A. [Ancient England: on the fate of the remnants of the Angle tribe in Jutland in the Middle Ages]. In: *Istoricheskii format* [Historical format], 2015, no. 2, pp. 140–175.
15. Paul A. [LEX ANGLIORUM. On the question of the first English stamp of the Frankish Empire]. In: *Istoricheskii format* [Historical format], 2015, no. 3, pp. 25–51.
16. Paul A. [Slavs off the coast of the North Sea]. Available at: http://pereformat.ru/2014/02/slavyane_na_beregy_sev_moria (accessed: 10.10.2020).
17. Pashut V. T. *Vneshnyaya politika Drevnei Rusi* [Foreign policy of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1968. 472 p.
18. Uralnis B. Ts. *Rost naseleniya v Evrope (opyt ischisleniya)* [Population Growth in Europe (Calculus Experience)]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1941. 436 p.

19. Dragnea M. Divine Vengeance and Human Justice in the Wendish Crusade of 1147. In: *Collegium Medievale*, 2016, vol. 29, pp. 49–82.
20. Fønnesberg-Schmidt I. The popes and the Baltic Crusades 1147–1254. Leiden, Boston, 2007. 287 p.
21. Hermann J. *Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neißة vom*. Berlin, 1985. 636 p.
22. Jaffe F, ed. *Regesta Pontificum romanorum. Ab condita ecclesia. Ad annum post christum natum. MCXCVIII*. Berolini, Veit et socius, 1851. 952 p.
23. Lees J. T. Why did you come with a naked weapon? Leaders of the Vendian campaign of 1147. In: *The Second Crusade. Holy War on the periphery of the Latin Christian world*. Belgium, Brepols Publishers, Turnhout, 2015. P. 273–301.
24. Phillips J. *Second Crusade. Extending the frontiers of Christendom*. London, Yale University press, 2007. 364 p.
25. Roche J. The Second Crusade, 1145–1149: Damascus, Lisbon and the Wendish Campaigns. In: *History Compass*, 2015, no. 13 (11), pp. 599–609.
26. Ščavinskas M. On the Crusades and Coercive Missions in the Baltic Region in the mid-12th century and early 13th century. The Cases of the Wends and Livonians. In: *Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung*, 2014, no. 4, pp. 499–527.
27. Sporzhinsky D. Poland and the papacy before the second crusade. In: Balard M., ed. *The Papacy and the Crusades*. Farnham, Ashgate, 2012. P. 256–268.
28. *The Crusades: an Encyclopedia* / Alan V., ed. Oxford, 2006. 1554 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прохватиллов Илья Владимирович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: hypakabra2014@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya V. Prokhvatilov – postgraduate student at the Department of History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State University;
e-mail: hypakabra2014@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прохватиллов И. В. Причины и мотивация участников Вендского крестового похода 1147 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 146–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-146-158

FOR CITATION

Prokhvatilov I. V. Reasons and motivation for the Wendish crusade of 1147. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 146–158.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-146-158

УДК 327:339.9

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-159-169

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФРГ И РОССИЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРАХ В 2017–2020 гг.

Шелудченко Н. П.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить сущность, особенности и характер германо-российских отношений в экономической и политической областях в 2017–2020 гг.

Процедуры и методы. В статье на конкретных примерах рассматривается процесс взаимоотношений двух указанных стран. При проведении исследования были применены аналитический метод, метод обобщения и проведена интерпретация результатов.

Результаты. В ходе исследования взаимоотношений Германии и России были выявлены некоторые их особенности, важные обстоятельства и целый ряд причин и факторов, раскрывающих их сущность.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данная работа поможет лучше и точнее понять важность, глубину, полезность и перспективность отношений между РФ и Германией в указанных сферах.

Ключевые слова: российско-германские отношения, «украинский кризис», антироссийские санкции, «трансатлантическая солидарность», политика А. Меркель, западные ценности, американская геополитика, информационная война, «Северный поток-2»

RELATIONS BETWEEN GERMANY AND RUSSIA IN THE POLITICAL AND ECONOMIC SPHERES IN 2017–2020

N. Sheludchenko

Moscow Region State University

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the essence, features and nature of German-Russian relations in the economic and political fields in 2017–2020.

Methodology. The article deals with the process of relations between the two countries with specific examples. The study was conducted using the methods of analysis, generalization and interpretation.

Results. Specific features, important circumstances and a number of contributing factors revealing the essence of relations between Germany and Russia were determined.

Research implications. This work elucidates the importance, depth, usefulness and prospects of relations between the Russian Federation and Germany in these areas.

Keywords: Russian-German relations, Ukrainian crisis, anti-Russian sanctions, transatlantic solidarity, A. Merkel's policy, Western values, American geopolitics, information war, Nord Stream 2

Введение

Как известно, Германия для России представляет интерес во многих отношениях. Он определяется не только многолетней историей, но и спецификой современных сложившихся германо-российских взаимоотношений.

Ещё в начале второго десятилетия XXI в. посол РФ в ФРГ В. Гринин отмечал, что в лице Германии мы видим открытого заинтересованного партнёра. Помимо энергетики, активно развиваются проекты в таких значимых для модернизации России отраслях, как машиностроение, автомобилестроение, сфера высоких технологий [3, с. 57–65]. И на современном этапе, несмотря на сложившиеся различного рода сложности, ФРГ и Россия тесно сотрудничают. Германия является одним из наиболее значимых экономических партнеров РФ. Российско-германские отношения в сфере экономики могут быть разделены на 4 важных направления: топливно-энергетический комплекс, финансовый сектор, автомобилестроение и высокотехнологические отрасли [1, с. 28–31].

Взаимоотношения двух стран

Когда мы говорим о взаимоотношениях Германии и России, то следует иметь в виду, что внутреннюю и внешнюю политику ФРГ во многом формирует и определяет канцлер и его ближайшее окружение. В данном случае речь идёт о многолетнем, бессменном лидере страны А. Меркель, которая на этой высокой должности пребывает с 2005 г. Сам факт длительного пребывания А. Меркель на таком высоком посту свидетельствует о её огромном опыте в области политики, государственной мудрости, умении конструктивно решать сложнейшие вопросы. Что же касается отношений с Россией, то Меркель как очень крупный государственный деятель одной из развитых и могущественных стран мира вынуждена считаться с международной по-

литической ситуацией и общественным мнением Германии [8, с. 126–134].

Да и пресловутая «трансатлантическая солидарность» также играет очень важную роль. Эти обстоятельства особенно ярко проявились в период так называемого «украинского кризиса» 2014 г., ставшего определённой точкой отчёта изменения и ухудшения германо-российских отношений. По поводу событий в Украине и в Крыму в частности и политики России в указанных регионах А. Меркель сделала специальное заявление в марте 2014 г. в бундестаге (в парламенте), охарактеризовав сложившуюся ситуацию «конфликтом за сферы влияния, а Россию назвала агрессивным государством»¹. Сделанное заявление особенно повлияло на роль и место России во внешнеполитических приоритетах Германии, и немцы от так называемого стратегического партнерства с Россией вынуждены были перейти к более сдержанному подходу в экономической и политических областях. Запад, ФРГ в частности, по инициативе США ввёл определённые санкции против РФ. Были отменены и межгосударственные консультации высших лиц государств, двусторонние отношения отошли на второй план. Данные факты отрицательно повлияли на взаимный российско-германский товарооборот, который сократился в 2017 г. примерно на 1/3. Более того, часть немецких компаний начала уходить с российского рынка, а число компаний с участием немецкого капитала в том же году уменьшилось с 6 000 до 4 965 [7, с. 72–73]. Несмотря на санкции, российско-германское сотрудничество было сохранено и продолжалось. Свидетельством этому стала встреча В. Путина с канцлером А. Меркель в мае 2017 г. в г. Сочи, на которой президент отметил, что ФРГ остаётся ведущим экономиче-

¹ Regierungserklärung von Bundeskanzlerin Merkel (Redner: Angela Merkel, Datum: Donnerstag, 13 März 2014. Ort: Deutscher Bundestag) // Die Bundeskanzlerin [сайт]. URL: <https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/suche/regicrungserklarung-von-bundeskanzlerin-mercel-443682> (дата обращения: 17.03.2019).

ским партнером России¹. Да и в плане международной политики двух стран отношения хотя немного ухудшились, но сохранились. Тут надо отметить, что особую роль в деле налаживания межгосударственных отношений между Россией и ФРГ играют и Российско-немецкие Дома и Культурно-деловые центры российских немцев. Данные учреждения были открыты при поддержке Федерального агентства по делам национальностей в 2016 и в 2017 г. в Омске и Калининграде [5, с. 73–79].

Упомянутый «украинский кризис» более ярко высветил некоторые особенности и специфику международных отношений, сложившихся в начале XXI в. Они проявлялись в том, что после развала СССР США остались единственной сверхдержавой и сделали жёсткую, наглую заявку на американоцентричный, однополярный мир. Сила и могущество Америки стали решающими факторами в мировой политике, в международных делах. Гегемония США уже проявлялась повсюду: доминировало право сильного плюс чёткая геополитическая логика. Европа (ЕС) тоже попала под американские жернова, а Америка постоянно усиливает там своё влияние, не обходя соответствующим вниманием «локомотив Европы – ФРГ». Тем не менее Германия с учётом своей мощи и авторитета по мере возможностей стремится сохранить роль самостоятельного игрока в европейской и мировой политике [6, с. 98–100]. Правда, в последние годы на мировой арене появился ряд очень влиятельных игроков в мировой политике. В первую очередь, речь идёт о Китае и России – сильных, мощных стран, явно не устраивающих Америку. США и их союзники (сателлиты) ведут против них масштабную экономическую, политическую, финансовую и информационную войны. Надо признать,

что РФ на современном этапе стала влиятельным, активным игроком в международных делах, без которой порой не решаются сложнейшие, запутанные вопросы.

Подобные факторы не могут не влиять своеобразным образом и на российско-германские отношения. Тем более, что Россия для ФРГ является, прежде всего, очень выгодным экономическим партнером, важнейшим поставщиком энергоносителей. С учётом этих обстоятельств практичные немцы, конечно, не могут просто проигнорировать своего очень влиятельного восточного соседа. Тем не менее в условиях обостряющихся отношений между Западом и Россией А. Меркель в большей степени вынуждена была ориентироваться на Вашингтон и Брюссель [1, с. 14–28].

Тем временем стало очевидно, что принятые санкции не очень-то и соответствуют интересам ФРГ. Взять хотя бы газовый вопрос: США предлагали Германии свой сжиженный газ, который был значительно дороже российского. Подобный факт очень раздражал расчётливых немцев. Антироссийские санкции также негативно влияли на экономическую обстановку в Германии. ФРГ теряла большие деньги за время кризиса и санкций. К концу 2017 г. было подсчитано, что из-за санкций ФРГ потеряла 40% экспорта в Россию². Россия же стойко выдержала этот удар: об этом свидетельствовала неплохая экономическая ситуация в стране в 2017 г. Открывались новые возможности и для немецкого бизнеса, который хорошо понимал выгоду огромного российского рынка и старался удерживаться на нём. Более того, не прекращались и другие связи между странами. Вообще, значимость связей между Россией и Германией довольно велика. Как определённое подтверждение этому является факт больших непрерывных поставок российского газа в Германию. В 2017 г. РФ, несмотря на санкции,

¹ Путин и Меркель подвели итоги переговоров в Сочи // РИА: [сайт]. URL: <https://ria.ru/politics/20170502/1493511862.html> (дата обращения: 02.04.2021).

² Григорьев Е. Германия потеряла 40% экспорта из-за санкций // Независимая газета. 2017. 15 декабря.

поставила немцам рекордный объем газа – 53,4 млрд куб. м¹.

Тем не менее канцлер А. Меркель по-прежнему придерживалась в это время весьма жёсткой позиции в отношениях с Россией². В данном случае, как говорится, политика германского правительства во многом определяла её экономику. В начале 2018 г. основное внимание немцев переключилось на создание нового федерального правительства («большой коалиции» – БК) с участием партий ХДС/ХСС и СДПГ. Контуры необходимой основы БК как бы имелись и они были отражены в соответствующем документе, соглашении, в котором затрагивались все аспекты политики будущего кабинета. Примечательно, что в этом документе уже не было напоминания о необходимости партнерства с РФ.

По всей вероятности потому, что с точки зрения немецкого политолога А. Рара, с Россией в указанный период так и не была пройдена фаза новой холодной войны³. В то же время многие немцы понимали всю подоплёку американской антироссийской политики, а руководство ФРГ оставалось по-прежнему «в шоке» от прихода к власти Д. Трампа.

Тем не менее, в силу имеющихся обстоятельств, определялась настоящая и будущая стратегия ФРГ – таким образом, что новые установки США, укрепление Китая и политика России делали ясным, что Европа должна крепче брать судьбу в собственные руки. Документ был написан явно под влиянием Меркель. Акценты на Европу чётко выделялись в политике канцлера. Внешнеполитический курс ФРГ после создания «большой коалиции» претерпевает изменения и в отношении России. Антироссийский

курс ФРГ проявился буквально через несколько дней, когда новое федеральное правительство А. Меркель быстро присоединилось к британской версии в «деле Скрипалей». Суть этой бездоказательной версии заключалась в том, что Скрипалей якобы отравили русские спецслужбы на территории Британии. Свою поддержку этой версии ФРГ выразила в высылке 4-х российских дипломатов.

Новый глава внешнеполитического ведомства ФРГ Х. Маас также обвинил Россию во многих «тяжких международных делах»⁴. Более того, антироссийская пропаганда была все рекорды. Например, тогдашний министр обороны ФРГ Урсула фон дер Ляйен обвинила президента В. Путина в перманентной провокации⁵. На самом деле в жизни было как раз-таки наоборот: новое правительство ФРГ по сути дела проводило перманентную кампанию недоверия, враждебности к России. Тем не менее, наряду с этим, практичные немцы всё же не забывали и об экономических выгодах и интересах современных российско-германских отношений. Свидетельством этому является тот факт, что новое правительство дало разрешение на реализацию газопровода «Северный поток–2», считая его исключительно коммерческим проектом [11, с. 49]. Правда, чуть позже с учётом украинского фактора канцлер признала, что проект имеет и политическое значение. Некоторые газеты отмечали, что «Германия остаётся готовой к диалогу с Россией». Определённым подтверждением этому был и визит в апреле 2018 г. А. Меркель в США. Одна из американских газет писала, что руководство ФРГ хочет, чтобы администрация Д. Трампа освободила немецкие компании от новых жёстких американских санкций в отношении России⁶.

¹ Алексей Миллер и посол Германии Рюдигер фон Фрич рассмотрели вопросы сотрудничества в газовой сфере // Газпром: [сайт]. URL: <http://www.gasprom.ru/press/news/2018/june/article436748> (дата обращения: 02.04.2021).

² Рар А. Коалиция противоречий // Известия. 2018. 6 марта.

³ Там же.

⁴ Maas H. Spiegel-Gespräch // Spiegel. 2018.14.04 (April). P. 30–31.

⁵ Григорьев Е. Русофобия не украсит «Эру Меркель» // Независимая газета. 2018. 27 марта.

⁶ Никифоров О. Зачем Меркель едет на встречу с Трампом // Независимая газета. 2018. 26 апреля.

Несмотря на некоторое ухудшение в российско-германских отношениях, были там и положительные моменты. Время вносило свои коррективы. Постепенно возобновлялись политические контакты на высшем уровне, особенно весной и летом 2018 г. Правда, они не носили, как раньше, такой доверительный характер. Всё же эти встречи, прежде всего, свидетельствовали о том, что ФРГ заинтересована в определённых контактах с Россией. К примеру, прошло согласование документации по «Северному потоку–2» и начато его строительство [7, с. 72].

Примерно в это время немецкий фонд Ф. Эберта опубликовал своё видение восточной политики нового правительства ФРГ. Небезынтересна позиция экспертов фонда в отношениях с Россией: «что касается РФ в целом, то немецкая внешняя политика демонстрирует заинтересованность в нормализации диалога»¹. Здесь надо признать, что, касаясь концептуальных подходов внешней политики Германии к отношениям с Россией, следует иметь в виду встроенность ФРГ в евроатлантическую систему безопасности. В этой связи так называемая восточная политика (в данном случае политика Германии в отношении России. – *прим. автора*), отражая интересы страны, тем не менее следует в фарватере общеполитического курса Запада по отношению к России [9, с. 154–157]. Далее, упомянутый автор таким образом развивает свою мысль, что немецкая интерпретация данного подхода в отношении России априори подразумевала, что обе стороны могут успешно взаимодействовать при решении внешнеполитических вопросов и проблем только при условии разделения ими общих ценностей. При этом в Берлине полагали, что «общие ценности», которые должны разделять Германия и РФ, подразумевают западные ценности, которые Россия должна безоговорочно

принимать [9, с. 154–157]. Общеизвестно, что Россия суверенная, независимая страна, имеющая свои позиции в мировой политике, не признаёт западные ценности. Т. е. РФ и ФРГ придерживаются разных мировоззрений. Вот это и стало основным камнем преткновения между двумя государствами и повлияло на отношения между ними.

В августе 2018 г. состоялось важное политико-экономическое событие в жизни Германии – внеочередное собрание влиятельного предпринимательского союза «Восточный комитет». В пресс-релизе организации отмечалось: «Будущее мирового экономического порядка поставлено под вопрос. Вводя санкции против России и Ирана, США оказывают значительное давление на европейскую политику. Совместные действия позволяют образовать необходимые союзы для того, чтобы преодолевать складывающиеся негативные условия»².

Этот факт свидетельствует о том, что немецкие предпринимательские союзы готовились к противостоянию с США. Дело могло приобрести серьёзный оборот, затрагивая и политическую сферу, о которой хотелось сказать немного конкретней. Дело в том, что ФРГ, а точнее – германский истеблишмент в определённой степени, особенно последнее поколение, преклоняются перед США. В Берлине решили, что немцы намного ближе к «демократическому» Трансатлантическому союзу, чем к «тоталитарной» России, тем более – не признающей западные ценности. Эту «близость» США в определённой степени реализуют и с помощью своих почти 300 военных баз на немецкой территории. Более того, эта «близость» подтверждается ещё тем, что в банках Америки находится золотой запас Германии. Всё вышесказанное свидетельствует о том, что США в отношении ФРГ преследует свою цель, реализация которой мешает развитию германо-российских отноше-

¹ Григорьев Е. Путину предстоит увидеть новые контуры политики ФРГ // Независимая газета. 2018. 18 мая.

² Немецкий бизнес реформируется // Независимая газета. От редакции. 2018. 9 августа.

ний. Указанная цель непосредственно связана с главными стратегическими и геополитическими планами США, которые они пытаются реализовать уже в течение века. Главная их цель – «не допустить, чтобы немецкий капитал и немецкие технологии соединились с российскими природными ресурсами и рабочей силой в непобедимую комбинацию» [12, с. 160]. В силу создавшихся обстоятельств могущественные влиятельные США проводят соответствующую дифференцированную политику в отношении ФРГ и России. Особенно это стало заметно в отношении РФ как раз во втором десятилетии XXI в., когда РФ заметно усилилась в военной сфере, даже опередив постоянно лидирующую Америку по высокотехнологичному ракетно-ядерному оружию, укрепила свою государственность, проявила не только полную самостоятельность в мировой политике, но и заметно укрепила свой престиж и авторитет в международных делах.

Указанные факты не могли не волновать США, Запад, и поэтому давление на Россию с их стороны во многих сферах резко возросло. И особенно усилилась информационная война, масштабы которой уже зашкаливают. Информационная война, как известно, в XX в. никогда не прекращалась, но в век информационных технологий она стала одной из неотъемлемых частей политики многих государств. Главная стратегическая цель этой войны – ослабление России. Немцы, кстати, тоже неплохо преуспели в этой сфере, особенно после известных событий в Украине. К примеру, присоединение Крыма к России некоторые немецкие средства массовой информации сравнили со вторжением нацистов в Судеты в 1938–1939 гг. [2, с. 17].

Осенью 2018 г. внутривнутриполитическая ситуация в ФРГ ухудшилась: партнеры канцлера по правительству потерпели сокрушительное поражение на выборах в Баварии. Это пошатнуло позиции А. Меркель, и даже некоторые немецкие

СМИ не исключали, что «бабушка всех немцев» вскоре может отправиться в отставку¹. Тем не менее политическая ситуация в ФРГ была далеко не однозначной. У немцев в рассматриваемое время проявлялось двойное отношение к главе правительства. С одной стороны, в стране отмечалась некоторая усталость от Меркель (канцлер с 2005 г.) и растущее желание политических перемен. С другой – расчётливых немцев тревожил вопрос: кто будет после Меркель (Mutti – мамочки). И согласно осенним опросам 2018 г., 56% жителей ФРГ выступали против того, чтобы канцлер досрочно покинула свой пост². Когда же это произойдёт на самом деле, трудно сказать. Эта «хромота» по-прежнему самый популярный политик в своей стране.

Зимой 2018 г. ухудшилось и внешнеполитическое положение ФРГ: Вашингтон оказывал беспрецедентное давление на Берлин с целью заставить немцев отказаться от продолжения строительства газопровода «Северный поток-2». Немцы же упорно стояли на своём. И одна из причин такого положения заключалась в том, что Германии нечем заменить дешёвые энергоносители из России. Кстати, помимо нефти и газа Германия импортирует и российский каменный уголь, который составляет почти 50% угля, необходимого для экономики страны³. За последние годы Россия резко увеличила поставки каменного угля в Германию, и они выросли в 2018 г. до 19 млн тонн в год. Это очень много – доля России на немецком рынке составляет около 38%. И она больше, чем доля российского газа и нефти – 35%⁴. Немцы в недалеком будущем хотят заменить русский уголь рус-

¹ Ангела Меркель близка к отставке // Аргументы недели. Открытие. 2018. 18 октября.

² Камакин А. Мировая мамочка. Жизнь и необычайная судьба Ангелы Меркель // Московский комсомолец. 2018. 26 ноября.

³ Почему Германия обязательно достроит «Северный поток – 2» // Аргументы недели. Открытие. 2018. 27 декабря.

⁴ Там же.

ским газом, как наиболее экологически чистым источником энергии.

Вернёмся к политической ситуации в Германии. Там весной 2019 г. обострилась межпартийная борьба и закулисные игры в окружении А. Меркель. Проведённые опросы общественного мнения свидетельствовали о серьёзном падении доверия избирателей к партиям ХДС/ХСС. Казалось, что такие факты ставят под удар правящую коалицию и начинаются закулисные игры вокруг А. Меркель в самой ХДС. Тем не менее в сложившейся ситуации, согласно опросу, проведённому по заказу журнала Focus, 70% немцев желали, чтобы А. Меркель продолжала свою деятельность до 2021 г., т. е. когда должны состояться очередные выборы в парламент¹. Хотелось бы обратить внимание и ещё на один немаловажный факт. С самого начала образования правительственной большой коалиции (БК) возникали в немецкой печати неодобрительные мнения по поводу её деятельности. Но факты неопровержимо свидетельствовали об обратном: правительству удалось многого добиться. В частности, под управлением А. Меркель Германия 5-ый год подряд имеет профицит бюджета². 2019 г. – особый год для ФРГ – 30-летие (9 ноября 1989 г.) демонтажа Берлинской стены. Конечно, для немцев это большое событие, большой праздник, с которого по сути дела и началось воссоединение двух Германий.

Пришло время подводить какие-то итоги, в частности и в отношениях с Россией. В своё время СССР сыграл главную роль в процессе указанного объединения, и его преемница Россия могла, по всей вероятности, рассчитывать на большее со стороны ФРГ. Например, быть ближайшим союзником Москвы в Европе. К сожалению, этого не произошло, т. к. германская элита в основном стоит сейчас на антироссийских позициях. Наоборот, у большинства простых немцев Россия вы-

зывает симпатию. Так считает известный немецкий политолог А. Рар. Например, представители одной из ведущих партий Германии ХДС так и говорят: «Это ужасно, что большинство немцев всё больше верят России»³.

Что касается России в указанный период, то тут небезынтересна на сей счёт точка зрения, высказанная рядом российских учёных. Они предрекали, что 2019 г. станет ещё одним в череде трудных лет для РФ, и это предопределено 3-мя факторами:

1. Демонтаж, отход в мировой политике от всего комплекса правил, принципов, сочетаний и ценностей.

2. Сопrotивление значительной части ведущих мировых игроков движению России к восстановлению статуса мировой державы.

3. Внутривнутриполитические и социально-экономические факторы [10, с. 109–134].

Трудно не согласиться с таким важным прогнозом, и действительно, прошедший 2019 г. во многом соответствовал их предсказаниям.

Чего в этом плане нельзя сказать о ФРГ. В указанное время росли экономические успехи страны, росла её экономика. Относительно немецкого бизнеса ситуация была совсем другой. К примеру, определённая часть германских предпринимателей давно добивалась отмены санкций, принятых против России. Другая же часть германских компаний вынуждена была покинуть российский рынок. И ниши, места, которые освободили в России немцы, стали активно занимать турки, китайцы и другие. Немцы вполне резонно опасаются, что на выгодный российский рынок они уже не вернуться. Поэтому они бьют во все колокола: обращаются к правительству, канцлеру. Но госпожа Меркель и её министры связаны по рукам и ногам «трансатлантической солидарностью». Для них единство Европы важнее дружбы с Россией⁴.

¹ Никифоров О. Закулисные игры в окружении Меркель // Независимая газета. 2019. 23 апреля.

² Там же.

³ Рар А. Головой о Берлинскую стену // Аргументы недели. 2019. № 46.

⁴ Там же.

А. Меркель, несмотря на имеющуюся «трансатлантическую солидарность», как опытный и проницательный политик старается защищать и экономические, и политические интересы своей страны. В частности, она постоянно выступает за продолжение строительства газопровода «Северный поток–2». Хорошо известно, что осенью 2019 г. она разругалась с американским президентом Д. Трампом. И ссора касалась в основном экономических проблем¹. Определённая часть немецкого бизнеса была на её стороне. Вот как раз с этой частью и была назначена встреча на начало декабря 2019 г. у В. Путина.

Накануне немецкие предприниматели опубликовали длинный список претензий к бизнес-климату в России. И выяснились очень важные обстоятельства, что основные проблемы для немцев в России создают вовсе не международные антироссийские санкции, а сами российские власти. Сюда можно отнести прежде всего избыточное бюрократическое давление и задавленный внутренний спрос, которые оказались главными раздражителями немецкого бизнеса в РФ². Санкции же ЕС и США занимают лишь 3 и 4 места по значимости. В силу этих сложившихся обстоятельств 2/3 работающих немецких компаний в РФ не планировали здесь инвестиций – по крайней мере в ближайшее время.

Относительно будущего года (2020 г.) немцы высказали весьма сдержанные ожидания и порекомендовали российскому правительству позаботиться о новых стимулах роста «посредством сокращения бюрократии и целенаправленной поддержки малого и среднего бизнеса»³. Несмотря на высказанные претензии к России, немцы, конечно, недовольны и санкциями со стороны США. Всё же со-

противляемость такой жёсткой политике США растёт. Вот и честолюбивые немцы высказали крайнее недовольство, когда конгресс США в декабре 2019 г. планировал штрафные меры против иностранных фирм, принимающих участие в строительстве «Северного потока–2». В ответ на предполагаемые американские санкции немецкие деловые круги угрожали заморозить проекты Вашингтона по строительству терминалов для приёма американского сжиженного газа в Германии⁴. Так что и американо-германские экономические отношения характеризовались вот такими осложнениями.

В этот же период отношения Германии и России в политическом плане тоже были не безоблачны. Проявилось это на саммите в Париже по «украинскому вопросу». Дело в том, что А. Меркель, придерживаясь политики «двойных стандартов» и выражая атлантическую солидарность, накануне саммита опять осуществила высылку некоторых российских дипломатов из ФРГ⁵.

Вновь вернёмся к «Северному потоку–2», который стал серьёзным камнем преткновения между 3-мя странами. Надо отметить, бесцеремонность и наглость США в отношении «Северного потока–2» (СП-2) была очевидна уже в начале строительства газопровода. Когда же проект стал близиться к завершению, он превратился в квинтэссенцию отношений не только России и Запада, но и внутри самого Запада⁶. США стали налагать санкции, помимо России, и на её иностранных партнеров по строительству газопровода. В последнее время борьба вокруг СП-2 ещё более обострилась, и в неё втягиваются новые страны. В конце 2019 г. Америка своими жёсткими действиями и санкциями сумела затормо-

¹ Крестьянинов В. Германия тоже разочарована в НАТО // Аргументы недели. 2019. 20 ноября.

² Соловьева О. Немцы приготовились к встрече с президентом РФ // Независимая газета. 2019. 5 декабря.

³ Там же.

⁴ Никифоров О. Бизнес Германии недоволен санкциями США // Независимая газета. 2019. 12 декабря.

⁵ Саммит в Париже: Украине нужна федерализация // Аргументы недели. Открытие. 2019. 11 декабря.

⁶ Лукьянов Ф. Жёсткость от неуверенности // Российская газета. 2020. 11 сентября.

зять достройку СП-2. США продолжают проводить многоплановую борьбу и против ФРГ, и против иностранных партнеров, участвующих в строительстве СП-2. Этим партнерам, к примеру, американцы пригрозили отключением кредитования в международных банках и отказом от новых контрактов в США¹.

Берлин не сдаётся, Германия, явно заинтересованная в российском газе, продолжает маневрировать между Россией и Америкой. Последняя, явно раздосадованная этими манёврами, пригрозила ввести санкции не только против частных инвесторов, но и против задействованных государственных ведомств Германии. Противоречия между США и ФРГ резко обострились и вылились в громкий скандал между А. Меркель и Д. Трампом. В итоге очень важный во многих отношениях «Северный поток-2» для России и Германии оказывается в плену у всё более запутанных и менее урегулированных отношений внутри западного общества².

Положение с газопроводом усугубилось летом 2020 г., когда в ходе определённых событий ухудшились отношения между РФ и ФРГ. Их причиной стали происшествия, связанные с болезнью российского оппозиционера А. Навального и итоги выборов в Белоруссии, прошедшие в августе месяце. Немцы весьма чувствительно восприняли эти события, и известный политический деятель ФРГ В. Ишингер заявил, что «доверие Германии к России окончательно исчерпано»³.

Подобное громкое заявление, конечно, во многом является спорным, но сам факт его высказывания весьма удручает.

Более чёткую точку зрения высказал с немецкой стороны сопредседатель форума «Петербургский диалог» Р. Пофалла, призвав не разрушать мосты, связывающие Россию и ФРГ, из-за ситуации вокруг А. Навального⁴.

Не будем чересчур пессимистично смотреть на череду событий, негативно влияющих на российско-германские отношения. Стоит признать, что они не повлекли за собой полного разрыва отношений между странами и этот факт свидетельствует о том, что оба государства дорожат имеющимися отношениями и стараются их сохранить на должном уровне. Как дальше будут развиваться российско-германские взаимоотношения – покажет время.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что, несмотря на различного рода сложности и трудности, отношения между Россией и ФРГ важны для обеих стран. И странам придётся прилагать ещё больше усилий для улучшения этих отношений. В частности, России необходимо избавиться от чрезмерного бюрократического давления и от ограниченного внутреннего спроса, т. е. тех факторов, которые негативно влияют на эти отношения.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. Восточная политика Германии: противоречивая эволюция // Международная жизнь. 2015. № 1. С. 14–28.
2. Голодов А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе. Рязань. 2019. 195 с.
3. Гринин В. М. Россия и Германия: история в 1000 лет // Международная жизнь. 2012. № 6. С. 57–65.

¹ Makeev N. «Северный поток – 2» раскол НАТО // Московский комсомолец. 2020. 30 июня.

² Лукьянов Ф. Жёсткость от неуверенности // Российская газета. 2020. 11 сентября.

³ Крестьянинов В. Германия не хочет разрывать отношения с Россией из-за Белоруссии и Навального // Аргументы недели. 2020. № 34.

⁴ Коротко // Независимая газета. 2020. 21 сентября.

4. Лебедева О. Российско-германские отношения в канун 2018 года // *Международная жизнь*. 2019. № 9. С. 27–42.
5. Мартенс О. К. Современные российско-германские отношения в контексте деятельности организации российских немцев // *Россия и Германия: история и современность*. 2018. С. 73–79.
6. Оганесян А. Прощай, Германия // *Международная жизнь*. 2014. № 8. С. 98–100.
7. Павлов Н. Германия–Россия–ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 5. С. 72–73.
8. Платошкин Н. Европейский канцлер или закат эры Ангелы Меркель? // *Международная жизнь*. 2013. № 10. С. 126–134.
9. Писарев Д. А. Особенности германской концепции отношений с Россией // *Власть*. 2018. № 5. С. 154–157.
10. Россия и Мир: 2019. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз // *Мировая экономика и международные отношения* / ред.-сост. И. Комбринская, Г. Мачавариани. 2019. № 5. С. 109–134.
11. Белов Ф., Васильев В., Кокеев А., Хорольская М. Немецкое представление о безопасности // *Международная жизнь*. 2018. № 10. С. 37–54.
12. Родович Ю. В., Бутовский А. Ю., Костенко С. Ю. Россия и Германия в конце XX – начале XXI века: история и опыт сотрудничества. Тула. 2017. 265 с.

REFERENCES

1. Vasilev V. [The Eastern policy of Germany: the controversial evolution]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2015, no. 1, pp. 14–28.
2. Golodov A. G. *Informatsionnaya voyna protiv Rossii v nemetskoj massovoi presse* [Information war against Russia in the German mass press]. Ryazan, 2019. 195 p.
3. Grinin V. M. [Russia and Germany: a history of 1000 years]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2012, no. 6, pp. 57–65.
4. Lebedeva O. [Russian–German relations on the eve of 2018]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2019, no. 9, pp. 27–42.
5. Martens O. K. [Contemporary Russian–German relations in the context of the activities of the organization of Russian Germans]. In: *Rossiya i Germaniya: istoriya i sovremennost* [Russia and Germany: history and modernity]. 2018. P. 73–79.
6. Oganesyana A. [Goodbye Germany]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2014, no. 8, pp. 98–100.
7. Pavlov N. [Germany–Russia–EU: a triangle of cooperation or contradictions?]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, no. 5, pp. 72–73.
8. Platoshkin N. [European Chancellor or the decline of the era of Angela Merkel?]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2013, no. 10, pp. 126–134.
9. Pisarev D. A. [Features of the German concept of relations with Russia]. In: *Vlast* [The Power], 2018, no. 5, pp. 154–157.
10. Kombrinskaya I., Machavariani G., ed. [Russia and the World: 2019. Economy and Foreign Policy. Annual forecast]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2019, no. 5, pp. 109–134.
11. Belov F., Vasilev V., Koikeev A., Khorolskaya M. [German vision of security]. In: *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], 2018, no. 10, pp. 37–54.
12. Rodovich Yu. V., Butovskiy A. Yu., Kostenko S. Yu. *Rossiya i Germaniya v kontse 20th – nachale XXI veka: istoriya i opyt sotrudnichestva* [Russia and Germany at the end of 20th – early 21st century: history and experience of cooperation. Tula Publ., 2017. 265 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шелудченко Николай Петрович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета; e-mail: and75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay P. Sheludchenko – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Teacher, Department of New, Recent History and Methodology, Moscow Region State University;
e-mail: and75@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шелудченко Н. П. Взаимоотношения между ФРГ и Россией в политической и экономической сферах в 2017–2020 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 159–169.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-159-169

FOR CITATION

Sheludchenko N.P. Relations between Germany and Russia in the political and economic spheres in 2017–2020. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 159–169.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-159-169

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 94 (470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-170-176

АНАЛИЗ Г. В. ВЕРНАДСКИМ ТЕРМИНОЛОГИИ В КНИГЕ «МОНГОЛЫ И РУСЬ»

Черемных О. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Обзор терминов, которые анализирует Г. В. Вернадский в книге «Монголы и Русь».

Процедура и методы. Рассмотрены конкретные примеры анализа Г. В. Вернадским монгольских и тюркских терминов. При проведении исследования применены методы: сравнительно-исторический, обобщения и интерпретации результатов.

Результаты. Дан авторский комментарий основным терминам, которые рассматривает в своей книге «Монголы и Русь» Г. В. Вернадский.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение трудов классиков исторического жанра русского зарубежья.

Ключевые слова: Г. В. Вернадский, монголы, Русь, терминология, улус, пайцза, яса

G. V. VERNADSKY'S ANALYSIS OF TERMINOLOGY IN THE BOOK “THE MONGOLS AND RUSSIA”

O. Cheremnykh

Moscow Region State University

24 Vera Voloshina ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To review the terms analyzed by G. V. Vernadsky in the book “The Mongols and Russia”.

Methodology. Specific examples of G. V. Vernadsky's analysis of Mongolian and Turkic terms were analyzed using the methods of comparative-historical analysis, generalization and interpretation of the results.

Results. All the main terms that G. V. Vernadsky considered in his book “The Mongols and Russia” were identified and provided with the author's commentary.

Research implications. The results contribute to the study of classical historical works by Russian scholars residing abroad.

Keywords: G. V. Vernadsky, mongols, Russia, terminology, ulus, paizza, yasa

Введение

Историк Георгий Владимирович Вернадский не нуждается в особом представлении. В своих книгах, опубликованных с 1943 по 1969 гг. в США, он создал уникальную концепцию истории России с древнейших времен до начала правления Петра I. Особое внимание историк уделяет терминологии.

Есть всего несколько современных исследовательских работ анализа терминологии, используемой в книгах Г. В. Вернадского [1, 2, 6, 10; 11]. Данная статья посвящена анализу терминологии в третьей книге Г. В. Вернадского «Монголы и Русь». При её подготовке так же, как и при написании книги «Киевская Русь», Г. В. Вернадского консультировал выдающийся языковед Роман Осипович Якобсон, с которым историк был связан евразийским движением 1920-х гг. и вновь встретился в США.

Результаты оригинального авторского исследования

Первый термин, которому Г. В. Вернадский даёт толкование – «*курултай*», как «родовое собрание предводителей»¹. Особое внимание историк обращает на то, что *курултай* прошёл «совершенно не замеченным» никем из народов, которые окружали монголов. Лишь спустя годы решения этого съезда монгольских знатных людей получили известность в среднеазиатских государствах, но и тогда их «зловещее значение не было сразу же понято»².

Обращаясь к верованиям монгольских племен, Вернадский уделяет внимание термину «*онгон*». Дело в том, что у монголов в обиходе большую роль играли плохо обработанные «фигурки, некоторые из них имели человеческие черты, а другие представляли собою животных». Однако их нельзя соотносить, например, с обычными идолами, как об этом

думали прибывавшие к монголам иностранцы. Согласимся с мнением историка, что это были все же «религиозные или магические символы почитания»³. Для более подробного ознакомления с вопросом Вернадский отсылает к работам Б. Я. Владимирцова [4], Д. К. Зеленина [7], Н. И. Веселовского [3]. А современный взгляд на эту проблему представлен в статье Хингеевой Л. М. [10].

Термины «*обог*» и «*ясун*» были связаны с родовыми отношениями. Г. В. Вернадский согласен с Б. Я. Владимирцовым, который исследовал монголов в эпоху, предшествовавшую Чингисхану, и пришёл к выводу, что все у них держалось на «патриархальных кланах» [4]. «*Обог*» – это монгольский род, который «состоял из родственников по отцу и был экзогамным»⁴. Соответственно в ситуации, когда нельзя было жениться на соплеменнице, жену можно было выкупить у соседнего, а ещё лучше – у дальнего рода, если простое сватовство не приводило к успеху.

Анализируя развитие родовых отношений, Г. В. Вернадский считает, что в определённый момент количественное увеличение числа соплеменников могло привести к тем или иным отрицательным явлениям, и тогда начинался процесс дробления рода на более мелкие элементы. Формируются новые родоплеменные группы, но у них присутствует чёткое понимание о некоей общности с другой подобной группой, об общем предке, о том, что они относятся к одной «кости», а именно это и обозначает термин «*ясун*»⁵.

Историк подробно останавливается на термине «*куруень*», который различается у монголов данного периода и казаков более позднего.

Когда наступал сезон, во время которого нужно было сниматься со стоянок и двигаться в сторону степных пастбищ, разобщённые родоплеменные группы как бы вспоминали об общем *ясуне* и со-

¹ Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М.: АГРАФ, 1997. С. 15.

² Там же.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 22.

единылись, имея в виду важность защиты от многочисленных степных «искателей приключений»

К вечеру сотни юрт были расставлены по кругу, который и получил название «курень»¹. А что же курень у русских казаков? Историк считает, что этот термин был когда-то заимствован у монголов, но спустя столетия «несёт иную коннотацию». Это своего рода казарма в общественном устройстве казаков². Г. В. Вернадский далее упоминает ещё один термин, применительно к небольшому лагерю монголов. Речь идёт о достаточно влиятельных и сильных монгольских объединениях, которые могли спокойно пасти свой многочисленный скот, ничего не боясь. В их стойбищах было не так много юрт, как в монгольском курене более слабых родов, и такое стойбище они называли «аилом»³.

Говоря о доминировании одних племён над другими, Вернадский анализирует термин «унаган богол». В ходе многочисленных военных действий и просто рядовых стычек в плен к монголам попадали иноплеменики или представители другого ясуна. Они и образовывали особую группу, получившую название «унаган богол». Эта группа постоянно сопровождала основной род в качестве полузависимого или полностью рабского контингента⁴.

Рассматривая социальную структуру монгольского общества, Г. В. Вернадский пишет о термине «харачу». Дословный перевод этого термина – «чёрные». Историк считает, что эти люди занимали самую низкую строчку в стратификации монгольского общества, но, тем не менее, оставались свободными⁵. По мнению Вернадского, в Московском государстве использовался точно такой же термин «чёрные люди»⁶, его можно было отне-

сти к незначительным представителям городских слоёв, людям низкой квалификации, подёнщикам, другое их название – «молодые горожане»⁷.

Наиболее верный перевод термина «кэшик», по словам историка, – это гвардия. Скромный дворцовый отряд Чингисхана был со временем преобразован в «кэшик». Сюда входили несколько тысяч лучших воинов. Это была элита монгольского войска, в которую было непросто попасть. В неё могли включить членов семей полководцев разного уровня, что касается остальных претендентов, то их ждал жёсткий отбор⁸.

Постепенно у монголов формируется чиновничий аппарат и возникает новая терминология. Так Вернадский пишет о термине «черби». При дворе монгольского хана существовал слой служителей, который занимался только продовольствием, поставками и распределением, в т. ч. они обслуживали дворцовую охрану⁹.

Особое внимание Г. В. Вернадский уделяет термину «яса (ясак, джасак)», который означает «поведение» или «декрет». Многие исследователи говорят о Великой Ясе, как о своде основополагающих монгольских правил и законов. Но, с точки зрения Вернадского, этот кодекс нельзя приравнивать к законодательным установлениям, характерным для многих народов. Для десятков тысяч монголов это был ступок мудрости основателя империи, его сокровенные пожелания и установления, ведь для монгольского народа он являлся «боговдохновенным Сыном Неба»¹⁰. Вернадский согласен с мнением А. Н. Поляка, что автохтонное население монгольской империи приписывало этим установлениям «полумагическую власть» [12, р. 863].

Характеризуя термин «дархан», историк связывает его с иммунитетом. Освобождение от дворцовой или иной

¹ Там же.

² Там же. С. 400.

³ Там же. С. 22.

⁴ Там же. С. 22–23.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 400.

⁷ Там же. С. 381.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 106–107.

государственной службы, от многочисленных поборов и налогов было даровано некоторым категориям жителей монгольского государства. Речь идёт, прежде всего, о врачевателях, учёных мужах, священнослужителях любых конфессий. Светские и религиозные деятели должны были выполнять свои важные функции на высоком уровне, их ждал за это иммунитет. Вернадский нашёл случаи, когда *дархан* (монгольский вариант) или *тархан* (тюркский вариант) получали также некоторые простые жители империи. Тюркский вариант термина стал использоваться в русском языке¹. Г. В. Вернадский здесь делает отсылку к работе Б. Я. Владимирцова, который подробно исследовал институт тархана [4, с. 69, 93, 117, 164]. Из современных исследователей к этой проблеме обращалась Бальжинаева Б. Д. [1].

Термин «улус», по мнению Вернадского, требует более обстоятельного рассмотрения. Крупные территории, которые получали в своё владение потомки основателя империи, определяли их власть и богатство. Г. В. Вернадский не согласен с некоторыми историками, которые все эти наделы называют *улусами* [4, с. 100]. Историк разделяет их на два типа, существенно отличающихся друг от друга. С одной стороны, это были действительно улусы, т. е. значительные территории, унаследованные прямыми потомками Чингисхана. В улусе было собственное многотысячное войско. Правящий хан не только правил и вершил суд, но и являлся наместником императора. Улус в данном случае – часть обширной империи. С другой стороны, существовали более мелкие наделы, которые не имели признаков улуса и именовались «инджю»². По поводу инджю или индже Вернадский отсылает к работе С. Е. Малова [8].

Г. В. Вернадский анализирует также термин «*сайдак*», который корреспондируется со статусом *даркхана*. Историк

пишет, что основатель монгольского государства давал наиболее отличившимся приближённым право на ношение колчана, лука и стрел, что звучало как «*садак* или *сайдак* (по-древнерусски, *сайдак* или *сагайдак*)». Но ведь любой монгольский воин был вооружён подобным образом, поэтому имелась в виду символичность этой привилегии, которая приводила к статусу даркхана. Человек в этом статусе имел налоговый иммунитет³.

И здесь Вернадский переходит к термину «*пайцза*», считая, что монголы, конечно же, не могли наделять общепотребимое оружие отличительным статусом. Была придумана «*пайце* (порусски, *пайцза*)». Она была 3-х уровней: высшего, среднего и низшего. Обладателю высшего уровня давали пластину с головой тигра из золота с надписью «Священный декрет Тьен-це («Данного небом»), императора Чингиса. Пусть дела вершатся по воле его». Обладатель среднего уровня получал такую же пластину, но без головы тигра и с указанием «срочно». Обладатель низшего уровня получал такую же пластину, но из серебра⁴.

Историк рассматривает ряд терминов применительно к системе налогов как подвластного населения, так и собственно монголов. Любое домохозяйство монголов должно было платить ряд налогов, выполнять определённые работы и участвовать в тех или иных службах. Это называлось «*албан*». А подвластное население, помимо ежегодного общего налога, платило налог, связанный с их деятельностью: «*тамга*» – налог, который платили купцы и мастеровые, «*копчур*» – налог, которым облагали владельцев скота, «*калан*» – налог землепашцев⁵.

У каждого рода была своя эмблема, которую часто воспроизводило клеймо для различных видов собственности и

³ Там же. С. 131.

⁴ Там же.

⁵ Вернадский Г. В. «Монголы и Русь». М.: АГРАФ, 1997. С. 134-135.

домашних животных¹. Для этих целей использовался термин «тамга» – эмблема. Общность ряда слов у монголов и тюркских народов не вызывает сомнения, но нельзя согласиться с мнением некоторых современных историков о том, что «монголы Чингисхана говорили на тюркском языке» [6, с. 5].

Среди государственных чиновников Вернадский выделяет представителя таможенной службы – «даруга». Историк встречал в русских источниках написание этого термина как «дорога». Термин происходит от глагола «нажимать». Его нужно понимать в том ключе, что даруга ставит оттиск. Вернадский предполагал, что одновременно это означает и «хранитель печати». Подсчёт всех привозимых налогов и податей, общее суммирование – этим и занимался даруга². В другом месте исследователь проводит параллель между даругами и баскаками, исходя из летописных источников. По-монгольски – даруга, по-тюркски – баскак³. Некоторые современные исследователи считают, что монголы отказались от системы баскаков в XIV в., заменив их посланниками с теми же функциями [3, с. 71].

Отдельно Г. В. Вернадский анализирует налог 1259 г. в Новгороде, называвшийся «туска», который возмутил тогда новгородцев. Он делает предположение, что упоминаемый в «армянской летописи Григора Алканца» *tzgu* – это именно этот налог. Проследивая этимологию термина, Вернадский приводит тюркское *tuzghu*, который обозначал требование накормить ханских чиновников, прибывших к подвластным. Но вместе с тем историк нашёл в уйгурском документе середины XIV в. упоминание о налоге *tüshür*, происхождение которого, возможно, связано с уйгурским словом *tüsh*, которое обозначает «интерес», «доход». Историк делает вывод, что тот самый единичный налог 1259 г. по-русски звучал как «ту-

ска», являясь производным от *tüshük* или от *tuzghu*⁴.

Ещё ряд терминов, которые разбирает Вернадский, относится к системе администрации монголов. Орган централизованного управления назывался «диван», а делопроизводством там занимался «битикчи». Какие-либо важные должности исполнял главный битикчи, например, он вёл архив. Не совсем ясно, является ли термин «визирь» титулом главного ханского администратора⁵. Можно предположить, что, т. к. речь идёт о персидских и арабских письменах, то автор источника просто применил знакомый термин из своей страны к главному ханскому администратору.

Говоря о судопроизводстве монголов, Г. В. Вернадский уточняет, что оно было представлено судами двух инстанций – верховным и местными. Первый рассматривал важнейшие судебные тяжбы, судил знатных людей. В связи с судопроизводством историк выделяет 3 термина:

1. «Яргучи (джаргуджи)» означал судей местных судов; в каждом местном суде было 8 судей.

2. «Амир яргу» относился к председателю местного суда, который мог быть назначен только ханом.

3. «Кази» применялся для обозначения судьи шариата, который имел право участвовать в работе местных судов⁶.

Что касается земледельцев, то у них тоже были свои обозначения: «сабанчи» – пахари, «уртакчи» – издольщики.

Г. В. Вернадский анализирует положение крестьян, которые числились за поместьем хана. Часть из них была полностью свободной. Они выполняли в поместье разные работы. У этой категории крестьян было более привилегированное положение в связи с защитой со стороны ханского отряда и отсутствием тяжелых налогов⁷. Об «уртакчи» подробнее Вернадский предлагает посмотреть в работе

¹ Там же. С. 228.

² Там же. С. 218–219.

³ Там же. С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

⁵ Там же. С. 219.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 220–221.

В. А. Гордлевского [5], а о крестьянах в Орде в целом – в работе В. В. Радлова [9].

Хорошо известный термин «орда» вызывает интерес в связи с терминами «тивун» и «ватаман». «Орда» или «орду» – главная ханская ставка или крупный военный лагерь монгольского полководца. Один из чиновников в орде – «тивун». Г. В. Вернадский вспоминает хорошо известный историкам термин Киевской Руси «тиун». По его мнению, этот термин применительно к орде означал судью. Другой термин «ватаман» обозначал руководителя местной ордынской единицы. Историк предполагает, что обе должности были выборными¹.

Заключение

Количественный анализ терминов, которые переводит, анализирует и интерпретирует Г. В. Вернадский в книге «Монголы и Русь», показал, что историк достаточно полно исследовал монгольскую терминологию в её связи с русской действительностью. Говоря о качественном анализе терминов, следует отметить, что современные исследователи не привнесли ничего нового

по сравнению с работой Г. В. Вернадского, опубликованной в 1953 г.

В третьей книге многотомной истории России «Монголы и Русь» Г. В. Вернадский продолжил анализировать термины, давая им предельно точный перевод и научную характеристику. Наряду с известными российской и зарубежной науке терминами, например, «курултай», «курень», «аил», «черные люди», «яса», «улус», «пайцза», «тамга», «баскак», «кази», «орда», «тивун», Г. В. Вернадский подверг анализу более редкие термины: «онгон», «обог», «ясун», «унаган богол», «харачу», «кэшик», «черби», «дархан», «индью», «сайдак», «албан», «копчур», «калан», «даруга», «туска», «яргучи», «амир яргу», «сабанчи», «уртакчи», «ватаман», тем самым обогатив историческую науку.

При анализе работы Вернадского видно, что, разбирая термины монгольского или тюркского происхождения, историк вникал в тонкости языка или даже диалекта, тщательно исследуя большой массив источников [11].

Статья поступила в редакцию 28.10.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальжиманиева Б. Д. Термины, обозначающие инструментарий дарханов, в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия. 2015. № 8. С. 16–22.
2. Вайсман М., Ярыгин А. А. Монголы в XIII–XIV веках и монгольское нашествие на Русь // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. № 3 (11). С. 61–72.
3. Веселовский Н. И. О религии татар по русским летописям // Журнал министерства народного просвещения. 1916. № 7. С. 81–101.
4. Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Л., 1934. 224 с.
5. Гордлевский В. А. Государство Сельджуков Малой Азии. М.-Л., 1941. 199 с.
6. Гумелев В. Ю., Бандурка В. Б. Язык монголов эпохи Чингисхана: русская история в контексте современной геополитики // Концепт. 2019. № 4. С. 1–18.
7. Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. М.-Л., 1936. 436 с.
8. Малов С. Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С. Ф. Ольденбурга // Записки института востоковедения Академии наук СССР / ред. С. Ф. Ольденбург. Т. 1. Л., 1932. С. 129–149.
9. Радлов В. В. Ярлыки Тохтамышы и Темир-Кутлуга // Записки восточного отделения Русского археологического общества. 1889. № 1-2. Т. 3. С. 1–40.
10. Хингеева Л. М. Феномен онгона в традиционной религии бурят // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: региональные особенности и международное сотрудничество / отв. ред. Е. Ю. Перова. 2017. С. 176–184.
11. Черемных О. А. Историческая концепция Г. В. Вернадского. М.: МГОУ, 2017. 209 с.

¹ Там же. С. 232.

12. Poliak A. N. The Influence of Chingis-Khan's Yasa upon the General Organisation of the Mameluk State // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1942. Vol. 10. № 4. P. 862–876.

REFERENCES

1. Balzhimanieva B. D. [Terms for Darkhan Toolkit in Mongolian Languages]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika. Filologiya. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Pedagogics. Philology. Philosophy], 2015, no. 8, pp. 16–22.
2. Vaissman M., Yarygin A. A. [Mongols in the XIII–XIV centuries and the Mongol invasion of Russia]. In: *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences], 2017, no. 3 (11), pp. 61–72.
3. Veselovsky N. I. [About the religion of the Tatars according to Russian chronicles]. In: *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of Ministry of Public Education], 1916, no. 7, pp. 81–101.
4. Vladimirtsov B. Ya. *Obshchestvennyi stroi mongolov* [Social structure of the Mongols]. Leningrad, 1934. 224 p.
5. Gordlevsky V. A. *Gosudarstvo Seldzhukov Maloi Azii* [Seljuk State of Asia Minor]. Moscow-Leningrad, 1941. 199 p.
6. Gumelev V. Yu., Bandurka V. B. [The language of the Mongols of the era of Genghis Khan: Russian history in the context of modern geopolitics]. In: *Kontsept* [Concept], 2019, no. 4, pp. 1–18.
7. Zelenin D. K. *Kult ongonov v Sibiri* [The cult of the Ongons in Siberia]. Moscow-Leningrad, 1936. 436 p.
8. Malov S. E. [Uyghur handwritten documents of S. F. Odenburga]. In: Oldenburg S. F., ed. *Zapiski instituta vostokovedeniya Akademii nauk SSSR. T. 1* [Notes of Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences. Vol. 1]. Leningrad, 1932. P. 129–149.
9. Radlov V. V. [Tokhtamysh and Temir-Kutluga labels]. In: *Zapiski vostochnogo otdeleniya Russkogo arkhelogicheskogo obshchestva* [Notes of the eastern branch of the Russian Archaeological Society.], 1889, no. 1-2, vol. 3, pp. 1–40.
10. Khingeeva L. M. [The Ongon Phenomenon in the Traditional Buryat Religion]. In: Perov E. Yu., ed. *Kulturnoe prostranstvo Vostochnoi Sibiri i Mongolii: regionalnye osobennosti i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo* [Cultural space of Eastern Siberia and Mongolia: regional features and international cooperation], 2017. P. 176–184.
11. Cheremnykh O. A. *Istoricheskaya kontseptsiya G. V. Vernadskogo* [Historical conception of G. V. Vernadsky]. Moscow, MGOU Publ., 2017. 209 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черемных Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg A. Cheremnykh – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department at the Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State University;; e-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Черемных О. А. Анализ Г. В. Вернадским терминологии в книге «Монголы и Русь» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 170–176.

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-170-176

FOR CITATION

Cheremnykh O. A. G. V. Vernadsky's analysis of terminology in the book "The Mongols and Russia". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 170–176. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-170-176

УДК 342.8

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-177-183

ПРОПОРЦИОНАЛЬНАЯ ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ОДИН ИЗ ИНСТИТУТОВ УРЕГУЛИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Филяева А. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, Проспект Вернадского, д. 82, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Исследовать, каким образом пропорциональная избирательная система может способствовать урегулированию этнических конфликтов и какие условия для этого необходимы.

Процедура и методы. В ходе проверки теорий в рамках интегративного и консоциативного подходов на соответствие практикам применяются методы сравнительного и ивент-анализа.

Результаты. Сделан вывод, что рассмотренная электоральная система обладает серьёзными недостатками и способствует урегулированию этнических конфликтов только в случае, если действуют другие институты, позволяющие компенсировать их.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы преподавателями при подготовке спецкурсов по избирательным системам и электоральному поведению.

Ключевые слова: этнический конфликт, этническая группа, урегулирование конфликтов, институциональный дизайн, избирательная система

PROPORTIONAL ELECTORAL SYSTEM AS AN INSTITUTE FOR RESOLVING ETHNIC CONFLICTS

A. Filyaeva

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky Prospekt, Moscow 119571, Russian Federation

Abstract

Aim. To study the impact and conditions of the proportional representation electoral system in resolving ethnic conflicts.

Methodology. The methods of comparative and event analysis were used in the course of verification of integrative and consociative approaches.

© CC BY Филяева А. И., 2021.

Results. The electoral system under study has serious shortcomings, contributing to the settlement of ethnic conflicts only if other institutes are in place to compensate them.

Research implications. The research materials can be used when preparing special courses on electoral systems and electoral behavior.

Keywords: ethnic conflict, ethnic group, conflict resolution, institutional design, electoral system

Введение

Этнический конфликт, рассматриваемый здесь как конфликт между группами людей, «считающих себя самобытным культурным сообществом, часто имеющим общий язык, религию, родственные связи и/или общие физические характеристики» [6], является одной из наиболее серьёзных угроз благополучию современных государств. Различающиеся последствия введения тех или иных институтов в разных государствах (возобновление или эскалация конфликтов, их разрешение или предотвращение появления новых) свидетельствуют о необходимости исследования влияния институционального дизайна на ход этнических конфликтов.

Дискуссия об электоральной системе, которая будет способствовать снижению напряженности, по-прежнему сохраняет актуальность. Часть исследователей поддерживают системы, которые позволяют обеспечить максимально полное представительство групп и мнений в избираемых органах власти (сторонники консociативного подхода). Их оппоненты предполагают, что более разумным будет вовлечение в процесс принятия решений только умеренных партий, готовых к взаимодействию – диалогу и поиску компромиссов (представители центрипетализма/интегративного подхода).

Существует большое число работ, посвящённых анализу роли электоральной системы как элемента институциональной модели, призванной способствовать урегулированию этнических конфликтов (например, сборник статей «Разделение власти: новые вызовы для разделённых сообществ», работы Д. Горовица «Этнические группы в состоянии конфликта» и А. Маккуллох «В поисках стабильно-

сти среди глубокого разделения: сравнительный анализ консociонализма и центрипетализма», статьи Н.-С. Борманна «Условия консociонализма: электоральные системы и «большие коалиции», Б. Барри «Примирение и консociативная демократия» и т. д.). Однако сторонники рассмотренных выше подходов часто по-разному оценивают одни и те же кейсы (так, Д. Горовиц и А. Маккуллох по-разному трактуют кейсы Нигерии и Шри-Ланки) или сомневаются в релевантности примеров, приводимых оппонентами (Б. Барри критикует позиционирование случаев Швейцарии и Австрии в работах А. Лейпхарта). Таким образом, исследование вопроса о том, какие избирательные системы способствуют урегулированию этнических конфликтов и какие условия для этого необходимы, остаётся по-прежнему актуальным, обладая как теоретической (для дальнейшего исследования влияния институционального дизайна на развитие этнических конфликтов), так и практической (для институционального дизайна государственных систем) значимостью.

В данной работе рассматривается система, которая изначально представляла одну из крайних позиций в охарактеризованной выше дискуссии, поддерживая «включённость»: пропорциональная система с голосованием по спискам (*List-system PR*). Тем не менее современные вариации этой системы, обладающие характеристиками преференциальных избирательных систем, призваны обеспечить не только широкое представительство различных групп, но и их эффективное взаимодействие. Целью работы является исследование вопроса о том, каким образом указанная электоральная система может способствовать урегули-

рованию этнических конфликтов и какие условия для этого необходимы. Для достижения данной цели выявляются и верифицируются преимущества и недостатки, постулируемые сторонниками и оппонентами рассматриваемой системы. Особое внимание уделяется кейсам Испании, Бельгии и Швейцарии, представляющим примеры использования разных типов пропорциональной системы с голосованием по спискам. Объектом исследования является пропорциональная система с голосованием по спискам как элемент теоретических моделей институционального устройства, призванных урегулировать этнические конфликты. Предметом исследования являются ключевые дебаты вокруг использования этой системы и её импликации в политических практиках. Посредством сравнительного анализа и ивент-анализа проводится проверка теорий на соответствие практикам.

Аргументы в защиту пропорционального голосования по спискам

Исследователи, поддерживающие широкое представительство различных групп в органах власти (сторонники консоциации), защищают пропорциональную электоральную систему с голосованием по партийным спискам, при которой число мест, получаемых партиями, соответствует процентному соотношению голосов, отданных за них, а выбор кандидатов из разных списков запрещён.

Избирательная система такого типа характеризуется многими преимуществами. Выборы по системе «победитель получает всё» неизбежно приводят к недовольству партий, чьи кандидаты в сумме по стране получили значительное число голосов, но проиграли в своих округах, как это произошло в 2015 г. при подведении итогов парламентских выборов в Великобритании [2, р. 34]. При пропорциональной системе, по высказыванию Ю. Штайнера, «все группы оказывают на

выработку решения воздействие, прямо пропорциональное их численности» [6, р. 39]. Такая система позволяет более точно отобразить спектр поддерживаемых населением движений в парламенте, и потому вызывает меньшее недовольство результатами выборов среди населения, что, следовательно, делает многосоставное общество более стабильным. Кроме того, в данном случае нарезка округов не влияет на результат выборов, как это происходит при выборах по мажоритарной системе, которые часто критикуются за джерримендеринг (один из наиболее известных примеров – избирательная система США [4]). Таким образом, данная система выглядит как крайне выгодная для многосоставных обществ.

Аргументы противников пропорционального голосования по спискам

Существуют и серьезные недостатки данной системы. Так, в случае, если принятое решение может быть выражено только в форме «да» или «нет», пропорциональность влияния обеспечить невозможно [6, р. 39–40], и «многосоставность» органа, ставшая результатом выборов по пропорциональной системе, лишь усилит напряжённость (в качестве примера такой ситуации можно рассмотреть дискуссию по вопросу об отделении Каталонии от Испании в Парламенте Каталонии в 2017–2018 гг.). Чтобы смягчить данную проблему, на практике принятие решения властью большинства откладывается как можно дольше, что оценивается неоднозначно. Защитники действующей системы в современной Бельгии отмечают, что продолжительное обсуждение проблемы позволяет снизить эмоциональность сторон, так что принятое в итоге решение, каким бы оно ни было, не вызывает резко негативной реакции. Тем не менее решение проблем часто затягивается на годы, как это произошло при обсуждении судьбы избирательного округа BHV [9, р. 234].

Другая проблема связана с возможностью прихода к власти представителей радикальных взглядов. Однако критикуя альтернативную модель, при которой большинство и меньшинство «обещают действовать умеренно», сторонники пропорциональной системы отмечают, что такая модель приводит к исключению многих меньшинств из легального политического процесса, и «будет наивным ожидать, что меньшинства, приговорённые к постоянной оппозиции, останутся лояльными, умеренными и конструктивными» [5, р. 98]. На практике, как это произошло в Северной Ирландии после принятия Декларации 1993 г., за приглашением за стол переговоров всех вовлечённых в конфликт сторон с условием их отказа от экстремизма часто следует разделение представителей группы на умеренную и радикальную части: умеренная представляет интересы группы легально, участвуя в открытом обсуждении проблем, радикальная остаётся маргинальной политической силой [10, р. 52], хоть и ослабленной. Таким образом, источник нестабильности остаётся, но теряет часть сторонников и ресурсов, что позволяет признать частичную правоту и сторонников, и противников пропорциональной системы.

На наш взгляд, противоречия в описании часто связаны с тем, что оцениваются пропорциональные системы с голосованием по спискам в целом. Однако существуют значимые отличия между видами этих систем.

Виды пропорциональной системы с голосованием по спискам

Самой известной формой пропорциональной системы, вероятно, является голосование по закрытым спискам: избиратель выбирает между сформированными партиями списками представителей данных партий. Данная система применяется, например, в Испании при формировании Конгресса Депутатов (большой палаты Генеральных Кортесов).

Такая система действительно позволяет отразить спектр мнений, подерживаемых гражданами государства, в совещательном органе власти: место в Конгрессе Депутатов получают партии, набравшие по крайней мере 3% голосов избирателей. Тем не менее сформированный таким образом парламент может оказаться слишком разобщённым. Так, парламентские выборы в Испании в 2015 и 2016 г. завершились формированием крайне фрагментированных Генеральных Кортесов [7], которые не смогли предложить кандидатуру председателя правительства, что привело к продолжительному политическому кризису. Одним из наиболее дискуссионных вопросов, порождавших противоречия между представленными партиями, стал вопрос о форме и содержании реакции Мадрида на действия сторонников независимости Каталонии. Другими словами, в условиях высокой степени напряжённости между этническими группами данная система показала себя не лучшим образом.

Более «гибкой» можно считать систему голосования по открытым спискам, применяемую, например, в Бельгии (первом государстве, которое начало использовать пропорциональную избирательную систему по методу д'Ондта – в 1899 г. [1, р. 209].) В Бельгии избиратель может как выбрать весь список представителей от определённой партии, так и ранжировать их или проголосовать лишь за одного или нескольких кандидатов от этой партии. Другими словами, такое голосование наделено чертами преференциальной системы. Тем не менее сохраняются связанные с межэтнической напряжённостью проблемы, характерные и для голосования по закрытым спискам: достижение консенсуса между представителями полярных взглядов часто занимает длительное время.

Так, дискуссии националистических партий, защищающих интересы франкофонов и фламандцев, регулярно приводят к крайне длительному формиро-

ванию правительства Бельгии. Выборы в Парламент Бельгии в 2010 г. привели к политическому кризису: новое правительство было сформировано после 541 дня переговоров. Относительно успешными оказались выборы 2014 г.: стороны достигли договоренности через 139 дней после выборов, и по условиям заключённого коалиционного соглашения Новый фламандский альянс (НФА), крупнейшая сепаратистская партия Бельгии, лишилась права поднимать вопрос о независимости Фландрии до парламентских выборов 2019 г.¹ Однако в 2018 г. коалиция всё же распалась из-за выхода НФА, связанного с разногласиями по миграционному пакту ООН, а созданному в результате выборов 2019 г. парламенту не удалось достичь соглашения, что привело к новому рекорду существования Бельгии без полноценного правительства: единственной целью действующего с марта 2020 г. «временного» «технического» правительства является борьба с пандемией Covid-19, а его полномочия ограничены². Достоинством действующей системы является рассмотрение спорных вопросов в рамках правового поля: в парламенте представлены и обсуждаются радикальные позиции, что, с точки зрения защитников системы, позволяет предотвращать насилие. Тем не менее разрешение противоречий может затянуться и начать препятствовать эффективному функционированию государственной системы, что также создаёт угрозу безопасности граждан страны.

К преодолению недостатков более распространённых типов пропорционального голосования по спискам стремится

¹ Leruth B. A federal House of Cards: the Belgian political landscape following the 2014 regional and federal elections // openDemocracy: [сайт]. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/federal-house-of-cards-belgian-political-landscape-following-2014/> (дата обращения: 02.09.2020).

² Van Dorpe S., Gijss C. 4 reasons Belgium needs a government // POLITICO. 2020. URL: <https://www.politico.eu/article/four-reasons-belgium-needs-a-government-budget-covid-19/> (дата обращения: 02.09.2020).

система панаширования, использующая при голосовании по открытым спискам в некоторых государствах. Данная система позволяет избирателям выбирать кандидатов из разных партийных списков и дополнять список фамилиями своих кандидатов. Примером такой системы в современном мире являются выборы членов Национального Совета Швейцарии: избиратель обладает числом голосов, равным числу избираемых от его кантона представителей, и может распорядиться им по своему усмотрению, выбрав весь список определённой партии, его часть, или нескольких представителей разных партий. Как ни парадоксально, в некоторых случаях выборы в Совет Кантонов, в большинстве кантонов проводимые по мажоритарной системе, приводят к более пропорциональному представительству этнических/языковых групп [8, p. 147–148]. Тем не менее пропорциональная система в Швейцарии со времени публикации работ Лейпхарта, включавших описание кейса Швейцарии, рассматривается как пример эффективности консociативной модели в целом и пропорциональной системы представительства в частности. Вероятно, это связано с историей введения данной избирательной системы в Швейцарии.

Единственным примером возникновения серьёзного конфликта между языковыми группами Швейцарии является ситуация, возникшая во время Первой Мировой войны, когда часть швейцарцев (в т. ч. значительная часть политической элиты) симпатизировала Германии, часть – Франции [11, p. 47]. Поддержка политической элитой принципов «большой коалиции» (так, в 1917 г. 3 из 7 членов правительства были представителями франкоязычной группы) помогла удержать конфликт в состоянии неустойчивого равновесия. Однако ситуация стабилизировалась лишь после введения в 1918 г. пропорциональной избирательной системы.

В данном случае рассмотренные ранее недостатки пропорциональной системы

компенсируются, на наш взгляд, с помощью двух факторов:

1. Система панаширования при избрании членов Национального Совета. Действительно, данная система позволяет голосовать не только и не столько за определённые партии, сколько за их представителей, а кумулятивный подсчёт голосов предоставляет преимущество претендентам, поддерживаемым несколькими языковыми группами, что поощряет партии к сотрудничеству и ориентированию на более широкую аудиторию.

2. Использование методов прямой демократии: распространение референдумов. Так, в случае если принятие определённого закона не поддерживается населением, по крайней мере, в 500 000 человек (если собрано соответствующее число подписей), вопрос о принятии данного закона решается на всенародном голосовании. Другими словами, именно гибкость политической системы в Швейцарии обеспечивает позитивное влияние её элементов (в т. ч. пропорциональной избирательной системы) на уровень напряжённости в данном государстве.

Заключение

Уместно замечание Горовица о том, что некоторые из целей установления избирательной системы несовместимы, поэтому выбор электоральной системы в любом случае связан с определением приоритетов, соответствующих «особенностям политической среды» [3, р. 116], как внутренней, так и внешней. Так, пропорциональная система с голосованием по спискам, не позволяющим одновременно голосовать за кандидатов из разных партий, обеспечивает представительство различных групп, в т. ч. меньшинств, что снижает напряжённость непосредственно в период выборов, когда большая часть избирателей уверены в том, что их интересы будут представлены. Однако

принятие решений сформированным органом может оказаться чрезвычайно длительным или и вовсе невозможным. Если будут избраны представители партий с противоречащими друг другу устремлениями, в дальнейшем процесс принятия решения сформированным органом будет сопряжён с трудностями в достижении консенсуса. Соответственно, данная модель будет эффективной в долгосрочной перспективе лишь при стремлении различных групп к выработке консенсусного решения.

Выбор данной избирательной системы должен учитывать дизайн других институциональных механизмов, необходимый, чтобы компенсировать указанные недостатки. Одним из этих механизмов («внутренним» по отношению к пропорциональной избирательной системе), на наш взгляд, является использование системы панаширования, позволяющее поддержать кандидатов, ориентирующихся на представителей нескольких групп, сохраняя при этом пропорциональное отданным голосам распределение мест в формируемом органе власти. Другой механизм можно охарактеризовать как введение альтернативных институтов, которые смогут выполнять функции основных в случае, если выработка консенсуса окажется затруднительной: могут использоваться, например, институты прямой демократии, делегирование полномочий временным органам и пр.

Дальнейшие исследования частных случаев использования данных систем, возможно, позволят выявить и другие институты, вместе с пропорциональной избирательной системой с голосованием по спискам и образующие эффективную институциональную систему, поддерживающую состояние урегулирования этнических конфликтов.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020

REFERENCES

1. Barzachka N. S. When Winning Seats Is Not Everything: Tactical Seat-Loss during Democratization. In: *Comparative Politics*, 2014, vol. 46, no. 2, pp. 209–229.
2. Curtice J. A Return to Normality? How the Electoral System Operated. In: *Parliamentary Affairs*, 2015, vol. 68, iss. 1, pp. 25–40.
3. Horowitz D. L. Electoral systems and their goals: a primer for decision-makers. In: *Journal of Democracy*, 2003, vol. 14, no. 4, pp. 115–127.
4. Lieber J. B. *Victory: How Pennsylvania Beat Gerrymandering and How Other States Can Do the Same*. New York, London: OR Books, 2018. 112 p.
5. Lijphart A. Constitutional design for divided societies. In: *Journal of Democracy*, 2004, vol. 15, no. 2, pp. 96–109.
6. Lijphart A. *Democracy in plural societies: a comparative exploration*. New Haven and London: Yale University Press, 1980. 248 p.
7. Simón P. The Challenges of the New Spanish Multipartism: Government Formation Failure and the 2016 General Election. In: *South European Society and Politics*, 2016, vol. 21, no. 4, pp. 493–517.
8. Stojanović N. Do Multicultural Democracies Really Require PR? Counterevidence from Switzerland. In: *Swiss Political Science Review*, 2006, no. 12, pp. 131–157.
9. Veny L., Warnez B. Techniques for Protecting Minority Languages under Belgian Federalism. In: *International Journal on Minority and Group Rights*, 2016, vol. 23, no. 2, pp. 211–236.
10. Whiting M. *Sinn Féin and the IRA: From Revolution to Moderation*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2018. 288 p.
11. Wimmer A. *Nation Building: Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2018. 376 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филяева Алина Игоревна – аспирант кафедры сравнительной политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: alinf95@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina I. Filyaeva – postgraduate student, Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University, Lecturer, Department of Humanitarian Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: alinf95@mail.ru

---

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филяева А. И. Пропорциональная избирательная система как один из институтов урегулирования этнических конфликтов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 177–183.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-177-183

FOR CITATION

Filyaeva A. I. Proportional electoral system as an institute for resolving ethnic conflicts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 177–183.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-177-183

УДК 327:32.019.51:791.43

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-184-194

КИНОФИЛЬМ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗА СТРАНЫ (НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА «НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ИТАЛЬЯНЦЕВ В РОССИИ»)

Костючков А. Н.

г. Витебск, Республика Беларусь

Аннотация

Цель. Определение методов и приёмов, которые могут быть использованы при создании художественных фильмов с целью формирования положительного международного социально-политического имиджа страны.

Процедура и методы. Автором проведено исследование визуального и звукового (текстовое и музыкальное) содержания фильма, а также места и время его съёмки. Ключевыми исследовательскими методами стали: исторический, контент-анализа, *case study*.

Результаты. Были выявлены приёмы, применяемые создателями фильма с целью улучшения образа СССР в сознании иностранных целевых аудиторий. Определены приёмы привлечения внимания иностранного зрителя к фильму и формирования позитивного отношения иностранного зрителя к фильму и стране. Также проведена классификация эпизодов фильма (6 видов), связанных с формированием имиджа СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены методы и приёмы, которые могут применяться в кино при формировании положительного международного социально-политического имиджа страны. Результаты исследования могут быть использованы при создании фильмов.

Ключевые слова: международный образ/имидж, «мягкая сила», кинематограф, образ врага, СССР – Италия, туризм

Благодарности. Автор выражает благодарность за консультацию о музыкальном оформлении фильма «Невероятные приключения итальянцев в России» Оруп Татьяне Васильевне, старшему преподавателю кафедры музыки Витебского государственного университета имени П.М. Машерова.

A MOTION PICTURE AS A TOOL FOR SHAPING THE INTERNATIONAL IMAGE OF A COUNTRY (A CASE STUDY OF THE FEATURE FILM “UNBELIEVABLE ADVENTURES OF ITALIANS IN RUSSIA”)

A. Kostiuchkov

Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract

Aim. To identify the methods and techniques that can be employed in feature filmmaking to form a positive international sociopolitical image of a country.

Methodology. Content analysis, historical and case study methods were utilized in the research to conduct a scientific investigation of the visual and audio (text and music) content of the film. Additionally, the locale and period of the film shooting were studied.

Results. The techniques used by the filmmakers to improve the image of the USSR in the minds of foreign target audiences were identified. The methods of drawing foreign audience members' attention to the film and the methods of shaping their positive attitude to the film and the country were established. Moreover, the film scenes related to the formation of the USSR image were classified into six types.

Research implications. The methods and techniques which can be used in the cinema industry to form a positive international sociopolitical image of a country were identified. The results of the research can be applied in the filmmaking process.

Keywords: international image, soft power, cinematography, enemy image, USSR – Italy, tourism

Acknowledgments. The author thanks Orup Tatyana Vasilievna, senior lecturer of the Faculty of Music of the Vitebsk State University named after P.M. Masherov, for the advice on the musical design of the film "Unbelievable Adventures of Italians in Russia".

Введение

Современные международные отношения – это комплекс различных видов взаимодействий: политических, экономических, культурных, военных, информационных и др. Все социальные субъекты в разной степени и в разных формах включены в глобальную систему массовых коммуникаций. Глобализация, информационный бум, новые средства коммуникации вынуждают социальные субъекты к поиску инновационных ресурсов и инструментов для успешной конкуренции как внутри страны, так и на международной арене. Сейчас в международных отношениях чётко прослеживается разделение ресурсов на 2 группы: *soft power* (мягкая сила) и *hard power* (жесткая сила). И одна, и другая технологии выступают в качестве инструментов власти субъекта, имеющего целью изменить поведение объекта власти в свою пользу.

Одним из проявлений «мягкой силы» выступает международный имидж. Практически все государства и страны либо разово, либо (что чаще) на постоянной основе занимаются проблемой своего имиджа. Международный имидж имеет особое значение для малых стран, которые обладают ограниченными ресурсами в сфере «жесткой силы». Не отказываются от применения «мягких» практик и крупные страны.

Весомую долю в международном имидже любой страны занимает поли-

тическая составляющая, которая важна для любой аудитории. Приоритетность политического имиджа обеспечивается, во-первых, первоочерёдным влиянием на принятие решений партнёрами и оппонентами во всех сферах, поскольку именно государство как ведущий институт политической системы общества определяет основные направления политики. Это значит, что только с политическим субъектом можно заключать политические соглашения, только в его экономику можно безопасно и выгодно инвестировать, только такую страну можно безопасно посещать туристам. Во-вторых, политическая составляющая международного образа является самой тиражируемой в СМИ и самой доступной для сознания массовых аудиторий. Каждый день в новостной ленте появляются сообщения, касающиеся действий того или иного субъекта политики.

Формирование внешнего имиджа возможно только при наличии каналов коммуникации. К информационным компонентам «мягкой силы» относятся радио, телевидение, печать, кинематограф [16, с. 65]. Одновременно кино выступает как элемент культурной дипломатии, которая основана на обмене идеями, ценностями и другими культурными феноменами [19, с. 22–23]. Кинематограф создаёт возможности для воздействия на массовые, в т. ч. иностранные, аудитории для формиро-

вания общественного мнения и международного имиджа. Следовательно, с помощью кино можно реализовывать политику «мягкой силы» и добиваться достижения политических целей. Как пишет о Китае Андреев И. А., «создаваемая на киноэкране многоцветная мозаика образов, сцен и сюжетов <...> безотчётно синтезируется в <...> собирательный образ великой страны и великого народа» [2, с. 102]. С помощью кино можно описывать истинную либо моделировать искажённую или вовсе мнимую реальность, поскольку в современном обществе множество людей проводят досуг перед теле- и киноэкранами и, значит, подвергаются влиянию кинопродукции.

С помощью кино субъект презентует себя аудиториям, формирует их представление о себе. Например, голливудские фильмы выстроили устойчивый образ США, образ и уровень жизни американцев, военную мощь страны и т. п. Благодаря преобладанию на рынке американского кинематографа на людей, которые никогда даже не слышали об американских идеалах, обрушивается *поток имиджа* этой страны [18, с. 54].

В советское время на пути этого западного «потока имиджа» стоял заслон в виде многоэтапной цензуры: киноотбор (в прокат допускались только те фильмы, в которых демонстрировались проблемы западного общества), изменение самого киноматериала (изъятие некоторых фрагментов, коррекция аудиосодержания при переводе). Однако в 1980-е гг. «поток имиджа» стал преодолевать барьеры с помощью видеомагнитофонов и видеокассет с фильмами, ввозимых с Запада контрабандно [1, с. 101–102].

Кинематограф нередко используется как инструмент привлечения внимания туристов. Например, известны попытки агентства «Интурист» в 1930-е гг. привлечь Союзкино к созданию рекламных фильмов о СССР [4, с. 27]. В начале XXI в. фильмы о Гарри Поттере дали основу для многих туристических событий: про-

ходят конвенты любителей и фестивали Гарри Поттера, агентства и частные гиды предлагают туры по Лондону Гарри Поттера¹. Как пишет британский специалист С. Анхолт, «определённые фильмы имеют тенденцию достигать вторичного эффекта рекламированием места, где происходила съёмка» [3, с. 216]. Вследствие этого возникло новое туристическое направление – кинематографический туризм.

Проблема кинематографа как компонента «мягкой силы» и его влияния на образ страны изучается в различных аспектах. В контексте советской истории нужно отметить работы Багадасяна В. Э. [5], Колесниковой А. Г. [8]. В контексте культуры влияние кинематографа на образ современной России рассматривали Буторов С. А. и Стрельцов В. В. [7], Тирахова В. А. [21]. Роль кинематографа в формировании имиджа США отмечена в работах политической тематики Рыбаковой М. Г. [17; 18], Филимонова Г. Ю. [23; 24]. Исследуются и примеры других стран – Китая [20], Индии [22], а также технологические аспекты формирования международного имиджа [9].

Исследование влияния кино на международный политический имидж включает в себя аспекты политики и искусства. Поэтому наша работа носит междисциплинарный характер. В научной литературе редко встречаются попытки анализа конкретных фильмов с позиции как применяемых методов и приёмов, так и результатов влияния на образ страны. Можно привести лишь единичные примеры [6; 13; 25]. Автор данной работы ранее рассматривал эту тему [10].

В рамках этой статьи предпринята попытка глубже и подробнее проанализировать художественный фильм «Невероятные приключения итальянцев в России» (далее – «Приключения...») в

¹ Лютова В. 15 реальных мест, в которых обязан побывать каждый фанат Гарри Поттера // FISHKI: [сайт]. URL: <https://fishki.net/2143977-15-realnyh-mest-v-kotoryh-objazan-pobyvaty-kazhdyj-fanat-garri-pottera.html> (дата обращения: 14.12.2020).

контексте формирования международного имиджа СССР.

В СССР все фильмы создавались государством и под его контролем. Столпами этого контроля были бюджетное финансирование, государственные производственные мощности, идеологическая цензура. Естественно, что и фильм «Невероятные приключения итальянцев в России» создавался по заказу и контролем государства. Изначально режиссеру фильма Э. Рязанову были заданы параметры, которые должны были влиять на восприятие страны за рубежом.

Во время работы над фильмом СССР готовился к значительным социально-политическим событиям – к подписанию Хельсинкских договорённостей 1975 г. и Летним Олимпийским играм в Москве. Комедия Э. Рязанова и Ф. Проспери вышла на экраны в СССР и в Италии в 1974 г. Можно сказать, что фильм выступил в качестве презентационного тура по двум столицам СССР. Однако он *volens-nolens* не только являл собою комедию на тему «СССР глазами иностранцев», но и преследовал вполне определённые цели политического характера, поскольку полем соперничества СССР и Запада в период холодной войны была не только военно-политическая сфера, но и сфера культуры.

Фильм нёс зрителю ряд месседжей (сообщений) социально-политического плана (высокий уровень развития СССР, справедливое устройство советского общества и др.). Как замечает Ю. Лотман, «создатели фильма что-то нам хотят сказать своим произведением. Их лента – это как бы письмо, послание зрителям» [11, с. 6].

Совместными усилиями советских и итальянских сценаристов под руководством продюсера Дино де Лаурентиса был написан сценарий приключенческой комедии с погонями и трюками в духе ленты Стэнли Крамера «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» и был ориентирован не только на советского зрителя, но и на западную аудиторию.

Инструменты привлечения внимания иностранного зрителя к фильму

В качестве инструментов *привлечения внимания* иностранного зрителя к фильму использовались:

- а) название фильма;
- б) иностранные участники;
- в) отсылка к некоторым западным фильмам.

Фильм «Приключения...» в итальянской версии имел название «Одна безумная, безумная, безумная гонка по России» («*Una matta, matta, matta corsa in Russia*»). В названии фильма указывается не СССР, а Россия, т. к. Западу такое наименование страны было привычнее (особенно в неполитическом контексте).

Большая заслуга в продвижении фильма принадлежит актерам. Из пяти главных действующих лиц, появляющихся на экране в течение всего фильма, четверо – итальянцы, отчасти знакомые западному зрителю. Это актриса и модель А. Сантилли, комик Н. Даволи, пародист и имитатор А. Носкезе, сицилиец Т. Чимароза. Пятым главным персонажем был советский актёр А. Миронов. Кроме этого, участие иностранцев в качестве режиссёра и других членов съёмочной группы, знакомых с запросами иностранной аудитории, позволило более чётко ориентировать фильм не только на советского зрителя.

«Приключения...» отсылают зрителя к некоторым известным на тот момент зарубежным гангстерско-приключенческим фильмам. Например, эпизод с посадкой пассажирского лайнера на шоссе – это параллель с фильмом «Сицилийский клан» (Франция, 1969), а взрыв бензоколонки – с «Забриски-пойнт» (США, 1970)¹. Сюжет в целом напоминает фильм «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир» (США, 1963) и ряд других похожих комедий о поисках сокровищ, да и

¹ Невероятные приключения итальянцев в России // Вокруг ТВ: [сайт.] URL: http://www.vokrug.tv/product/show/neveroyatnye_priklyucheniya_italyantsev_v_rossii (дата обращения: 30.01.2017).

итальянский вариант названия картины также отсылает нас к фильму С. Крамера.

Приёмы формирования позитивного отношения иностранного зрителя к фильму и стране

В данной картине использовалось 2 приёма *формирования позитивного отношения* иностранного зрителя к фильму и стране: эмоционально насыщенный жанр и технология product placement (PP).

Фильм снят в комедийно-приключенческом жанре с романтической линией в сюжете. Как пишет Р. М. Дзюба, «художественные кинофильмы с позитивным сюжетом имеют большее, назовём его побуждающим, влияние на зрителя» [25, с. 302]. В нашем случае «товаром» выступает целая страна.

«Приключения...» – лёгкий, динамичный фильм, который не «напрягает» сознание зрителя. Сюжет комедий лучше запоминается, зритель больше доверяет таким фильмам, т. к. они обычно не несут в себе политической и пропагандистской нагрузки. В сюжете присутствует и романтическая линия, которая понятна представителю любой нации без перевода. Неравнодушное отношение друг к другу молодого советского мужчины и красивой молодой итальянки прослеживается уже в момент их первой встречи в самолёте. Роман развивается на протяжении всего фильма и заканчивается жаркими объятиями на трапе самолёта.

В фильме активно используется технология Product placement – «органичное вплетение рекламы продукта (товара, услуги, торговой марки) в сюжетную линию художественного произведения» [14]. Именно это и выступает одной из интересных сторон в анализе фильма. В этом ключе мы посмотрим, что же ненавязчиво показано в фильме, какой позитив о Советском Союзе видит зарубежный зритель, какие моменты могут заинтересовать специалиста по формированию имиджа.

Основное место разворачивающихся событий – Ленинград, вторая столица СССР. Он больше, чем другие советские города, похож на столицу Италии Рим. Не случайно фильм начинается с видов Рима (0.00+)¹, чтобы зритель мог сравнить Рим и Ленинград, увидеть их сходство.

Все эпизоды фильма, адресованные иностранному зрителю, для знакомства со страной, её историей, красотой и могуществом СССР можно разделить на 6 видов: демонстрация культурных ценностей, научно-технических достижений, уникальности Ленинграда, показ исторических связей СССР/России и Италии и сходства русских с итальянцами, разрушение образа врага, продвижение советских товаров и услуг.

Демонстрация *культурных ценностей* идёт через различные сферы культуры и искусства. Здесь упор сделан на досоветский период.

В качестве *архитектурных* особенностей зрителю представлены прекрасные виды Москвы (0.24+) и Ленинграда (0.46+), в т. ч. с Невы (1.26+). Широкие проспекты, исторические здания и многое другое притягивают внимание.

Не оставлена без внимания русская *литература*. Упомянуты Н. В. Гоголь (1.00+) и Л. Н. Толстой и его экранизированное произведение «Война и мир» (1.01+), хорошо известное на Западе и как литературное произведение, и как художественный фильм, премированный «Оскаром» в 1969 г., за 5 лет до выхода «Приключений...».

В картине звучит русская народная *музыка* – «Дубинушка» (0.58+) и «Во поле берёза стояла...» (1.21+). Музыкальное искусство представлено также и русской оперой, т. е. тем музыкальным жанром, который родился, понятен и ценим в Италии. На афишной тумбе – афиши опер «Борис Годунов» М. П. Мусоргского (песня Варлаама из этой оперы звучит за

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны час и минута фильма, с которой начинается демонстрация эпизода.

кадром), «Руслан и Людмила» М. И. Глинки, «Князь Игорь» А. П. Бородин (0.51+). Также упоминается известный на Западе оперный певец Ф. Шаляпин (0.52+), а заключительную песню на итальянском языке исполняет известный на Западе советский оперный певец М. Магомаев.

В фильме не забыт и русский *исторический костюм* (эвакуация актёров из театра (0.51+)), и любимая на Западе матрёшка (1.19+). Присутствие льва демонстрирует успехи советского *цирка* (1.08+). Напоминанием о великом *кинематографическом* наследии СССР и приветом С. Эйзенштейну и его фильму «Броненосец Потёмкин» (СССР, 1925), который неоднократно признавался в числе лучших фильмов мирового кинематографа, является сцена с детской коляской (0.57+).

В фильме демонстрируются *научно-технические* успехи Советского Союза в медицине и технике, а также инфраструктура. Здесь упор сделан (и это естественно) на более современный, советский период.

Намёк на достижения советской *медицины* звучит уже в начале фильма. Хромой персонаж Е. Евстигнеева заявляет, словно между прочим: «Я слышал, что в России отличные ортопеды» (это одна из сложных и высокооплачиваемых врачебных специальностей) (0.12+). Демонстрируя на протяжении всего фильма свою загипсованную ногу (а потом и обе), в последней сцене он появляется уже здоровым («Что за чудеса?!»), лёгкой походкой прогуливаясь перед зрителями (1.32+). Слова героя А. Миронова о том, что «хромого будем *лечить бесплатно*» (1.32+) сбываются.

Особое внимание уделено в картине советской *технике* и её возможностям: надёжность самолёта после разгерметизации (0.14+), прыгающие с трамплина через забор «Жигули» (0.29+), автомобиль «Москвич» – «не машина, а подводная лодка» (0.37+), маневренность грузового автомобиля ЗИЛ-130 (0.34+), 5-ти минутная гонка «Жигулей» и «Москвича»

(0.34+). Указанием на высокий уровень подготовки советских пилотов служат восклицания «Браво русскому пилоту!» после аварийной посадки (0.18+). Фильм завершается взлётом самолета, застывающего на фоне финальных титров. Изначально в картине планировалось показать сверхзвуковой самолет Ту-144, тоже символ советской технологической мысли, опередивший на несколько месяцев по времени появления европейского конкурента «Конкорд». Но в момент съёмки 3 июня 1973 г. Ту-144 разбился на международном авиасалоне в Ле-Бурже. Поэтому произошла замена самолёта на Ил-62.

Важным моментом, говорящим о достижениях СССР, является упоминание об освоении холодных широт советскими людьми. При посещении квартиры матери Андрея указывается, что папа Андрея – полярник и находится в данный момент в Антарктике (1.04+).

В фильме показана и *инфраструктура*. Например, сцена с аварийной посадкой авиалайнера демонстрирует прекрасные автострады, на которые может приземлиться огромный пассажирский лайнер (0.16+), а также безопасность пешеходов и порядок на дорогах, где даже самолёты подчиняются (пусть эпизод и является заведомо комичным) сигналам регулировщика (0.19+). А если и произойдёт что-либо неординарное, то наготове уже автомобили скорой помощи и пожарной охраны (0.19+), что также подтверждает безопасность путешествия по Советскому Союзу. Кроме того, дороги моют даже за городом (0.38+), а по пути всегда найдётся АЗС (0.40+). И жить туристам придётся не в тущобах, а в современных отелях типа «Метрополь», «Россия» (0.26+), «Астория» (1.13+), а по соседству будет огромный магазин – ГУМ (0.27+).

Также зрителя должны впечатлить и увлечь уникальные разводные мосты (0.56+) и природный феномен – белые ночи Ленинграда (1.07+).

Исторические *связи* России и Италии показаны через Государственную акаде-

мическую капеллу, в которой «пели Шаляпин и Каррузо» (0.52+), улицу Зодчего России, названную в честь российского архитектора итальянского происхождения (1.23+), автомобиль «Жигули», который был создан на основе итальянского Fiat 124 на советском заводе-гиганте, построенном итальянцами в 1970 г. (за 4 года до премьеры фильма). И основное место событий – Ленинград, который так похож на Рим.

Русские в фильме не идеализируются – у них тоже есть недостатки. И в этом итальянцы могут видеть своё *сходство* с русскими. Например, в сцене попытки взять в прокат автомобиль (0.29+), где порядка не больше, чем в римской больнице (0.04+) или на римских улицах (0.01+). А в момент похищения автомобиля итальянец говорит милиционеру: «Какой ты русский! Ты – неаполитанец!» (0.34+).

Также важной задачей фильма стало разрушение враждебного образа советского человека, сложившегося в сознании западного общества во время холодной войны. Главным элементом формирования образа врага выступает дегуманизация (расчеловечивание). «Под дегуманизацией понимается комплекс идей и действий, позволяющих представить политических оппонентов как акторов, лишённых человеческих начал, и, следовательно, оправдывать практически любые действия в отношении них» [12, с. 122]. Поэтому авторы картины попытались очеловечить советского гражданина, представить советского человека именно как Человека.

Русские, как и европейцы, тоже люди, и им не чужды обычные человеческие чувства, т. е. как говорили предки итальянцев – древние римляне, – «*Нотум сум, humani nihil a me alienum puto*» (лат. «я человек, ничто человеческое мне не чуждо»). Русские умеют веселиться, влюбляться, радоваться жизни. Как пишет О. Рудченко, «для западной аудитории ситуация не симметричная. Вместо того чтобы пить водку из самовара и танце-

вать в обнимку с медведями, русские, в лице неотразимого капитана милиции Андрея Васильева (Миронов), предстают мудрыми и благородными»¹. Советские люди и сами иностранные гости ведут себя весело и непринуждённо. Ни в одном из эпизодов «не пахнет» ни ГУЛАГом, ни КГБ, которыми западная пропаганда страшила своих граждан.

Интересным моментом с точки зрения демонстрации *ценностей* выступает показ *быта* советских граждан». Итальянцы, будучи в квартире матери Андрея, видят там, кроме мебели, телевизора и прочих вещей, также лыжи, велосипед, шахматы, пианино, газету, картины. Это указание не только на национальные достижения в сфере музыки, живописи, спорта, в частности шахмат, но и на уровень интеллектуального, культурного, физического развития советских граждан (1.02+), что опять же говорит о попытке разрушить дегуманизированный образ советского человека как врага. К этому ряду отнесём и то, что советский милиционер является членом общества защиты животных (1.15+).

Также создатели картины не обошли вниманием принципы социальной справедливости в устройстве советского общества: горе-искателям ценностей причисляется 25% от стоимости найденного клада (1.31+), «усилия» мафиозо по сносу старого здания не пропали даром и оценены авиабилетом до Рима (1.32+), «хромой» вылечен бесплатно (1.32+).

Советские товары и услуги продвигаются по технологии *product placement*. В 1970-е гг. в СССР было понимание того, что внешнеторговая реклама «...содействует формированию за рубежом положительного образа Советского Союза, повышению его авторитета на мировой арене» [15, с. 12]. Неудивительно, что в фильме размещены товары и услуги

¹ Рудченко О. Невероятные приключения итальянцев в ГУМе // Русский пионер: [сайт] 2015. 23 августа. URL: <http://ruspioneer.ru/honest/m/single/4750> (дата обращения: 18.05.2018).

бренда «Сделано в СССР»: авиакомпания «Аэрофлот» (0.14+), советские самолёты ТУ-134 (0.19+; 0.33+) и Ил-62М (1.36+) с логотипом на борту, упомянутая уже выше продукция автопрома – «Жигули» (0.29+), «Москвич-412» (который во второй половине 1960-х – первой половине 1970-х гг. широко экспортировался за рубеж и участвовал в международных автогонках) (0.34+), ЗИЛ-130 (0.34+, 1.23+). Грузовик попал в фильм не случайно. Это один из самых массовых советских грузовиков (в 1973 г. этому автомобилю был присвоен Государственный знак качества СССР) и самый экспортируемый грузовик СССР, который продавался, в т. ч., в Италию и Западную Германию¹.

Основными посланиями фильма иностранному зрителю можно назвать:

1. Социально-политическое: СССР – стабильное и безопасное государство, где господствуют справедливые законы.

2. Экономическое и научно-техническое: СССР – страна с высоким уровнем развития экономики, науки, техники.

3. Социокультурное: а) советский человек – тоже Человек, как и человек западный, и общение между ними вполне возможно вне политики; б) СССР – НЕ-окраина (не случайно герой А. Мирнова сообщает иностранным туристам по их прибытии, что «московский аэропорт Шереметьево принимает ежедневно самолёты из 63 стран мира!»²) (0.21+)); в) СССР – это Европа в плане культуры, а сами русские – гостеприимны, приветливы и ненамного отличаются от европейцев, в частности итальянцев. в) СССР – страна, где органично сочетаются современность и история (виды старинного города Ростова Великого (0.45+), Московский Кремль и Красная площадь, широкие московские проспекты и огромный магазин (ГУМ), ленинградские (петер-

буржские) дворцы и соборы, разводные мосты и красивые набережные, сфинксы и львы, на фоне которых происходит действие фильма).

Интегрированный месседж фильма заключается в том, что СССР/Россия – страна, которую нужно не бояться, а открывать для себя; советские («русские» в западном понимании) люди – вовсе не те, кем можно пугать мир, а те, с кем можно, нужно и интересно общаться и дружить. Это послание находится вне политики, и хотя в фильме немало говорится о достижениях советской страны (и, следовательно, советского/социалистического строя), но никакие политические и идеологические клише в фильме не присутствуют. В пику таким жупелам, как «социализм» и «красная угроза» выдвигаются высокий уровень культуры в стране и позитивный настрой советских граждан. Не произнося слово «политика», фильм повествует о результатах политики как вида человеческой деятельности. Можно сказать, что фильм рассказывает «о результатах политики без упоминания политики», т. е. социально-культурный и научно-технический капиталы, представленные в фильме, конвертируются в капитал политический и экономический.

Заключение

Итак, на примере фильма «Приключения...» рассмотрено, как в кинематографе с помощью определённых инструментов создаётся положительный международный имидж страны – привлекается внимание зарубежного зрителя к фильму, формируется позитивное отношение иностранной аудитории к фильму и стране: показаны достижения СССР/России как до 1917 г., так и в советский период, продемонстрирован высокий уровень развития страны в различных сферах жизни общества. Также создателям фильма удалось эмоционально окрасить образ СССР и «очеловечить» советских граждан в глазах иностранцев. Как всегда в искусстве, так и в сюжете

¹ Советские большегрузы за рубежом: куда и сколько? // АТИ: [сайт]. URL: <https://news.ati.su/article/2019/12/13/sovetskie-bolshegruzy-za-rubezhom-kuda-i-skolko-140050> (дата обращения: 27.06.2020).

² В ООН на 1973 г. состояло 135 государств.

данного фильма присутствуют «вечные» темы – любовь, деньги, эмоции.

И малым, и большим странам, желающим иметь положительный имидж в сознании иностранных партнёров, в т. ч. и России, следует активно использовать сферу кинематографа путём создания фильмов совместно с зарубежными партнёрами и продвижения их на иностранные кинорынки. Возможна разработка программы формирования имиджа с помощью средств кинематографии

и реализация её на основе описанных приёмов.

В истории России существует немало сюжетов о её связях с другими странами. Эти сюжеты можно и нужно воплощать в киноленты и продвигать их за рубежом, повышая собственную узнаваемость, улучшая и эмоционально окрашивая свой внешний имидж, разрушая вновь складывающийся на Западе образ врага.

Статья поступила в редакцию 03.08.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В. Российский патриотизм: история и современность. М.: МГОУ, 2016. 184 с.
2. Андреев И. А. Китайское кино: контуры «мягкой силы» // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 1 (72). С. 101–109.
3. Анхолт С. Брендинг: дорога к мировому рынку. М.: Кудиц-Образ, 2004. 272 с.
4. Багдасарян В. Э., Орлов И. Б., Мазин К. А., Федюлин А. А., Шнайден Й. И. Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы: учеб. пособие. М.: Форум, 2007. 256 с.
5. Багдасарян В. Э. Эпоха Сталина: экранные нормативы // Отечественная история. 2006. № 6. С. 31–46.
6. Беляев А. М., Передня Д. Г. Образ восточных славян в современном кинематографе // Информационные войны. 2014. № 3 (31). С. 55–61.
7. Буторов С. А., Стрельцов В. В. Роль искусства и культуры в формировании международного имиджа России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 2 (64). С. 18–26.
8. Колесникова А. Г. Формирование и эволюция образа врага периода «холодной войны» в советском кинематографе (середина 1950-х – середина 1980-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 25 с.
9. Костючков А. Н. Возможности кинематографа в формировании международного имиджа страны // Вестник Брестского университета. Серия 1: Философия. Политология. Социология. 2019. № 2. С. 126–133.
10. Костючков А. Н. «Невероятные приключения итальянцев в России» (СССР, 1974) как инструмент формирования внешнего имиджа СССР // Наука – образованию, производству, экономике. Т. 1. Витебск, 2018. С. 311–313.
11. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээстираамат, 1973. 139 с.
12. Морозова Е. В. Дегуманизация как технология формирования образа другого/чужого в политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 121–128.
13. Нгуен Т. Х. Ч. Имидж Вьетнама в американском кино (на материале трех известных фильмов) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 2. С. 139–141.
14. Оришев А. Б. Экономика и рекламные технологии: продакт-плейсмент // Бизнес и дизайн ревю. 2017. № 1 (5). С. 5.
15. Реклама за рубежом / под общ. ред. Б. Г. Карпова. М.: Прогресс, 1977. 371 с.
16. Русакова О., Грибовод Е. Информационно-коммуникативные компоненты «мягкой силы» // Международные процессы. 2019. Т. 17. № 1 (56). С. 62–72.
17. Рыбакова М. Г. Массовая культура и ее влияние на политический имидж государства: На примере США: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2006. 183 с.
18. Рыбакова М. Г. Предпосылки формирования политического имиджа страны в условиях воздействия массовой культуры (на примере США) // Научное мнение. 2012. № 8. С. 51–58.
19. Табаринцева-Романова К. М. Эволюционные изменения концептов: «мягкая сила», культурная политика и внешнеполитический имидж // Дневник АШПИ. 2017. № 33. С. 21–25.

20. Тетерюк А. С. Кинематограф как инструмент «мягкой силы». Китайский казус // Геополитический журнал. 2014. № 5. С. 84–95.
21. Тирахова В. А. Репрезентация образа России в отечественном и зарубежном кинематографе // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 3. С. 327–333.
22. Тонян А. А. Роль кинематографа в публичной дипломатии Индии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Хетагурова. 2018. № 4. С. 28–34.
23. Филимонов Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. М.: РУДН, 2012. 408 с.
24. Филимонов Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США: дис. ... док. полит. наук. М., 2013. 422 с.
25. Дзюба Р. М. Аналіз сприйняття іміджу країни крізь призму кінофільмів // Гілея: научный вестник. 2015. № 92. С. 301–304.

REFERENCES

1. Abramov A. V. *Rossiiskii patriotizm: istoriya i sovremennost* [Russian patriotism: history and modernity]. Moscow, MRSU Publ., 2016. 184 p.
2. Andreev I. A. [Chinese cinema: the contours of «soft power»]. In: *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kultura* [Search: Policy. Social science. Art. Sociology. Culture.], 2019, no. 1 (72), pp. 101–109.
3. Ankholt S. *Brending: doroga k mirovomu rynku* [Branding: the road to the global market]. Moscow, Kudits-Obraz Publ., 2004. 272 p.
4. Bagdasaryan V. E., Orlov I. B., Mazin K. A., Fedulin A. A., Shnaidgen I. I. *Sovetskoe zazerkale. Inostrannyye turizm v SSSR v 1930–1980-e gody* [Soviet through the looking glass. Foreign tourism in the USSR in the 1930–1980s]. Moscow, Forum Publ., 2007. 256 p.
5. Bagdasaryan V. E. [The era of Stalin: screen standards]. In: *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2006, no. 6, pp. 31–46.
6. Belyaev A. M., Perednya D. G. [The image of the Eastern Slavs in modern cinema]. In: *Informatsionnye voiny* [Information wars], 2014, no. 3 (31), pp. 55–61.
7. Butorov S. A., Streltsov V. V. [The role of art and culture in shaping the international image of Russia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts], 2015, no. 2 (64), pp. 18–26.
8. Kolesnikova A. G. Formirovaniye i evolyutsiya obraza vruga perioda «kholodnoy voyny» v sovetskom kinematografe (seredina 1950-kh – seredina 1980-kh gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Formation and evolution of the image of the enemy of the Cold War period in Soviet cinema (mid-1950s – mid-1980s): abstract of PhD thesis in History sciences]. Moscow, 2009. 25 p.
9. Kostyuchkov A. N. [Opportunities of cinema in the formation of the international image of the country]. In: *Vestnik Brestskogo universiteta. Seriya 1: Filosofiya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of Brest University. Series 1: Philosophy. Political science. Sociology.], 2019, no. 2, pp. 126–133.
10. Kostyuchkov A. N. [«The Incredible Adventures of Italians in Russia» (USSR, 1974) as a tool for shaping the external image of the USSR]. In: *Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike. T. 1* [Science – Education, Production, Economics. Vol. 1]. Vitebsk, 2018. P. 311–313
11. Lotman Yu. M. *Semiotika kino i problemy kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems kinaesthetic]. Tallinn, Eestiraamat Publ., 1973. 139 p.
12. Morozova E. V. [Dehumanization as a technology of forming the image of another/alien in politics]. In: *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2015, vol. 10, no. 6, pp. 121–128.
13. Nguen T. Kh. Ch. [Image of Vietnam in American Cinema (Based on Three Famous Films)]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2017, no. 2, pp. 139–141.
14. Orishev A. B. [Economics and advertising technologies: product placement]. In: *Biznes i dizain revyu* [Business and revue design], 2017, no. 1 (5), pp. 5.
15. Karpov B. G., ed. *Reklama za rubezhom* [Advertising abroad]. Moscow, Progress Publ., 1977. 371 p.
16. Rusakova O., Gribovod E. [Information and communication components of «soft power»]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International processes], 2019, vol. 17, no. 1 (56), pp. 62–72.

17. Rybakova M. G. *Massovaya kul'tura i ee vliyanie na politicheskii imidzh gosudarstva: Na primere SSHA: dis. ... kand. polit. nauk* [Mass culture and its influence on the political image of the state: On the example of the United States: PhD thesis in Policy sciences]. S.Petersburg, 2006. 183 p.
18. Rybakova M. G. [Prerequisites for the formation of the country]. In: *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 2012, no. 8, pp. 51–58.
19. Tabarintseva-Romanova K. M. [Evolutionary changes in concepts: «soft power», cultural policy and foreign policy image]. In: *Dnevnik ASHPI* [ASHPI Diary], 2017, no. 33, pp. 21–25.
20. Teteryuk A. S. [Cinematography as an instrument of «soft power». Chinese incident]. In: *Geopoliticheskii zhurnal* [Geopolitical Journal], 2014, no. 5, pp. 84–95.
21. Tirakhova V. A. [Representation of the image of Russia in domestic and foreign cinema]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2018, no. 3, pp. 327–333.
22. Tonyan A. A. [The Role of Cinematography in Indian Public Diplomacy]. In: *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. Khetagurova* [Bulletin of North Ossetian State University named after K. Khetagurov], 2018, no. 4, pp. 28–34.
23. Filimonov G. Yu. *Kulturno-informatsionnye mekhanizmy vneshnei politiki SSHA. Istoki i novaya realnost* [Cultural and informational mechanisms of US foreign policy. Origins and new reality]. Moscow, RUDN Publ., 2012. 408 p.
24. Filimonov G. Yu. *Rol «myagkoi sily» vo vneshnei politike SSHA: dis. ... dok. polit. nauk* [The role of «soft power» in US foreign policy: D. thesis in Policy]. Moscow, 2013. 422 p.
25. Dzyuba R. M. [Analysis of the image of the country through the prism of cinema]. In: *Gileya: nauchnyi vestnik* [Gileya: Scientific Bulletin], 2015, no. 92, pp. 301–304.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Костючков Алексей Николаевич – независимый исследователь;
e-mail: a.n.kostyuchkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey N. Kostyuchkov – independent researcher;
e-mail: a.n.kostyuchkov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Костючков А. Н. Кинофильм как инструмент формирования международного образа страны (на примере художественного фильма «Невероятные приключения итальянцев в России») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 184–194.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-184-194

FOR CITATION

Kostyuchkov A. N. A motion picture as a tool for shaping the international image of a country (a case study of the feature film “Unbelievable adventures of Italians in Russia”). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 3, pp. 184–194.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-184-194

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-195-202

ГЛАВА 11

МЕСТО РАСПОЛОЖЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА В ОРГАНИЗМЕ ГОСУДАРСТВА¹

Уиллоуби В.

Аннотация

Читателю предлагается перевод главы книги «Природа государства» Вестеля Вудбери Уиллоуби (1867–1945) – доктора философии, выпускника Университета Джона Хопкинса, создателя факультета политологии (в том же университете), на котором он был единственным профессором, и который считается одним из основателей американской политической науки.

В представленной главе Вестель рассуждает о проблеме суверенитета, определяющего политическую власть. Американский политолог делает принципиально важное замечание о том, что общественное мнение не является гражданской властью в строгом смысле.

Заслуживает интереса и глубокое замечание учёного: пока народ не станет политически организованным, у него не будет суверенитета. Суверенитет же исходит от государства и принадлежит политическому сообществу.

Ключевые слова: суверенитет, государство, политическая власть, народный суверенитет, политическая наука, общественное мнение, политические институты

CHAPTER XI

LOCATION OF SOVEREIGNTY IN THE BODY POLITIC²

W. Willoughby

Abstract

The reader is offered a translation of a chapter in the book “The Nature of the State” by Westel Woodbury Willoughby (1867–1945) – Doctor of Philosophy, a graduate of Johns Hopkins University, the founder of the Department of Political Science (at the same university). W. Willoughby is considered as a founder of American political science. In the chapter presented, Willoughby discusses the problem of sovereignty, which determines political power. The American political scientist makes a crucial comment that, strictly speaking, public opinion is not a civil power. Another remark also deserves interest: until a people become politically organized, there is no sovereignty. Sovereignty comes from the State and belongs to a political community.

¹ Перевод осуществлён Я. Ю. Моисеенко по изданию: Westel W. W. The Nature of the State. N.Y.: Macmillan Company, 1896. 448 p.

² The translation was performed by Y. Yu. Moiseenko according to the publication: Westel W. Willoughby. The Nature of the State. N.Y.: Macmillan Company, 1896. 448 p.

Keywords: sovereignty, state, political power, popular sovereignty, political science, public opinion, political institutions

Историческая ретроспектива

В политической жизни с самых ранних времён ставился вопрос о том, до какой степени людей следует наделять правом избирать собственных правителей и определять способ управления общественными делами. По большому счёту (и как мы убедимся в дальнейшем – ошибочно), решение этой проблемы виделось в определении места суверенитета в организме государства.

Следует заметить, что первое признание за гражданами права на защиту от произвольного вмешательства со стороны государства можно обнаружить в римском праве. Хотя верно и то, что римляне придерживались принципа «что угодно повелителю, то имеет силу закона» (*лат. quidquid principi placuit legis habet vigorem*), следует помнить, что они также были убеждены: источник политической власти – народ, а власть правителей проистекает из его доброй воли. Однако согласие народа передать власть правителю было сочтено как *добровольный отказ* от неё, а не делегирование полномочий, которые могут быть к тому же отозваны.

В нашем очерке, посвящённом истории общественного договора, мы проследили направление, выбранное политической теорией в связи с продолжительным спором между Империей и Папством. Ожидание от этого диспута были таковы, что в рамках него будет целиком обсуждена доктрина народного суверенитета, поскольку это есть основная прерогатива государства – происхождение суверенитета божественное или человеческое.

На деле же, несмотря на то, что доктрина и была чётко сформулирована, а к концу XIII в. ещё и принята всеми сторонами в равной степени как действительная – в течение многих лет она получила лишь незначительное развитие. Произошло это вот по какой причине. Диспут разворачивался лишь между церковью и

светскими правителями – пределы вменения самой политической власти ещё не подвергались сомнению. В то же время ещё не пришло время оспаривать эту точку зрения с позиции народа. Абсолютизм, будь он церковным или светским, не подвергался серьёзным нападкам.

Тем не менее постепенно возникали новые условия, при которых сохранение прежнего положения вещей становилось невозможным. Вместе с увеличением влияния королевской власти и закатом высшего феодального дворянства, расширялось представительство местных депутатов в парламенте, а также наблюдался рост торговых городов со свободной формой управления муниципалитетом. Предоставление больших свобод таким городам было в интересах королевской власти, т. к. они были противовесом феодальной аристократии, и «бюргеры» тем самым обрели вес в политической системе государства. Завершение крестовых походов ознаменовалось возрождением классического образования, просвещением, развитием искусств и отраслей, торговли, а также в целом приобретением знаний обо всех известных частях мира. Интеллектуальные горизонты Европы расширились.

Изобретение печати с помощью подвижных металлических блоков способствовало распространению знаний в небывалых пределах, о чём ранее можно было лишь мечтать. Возникли школы и университеты, главными учебными дисциплинами которых стали теология и право. Падение Византии привнесло в Западную Европу поток иностранцев, владевших искусствами и наукой. Великие знания арабов и евреев сыграли немалую роль в просвещении Европы. Наконец, в XVI в. пришла протестантская реформация, которая повлекла за собой свободу совести, стало приветствоваться индивидуальное мышление, произо-

шло освобождение от уз церковного деспотизма и традиций прошлого, а также пришло время свободы в размышлениях и исследованиях.

Политическая наука испытала непосредственное влияние этого развития. Отман,¹ Ланге,² Бьюкинен,³ Альтузий⁴ и другие представители школы «монархомахов»⁵ отказались рассматривать королевскую власть как власть неограниченную и безграничную и открыто провозгласили современную доктрину народного суверенитета⁶. «Кто осмелится утверждать», – писал Альтузий, – «что народ может передать кому-то свой суверенитет? Суверенитет – это неделимая, не подлежащая передаче и не подчиняющаяся никому власть. Боден заблуждался, когда приписывал суверенитет королям или дворянам; это право принадлежит всему обществу».

Таким образом, развитие идеи народного суверенитета было тесно связано с одной из версий теории договора. Последующее развитие этой связи мы уже обрисовали в общих чертах в трактовке данного политического измышления. Начиная с Французской революции, вся последующая история Европы в значительной степени отражает попытки претворить теорию общественного договора в жизнь.

¹ Franco-Gallia, sive tractatus de regimine regnum Galliae.

² Vindiciae contra tyrannos.

³ De jure regni apud Scotos.

⁴ Politico, methodice digesta.

⁵ Что касается «монархомахов», смотрите Gierke, Johannes Althusius u. die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien; и Rudolph Treumann, Die Monarchomachen.

⁶ Дополнительное значение придавалось теории народного суверенитета в связи со спорами между Папой и Собором относительно того, представлял ли Собор всё духовенство и в этом качестве превосходил Папу, или же он действовал как независимый орган и имел меньший авторитет, чем он. Марсилиус и Оккам, обращаясь к данной теории народного суверенитета, намекали, что даже миряне должным образом участвовали в этом народном церковном суверенитете.

Место расположения суверенитета

Вопрос о месте расположения суверенной власти в государственном организме, как уже было сказано ранее, не равен вопросу о том, является ли суверенитет неотъемлемым элементом той или иной политической инстанции. Признавая, что государство обладает суверенитетом, мы должны теперь обнаружить человека или лиц, в чьих руках в конечном итоге находится его вменение. На первый взгляд может показаться, что решение данного вопроса – в области анализа государственной структуры и, соответственно, относится к особой сфере конституционного права, но не политической философии. Но это не так. На самом деле вопрос, стоящий перед нами, гораздо глубже, чем может показаться. И для ответа на него требуется исследование, отличное от тех, какими мы до этого обременяли себя. Оно должно простираться за пределы простого конституционного анализа и требовать более пристального рассмотрения важнейших отношений между народом и государством, в которое первый политически объединён.

Следует помнить, что под суверенитетом понимается высшая воля государства, и что лицо или группа лиц, в чьих руках находится власть и кто вменяет свою волю **законным образом** в качестве последней инстанции, является суверенным. Получается, единственный вопрос, который необходимо решить – возможно ли передать эту власть в руки определённого лица или группы лиц, составляющих часть государственного организма; или обладание такой властью правомочно только для всего народа. По сути, это единственный вопрос, который нам необходимо обсудить в этой главе, и это очевидно из следующих рассуждений.

Если суверенная власть находится в руках определённого человека или группы отдельных лиц, но не всего народа, оставшаяся часть исследования потребует от нас лишь анализа устройства каждого отдель-

ного государства – в целях обнаружить такого человека или группу. Очевидно, что исследование такого плана не является предметом внимания данного трактата. С другой стороны, если будет установлено, что поиск места расположения суверенной власти в конечном итоге и неизбежно ведёт ко всему народу, тогда уже форма правления становится несущественной, значит, требуется дальнейший анализ.

Убеждённость, что в любом политическом сообществе сувереном является определённый человек или группа лиц, является одним из основных постулатов аналитической школы юриспруденции. Повторим известное определение суверенитета, данное Остином: «Если большая часть общества на постоянной основе повинуется определённому высокопоставленному лицу, такое лицо является сувереном, а такое общество, в свою очередь, можно именовать политическим и независимым».

В соответствии с этим определением, Остин продолжает утверждать, что такой конкретный суверен может быть обнаружен в каждом политическом и независимом обществе, и его наличие является обязательным условием существования государства как такового. Более того, как мы уже поняли, Остин определяет любой закон как выражение – прямое или косвенное – воли этого суверена; и как логический результат всего этого выводит свободу суверена за рамки юридических ограничений. «Суверенитет или верховная власть», – говорит он, – «не может быть ограничена законом, независимо от того, принадлежит ли он отдельному лицу или нескольким лицам».

В предыдущей главе мы продемонстрировали юридически абсолютный характер государства. Здесь мы более подробно рассмотрим, каким образом его полная юрисдикция может быть ограничена на практике. Аргументация таких авторов как Кларк,¹ Лайтвуд,²

Блисс,³ Джеймесон,⁴ Лоувелл⁵ и других направлена на опровержение позиции Остина. Они показывают, что на самом деле такого монарха, который обладал бы реальной властью и полностью контролировал все отрасли права, просто не существовало – каким бы тираном он ни был. В качестве доказательства приводится тот факт, что в самых крайних случаях проявления абсолютизма, практика изменений или вовсе отмены существующих законов монархом едва ли распространялась за пределы публичного права. Как говорит профессор Блисс: «Правитель может преуспеть в революционном преобразовании публичного права, хотя успех на этом поприще едва ли возможен без привлечения к сотрудничеству широкого спектра вовлечённых лиц; тем не менее трудно представить, чтобы корпус частного права подвергся бы изменениям подобного плана. Нет ни одного примера в истории, чтобы это произошло. Преобразования в правовой сфере случались, но касались они по большому счёту формулировок, радикальные же изменения, не подвергнутые при этом публичному обсуждению, вызовут волнения. Сметать же целую систему и заменять её другой, которая в своей новизне чужда привычкам общества, противоречит его предрассудкам и страстям, ставит под угрозу его права – это так же невозможно, как изменить порядок смены сезонов».⁶

Факт таков, и это должно быть очевидно для всех, что у любого народа есть пределы, в которых простирается его терпение, каким бы выносливым, тёмным и покорным он бы не был. И когда его угнетают сверх этого предела, он рано или поздно встанет на тропу открытого сопротивления; и если это угнетение зайдет так далеко, что вызовет мятеж всего народа или значительной его части – правящие силы будут свергнуты. Этот факт

³ *Of Sovereignty*.

⁴ *Political Science Quarterly*, Vol. V. No. 2.

⁵ *Essays on Government*.

⁶ *Of Sovereignty*, p. 48.

¹ *Practical Jurisprudence: A Comment on Austin*.

² *The Nature of Positive Law*.

признаёт каждый правитель. Как хорошо сказал Хьюм, «поскольку сила всегда на стороне управляемых масс, власть имущим не на что опереться, кроме как на общественное мнение. Государство только на одном этом мнении и зиждется, и этот принцип справедлив как для самых деспотичных, милитаристских правительств, так и для самых свободных и демократичных»¹.

По правде говоря, сам Остин прямо и неоднократно заявлял, что законный суверен осуществляет власть, находясь под контролем общественных запросов. В своём определении суверена он говорит: «Если определённое высокопоставленное лицо, не подвластное более никаким другим инстанциям, **на постоянной основе** получает повиновение...» и т. д.; словосочетание «на постоянной основе» (англ.: *habitual*), таким образом указывает на возможность противостояния воле суверена, что повиновение может быть эпизодическим. И снова он говорит: «Если абсолютная или полная независимость является сутью суверенной власти, на самом деле нет той человеческой силы, к которой она будет применяться. Каждое правительство, пусть даже могущественное, время от времени подчиняется приказам других правительств. И каждое правительство обычно полагается на мнение и чувства своих подданных»². А также: «В неопределённой, пусть и ограниченной степени, монарх превосходит тех лиц, которыми он управляет, и власти монарха обычно достаточно, чтобы обеспечить выполнение его воли. Но управляемые, в простой сумме или в массе, также являются своего рода высшей инстанцией для монарха, т. к. они сдерживают его от злоупотребления своей властью, вызывают у него страх разжечь их гнев и спровоцировать против него мятеж, что дремлют в толпе»³.

¹ *Collected Essays*, Pt. I. No. 4.

² *Lectures on Jurisprudence*, ed. 1867, Vol. I. p. 242.

³ *The Province of Jurisprudence Determined*, p. 14 (ed. 1861). Смотрите также *idem*, сноску к р. 192

Это всего лишь одни из многих способов выразить истину о том, что ни в одном государстве не будет силы, что превосходила бы ту, что можно обнаружить в народе. Целое всегда больше любой составной его части.

Государства различаются устройством, объёмами политической власти, что находится в руках субъектов политики, а также способами осуществления этой власти, но **величина** этой власти всегда и везде одинакова. Они могут быть деспотичными или же демократичными – это зависит от того, с какой лёгкостью их конституции допускают законное выражение и исполнение воли граждан в вопросах государственного управления. Таким образом, «народный» характер государства прямо пропорционален чувствительности правящих сил к общественному мнению.

В наше время эта чувствительность в значительной степени выражается в народном представительстве, расширении избирательного права, местного самоуправления, таких приёмов, как референдум в Швейцарии, а также в виде «обращений к стране» со стороны потерпевшего поражение министерства в Англии и частыми выборами в Америке.

Если теперь мы признаем, что власть народа в конечном итоге обуславливает действия тех, кто ими управляет, подошли ли мы к концу нашего исследования? Ни в коем случае!

Прежде всего, необходимо зафиксировать определённую коннотацию термина «народ». Если под ним мы имеем в виду простую сумму индивидов, составляющих государство, мы получаем «государство, разделённое на его атомы, и верховную власть, приписываемую неорганизованной массе или большинству этих индивидов. Это крайне радикаль-

и р. 272. Профессор Дьюи в мартовском выпуске 1894 г. *Political Science Quarterly* показывает склонность Генри Мэна и некоторых других авторов интерпретировать систему взглядов Остина, как будто бы она игнорирует эту высшую обуславливающую силу народного одобрения.

ное мнение противоречит самой сути государства, которое является основой суверенитета»¹.

Если «народом» мы назовём людей, объединённых и политически организованных, то мы не продвинемся тем самым в установлении места суверенитета; мы лишь повторим утверждение, что суверенитет – необходимая составляющая любого государства; что политически организованные люди – это и есть государство. Мы также не можем сказать, что термин «народ» в этой связи относится к тем гражданам, которые принимают участие в голосовании, или к большинству таковых; или к тем представителям, кого они избирают. Всё это не годится.

Конечно, граждане, имеющие право голоса, обладают самыми доступными средствами влияния на политику государства, но власть всё же осуществляется не только с одного их согласия. Даже там, где преобладает всеобщее избирательное право для мужчин, электорат составляет, как правило, 1/5 часть населения, и вряд ли у нас есть основания полагать, будто пожелания остальных 4/5 не требуют учёта при определении политических действий. В случае же революционной ситуации – избиратели едва ли способны привести её к успеху в одиночку. У них за спиной должна быть группа поддержки, придающая им дополнительную силу или, по крайней мере, они должны заручиться пассивным согласием большей части общества. Даже в рамках отправления избирательного права сами избиратели должны поступать не только согласно собственным желаниям, но и в соответствии с желаниями всего общества.

Таким образом, если мы говорим о суверенитете народа, мы не можем иметь в виду что-то иное, нежели суверенитет общественного мнения – ту силу, которую Либер определяет как «разум и чувства общества, непреодолимые, проявля-

ющие свою власть повсюду», и власть, что «придаёт смысл букве закона; без которого писанный закон – лишь слова»². Таким образом, суверенитет, как ярко выразился профессор Вудро Вильсон, сводится к «перечню влияний»³.

Конечно, даже если этот вывод верен, и каким бы утешительным он не был для сторонников народного правительства – мы не можем довольствоваться им с точки зрения юридической науки. Получается, что наиважнейший атрибут государства – суверенитет – оказывается властью, которую можно определить только в отношении текущего момента могущества и которая не может быть выражена с помощью конкретных органов государства – политических институтов. Более того, политические решения почти во всех случаях могут лишь в большей или меньшей степени соответствовать воле народа даже при самом демократичном из правительств; и влияние государства, по большей части, ощущается негативным образом. Его высшая мощь проявляется с положительной стороны только когда демонстрируется его способность противостоять или разрушать политические условия, которые стали для него неприемлемыми. Если такова и есть природа суверенитета, казалось бы, он обладает лишь немногими качествами, что могли бы закрепить его как юридическое понятие.

Но нам и не нужно придерживать-ся данной точки зрения. Вся проблема в том, что те, кто занимает эту позицию, сбиваются с пути в поисках окончательного места расположения суверенитета и делают выбор в пользу того, что на самом деле обуславливает политические действия, но **не имеет ни юридической, ни гражданской природы.**

Общественное мнение, существующие само по себе, без каких-либо государственных органов, с помощью которых может осуществляться его власть, не является, строго говоря, гражданской

¹ Bluntschli, *Theory of the State*, trans., 2d ed., p. 497.

² Political Ethics. Chap. 65.

³ An Old Master and Other Essays. P. 78.

властью. Сам факт того, что политическая деятельность редко в точности соответствует желаниям общества и зачастую противоречит им, может быть достаточным доказательством того, что его нельзя отождествлять с волей государства. Это, конечно, сила, с которой правительство должно считаться при определении политического курса – таким образом, общественное мнение всё же обуславливает направление и способы государственной власти – но оно не тождественно государству. Суверенитет – это всё же политический термин, он определяет политическую власть. А истинная политическая власть может осуществляться только в том обществе, которое политически организовано, т. е. посредством его официальных политических институтов.

Однако Руссо сказал бы, что «суверен» под именем Общая Воля имеет своё народное собрание, где может участвовать каждый гражданин – это институт, через который могут выражаться приказы. Но даже если допустить, что практически осуществимо созвать такой орган власти где-либо, кроме чрезвычайно малых государств, даже тогда не возникла бы уверенность, что его приказы в точности отражали бы Общую волю. Всегда существует опасность, что такое собрание будет контролироваться фракциями в корыстных целях. Сам Руссо признаёт это. «Когда в достаточной мере осведомленный народ выносит решение, то, если граждане не вступают между собою ни в какие сношения, из множества незначительных различий вытекает всегда Общая Воля, и решение всякий раз оказывается правильным. Но когда в ущерб основной ассоциации образуются сговоры, частные фракции, то воля каждой из них становится общей по отношению к её членам и частной по отношению к государству; тогда можно сказать, что голосующих не столько же, сколько людей, но лишь столько, сколько ассоциаций. Различия становятся менее многочисленными и дают менее общий результат.

Наконец, когда одна из этих фракций настолько велика, что берёт верх над всеми остальными, в результате получится уже не сумма незначительных расхождений, но одно-единственное расхождение. Тогда нет уже больше Общей Воли, и мнение, которое берёт верх, есть уже не что иное, как мнение частное»¹.

Другими словами, лишь в идеальном обществе, члены которого не только просвещены и честны, но активно действуют в своих политических интересах, а также свободны от фракционных обязательств – тогда и только тогда у нас возникает уверенность, что Общая Воля будет сформирована, даже в формате собрания, членом которого является каждый гражданин.

В итоге мы должны заключить, что нельзя сделать вывод, будто «Общая Воля», или «общественное мнение», или «народный суверенитет», или как бы мы не именовали этот феномен, способно на авторитетное и точное выражение своих желаний посредством какого-либо института или нескольких институтов, т. к. просто не располагает таковыми.

Итак, нами было фактически доказано: всё, что заключено в идее так называемого «суверенитета народа» – это «право народа на революцию» или, вернее, «власть революции», которая вытекает из их неорганизованной массы, но не от её организованной силы.

Но будь то революционное право или революционная власть – ни в том, ни в другом случае не наблюдается юридической составляющей. Юридические права и обязательства создаются и налагаются только на основании позитивного права, и такой закон существует только как выражение воли политического института. Простым фактом, что люди разделяют революционные настроения по отношению к своему правительству, т. е. стремятся обеспечить выполнение своих требований способами, отличными от предусмотренных законом – они выводятся за

¹ The Social Contract, Bk. II. Chap. III.

пределы правового поля государства в том, что касается таких действий. Каким бы правильным не было их поведение с моральных позиций, с правовой точки зрения они ведут себя не как политическая организация, а как толпа. Фактически они прямо отказались от государственных институтов. Таким образом,

это не может быть актом суверенитета, поскольку сам суверенитет, как это было ясно определено и всеми признаётся, исходит от государства и принадлежит политическому сообществу, а не единой совокупности людей. Пока народ не станет политически организованным, у него не будет суверенитета.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вестел Вудбери Виллоуби (1867–1945) – американский политический философ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Westel W. Willoughby (1867–1945) – the American political philosopher.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Моисеенко Ян Юрьевич – младший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR OF THE TRANSLATION

Jan Yu. Moiseenko – Research Assistant, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Уиллоуби В. Глава 11. Место расположения суверенитета в организме государства / пер. с англ. Я. Ю. Моисеенко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 195–202.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-195-202

FOR CITATION

W. Willoughby. Chapter XI. Location of sovereignty in the body politic (Russ. ed.: J. Yu. Moiseenko, transl. *Glava 11. Mesto raspolozheniya suvereniteta v organizme gosudarstva*). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2021, no. 31, pp. 195–202.
DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-195-202

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчики А. С. Барминова, Н. Г. Попова, Н. Г. Юрышева
Корректор Н. Л. Борисова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 15,75, усл. п.л. 12,75.

Подписано в печать: 30.06.2021. Выход в свет: 16.07.2021. Заказ № 2021/06-10.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А